

**Скандал вокруг Всероссийского детского центра пересадки почки при РДКБ ускорил внесение изменений в Закон о трансплантации.
Остановит ли это чиновничий произвол?**

Верните наши почки!

Галина СИДОРОВА

*«...Остаться с болью наедине,
Не нужно во всем винить судьбу.
Я выдержу, смогу стерпеть,
Понять вот только не могу.
...Остаться с болью наедине,
Не надо плакать,
Ведь я сильней.
Остаться с болью наедине,
И прошептать – ведь я сильней!»*

Сельфина Казарян, 14 лет

Это происходит здесь и сейчас. В нашей стране. В нашем городе. С нашими детьми. 31 ребенок во Всероссийском детском центре трансплантации почки при Российской детской клинической больнице (РДКБ), страдающий хронической почечной недостаточностью, оказался на грани жизни и смерти. Причина: отсутствие органов для пересадки. Никто из тех, кто соприкоснулся с этой историей, не смог остаться равнодушным. Моя коллега Яна Поплавская, первой узнав о беспределе, ринулась в бой с чиновниками – правда, чтобы достучаться до высоких кабинетов, пришлось «обернуться» частным лицом – особенностью российской бюрократии – или демократии, кому как нравится.

Владимир Путин немедленно начертил на письме вра-

чей и отчаявшихся мам президентскую резолюцию: «Рассмотреть и доложить». Замгенпрокурора Александр Буксман, председатель Совета Федерации Сергей Миронов – все проявили себя прежде всего как нормальные люди. Все. Кроме чиновников от здравоохранения, которые либо внесли свою лепту в создание этой ситуации, либо вовремя в нее не вмешались, либо по долгу службы вообще не должны были ее допустить. Эти торговались: будут ли преданы огласке «неприятные факты», подсчитывали, сколько точно детей надо спасать и убытки для собственной репутации. Такая вот математика. И даже разбуженные указанием из Кремля, «здравоохранители» не торопились. В который раз доказав, как, собственно, далеки они от тех, чье здоровье призваны охранять...

Таль, Гуля, Сельфина...

...Странно. Пахнет больницей и домашними пирогами. Это кто-то из мам печет на кухне. Здесь не лежат. Здесь живут. Когда я впервые пришла «на почку», гардеробщица в раздевалке участливо спросила: «Вы как, с ночевкой?»

Мамы устраиваются как могут – в больнице рядом с ребенком, у друзей или родственников, снимают угол поблизости. В единственный в стране детский центр трансплантации почки приезжают со всей России. По квоте Минздрава. Направления ждут по несколько лет. Операции – только бесплатные. Попасть – выиграть счастливый билет: надежду на жизнь, которая и после пересадки не будет легкой. Зато – будет.

В РДКБ дети оказываются в листе ожидания. Это – не

Маленькие пациенты Всероссийского детского центра трансплантации почки при РДКБ оказались заложниками чиновничьих интриг

очередь. Почка может подойти вновь приехавшему, а может – тому, кто ждет много месяцев. Справедливая лотерея. Если вообще лотерея может быть справедливой.

Эти дети отличаются от сверстников – они научились ждать и никому не завидовать. Счастливчика, которому подошла донорская почка, на операцию провожают всем отделением, с аплодисментами и криками «Ура!», и так же встречают.

В то же время первая реакция на смерть друзей, с которыми еще накануне играли, постороннему может показаться злой: «Сам виноват. Врачей не слушался». Срабатывает психологическая защита. Жалость, сочувствие приходят потом. Многие из этих детей не раз смотрели в лицо смерти. Но это не значит, что они к ней привыкли. Они ее ненавидят. По-своему. По-детски. А значит, очень искренне и сильно.

И в то же время это дети. Причем четырнадцатилетние выглядят десятилетними или даже моложе – ведь на гемодиализе дети не растут. А они за свою недолгую жизнь привязаны к искусственной почке не один месяц или даже год. У большинства обитателей отделения на ручке под кожей маленький мешочек – фистула. Признать того, что ребенок на гемодиализе. Чтобы сформировать фистулу, делают операцию на сосудах: артерию соединяют с веной, в месте соединения образуется мешочек, в кото-

PHOTOPRESS

Михаил Зураев: «Доверьтесь мне как врачу»

рый во время диализа вставляют иглы. Кровь в течение нескольких часов перекачивают через специальный аппарат, чтобы очистить от вредных веществ, откачать лишнюю жидкость и шлаки, и возвращают обратно в организм. Это и есть искусственная почка, по-научному – гемодиализ.

Что означает безобидно звучащее словосочетание, может представить только тот, кто испытал эту процедуру на себе. Но она – единственное, что до сих пор придумала наука, чтобы позволить выживать, когда собственные почки отказали. Другой вариант диализа – перитонеальный – подходит далеко не всем, да и его щадящим не назовешь: очищающая жидкость вводится в брюшную полость через специально вживленный катетер, и менять ее нужно до шести раз в день.

Юра Парфененко, реставратор по профессии, вынужденный заниматься мелким бизнесом, чтобы спасать дочь, рассказывает, как во двор их питерского дома через день приезжала скорая с врачом-реаниматологом и увозила десятилетнюю Авиталь в больницу на гемодиализ.

У маленьких пациентов отделения есть все, что любят современные дети: телевизор, видик, различные игры. И только один предмет выглядит странно в привычном наборе детских развлечений – аквариум с нарисованными рыбками. В нем нет воды. Диализные дети мужественно терпят боль. Но с трудом борются с жаждой. Пить можно не больше стакана в день. Многие так мучаются, что готовы выпить не то что из аквариума, из бачка в туалете. Некоторых мамы и медперсонал вынуждены туда сопровождать. Иначе лишнюю жидкость придется «снимать» во время диализа, а это грозит остановкой сердца, отеком мозга. В лучшем случае – реанимацией.

Марина Фисаренко, мама Авиталь, или Таль, как ее называют дома, – талантливая поэтесса, писательница и режиссер. Но и ей пришлось забыть о профессии. Пишет свои пронзительные эссе в стол, живя уже несколько лет по больницам и как может помогает другим мамам и детям, отмеченным общей бедой. «Мы, родители, становимся младше своих детей – они мудрее и мужественнее нас. Они в одиночку проходят собственную боль и страх, осознают свое отличие от других детей. Они не ходят в школу, не играют в футбол, не танцуют на дискотеках, не ездят на дачу, потому что через день их подключают к машине, благодаря которой они живут...»

– Знаете, – рассказывает Марина, – мы дома даже чай пить перестали, как обычно бывает по вечерам, когда собирается на кухне вся семья. Нам было стыдно перед Таль, что мы можем, а она – нет. Жажда – самое страшное. Даже во сне дети постоянно чмокают пересохшими губами...

Таль – замечательная мудрая девочка с необыкновенными глубокими глазами, которые от рождения почти не видят, но каким-то непостижимым образом чувствуют собеседника. По местным понятиям, ей повезло. Позади долгие мучения в Питере, когда надо было попасть в заветную квоту Минздрава, два места, положенные региону. И почку она ждала в РДКБ «всего четыре месяца». Ее

прооперировали три года назад. Сейчас она в больнице на плановом обследовании. Раз в полгода или в год «пересаженные дети» – те, кто может, – приезжают в РДКБ для корректировки лечения. До конца жизни ежедневно, по часам, им предстоит принимать преднизолон и другие препараты, подавляющие иммунитет. Иначе почка начнет отторгаться. Чем моложе человек, тем иммунитет у него сильнее. И у детей опасность отторжения пересаженного органа выше, чем у взрослых. Дозы препаратов корректируются во время обследований. Лекарства импортные, дорогостоящие, положены таким больным бесплатно. Проблема в том, что в некоторых регионах с их поставкой случаются перебои. Чем это грозит пациентам, догадаться нетрудно.

Не знаю почему, но большинство тех, с кем я познакомилась «на почке», – дети с какой-то изощренно изломанной судьбой. Маленькую Гулю из Нижнекамска мама Гузель носит на руках. Впрочем, по возрасту Гуле уже пятнадцать. За шесть лет на гемодиализе в больнице Казани – пока мама билась в разные чиновничьи двери, чтобы получить направление в РДКБ, – девочке ни разу не назначили традиционного для таких больных препарата кальция. Результат – сломанная шейка бедра, из-за чего она и не может теперь ходить. Вечерами Гуля рассматривает фото своей семьи. Папу убили, старшая сестра Лиля умерла в той же казанской больнице с тем же диагнозом...

Сельфина Казарян – удивительно солнечный человек. Глядя на нее, кажется, что она вот-вот откинет забавную розовую простынку из детской – любимый цвет, как она мне призналась, – все эти бинты и трубочки, опутавшие худенькое тельце, и начнет танцевать завораживающий восточный танец. Что она, кстати, и делала на новогоднем празднике здесь же, в отделении. До операции. Еще она сочиняет песни и мечтает стать певицей. Или врачом. Что касается последнего, то по части медицины опыта у 14-летней Сельфины предостаточно. С 2004 года она – на системном хроническом диализе. Два года в РДКБ – в надежде дождаться подходящей почки. Во время одного из сеансов гемодиализа случился инсульт. Три дня комы, реанимация. Сельфину вытащили. И она вновь поверила в чудо.

В отличие от многих своих друзей по несчастью Сельфина родилась здоровой, и ничто не предвещало беды, рассказывает мне ее мама – Гуар. Художница, которая сегодня не может заставить себя рисовать. Зато печет пироги и сладости и подкармливает все отделение. В середине 90-х, вскоре после рождения дочери, счастливый папа Мамикон Казарян остался без работы и отправился на заработки в Россию, в далекую Читу. Устроился – он хороший автомеханик, и вся семья перебралась к нему.

Несчастье свалилось, что называется, по глупости. Сельфина поведала мне, как они со старшим братом Юрой решили закаляться – раз уж попали из армянского тепла в сибирские морозы. И пока родители не видят, бегали по снегу босиком, обливались холодной водой. Этот экстрим или что-то другое спровоцировало, но девочка заболела тяжелым гриппом – ей было тогда десять лет. После чего развился гнойный перикардит. Огромные дозы лекарств, антибиотиков. Два месяца врачи боролись за ее жизнь. Закончилось все ХПН – хронической почечной недостаточностью.

Именно Сельфине – так уж распорядилась жизнь – выпало оказаться заложницей чиновничьих амбиций и недомыслия, а возможно, и преступной халатности.

Приказы и заказы

Чтобы понять истоки конфликта, придется вернуться в 1992 год. Тогда в России принимается закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека», позволяющий производить забор органов только в государственных учреждениях здравоохранения. Речь идет о так называемых трупных органах и трупном донорстве, которое во всех цивилизованных странах является основой развития трансплантологии: решение об изъятии органов там принимается только после того, как у потенциального донора констатирована смерть мозга; у нас пока только по биологической смерти.

Итак, на момент принятия закона муниципальных учреждений в стране не существовало как таковых, они автоматически попадали в разряд государственных. В середине 90-х ситуация изменилась. Учреждения здравоохранения законодательно были разделены на государственные и муниципальные. А значит, последние из процесса трансплантации автоматически выпадали – сначала чисто юридически, а стоило возникнуть неким субъективным, конфликтным факторам, чисто практическим.

Особые отношения центра и регионов, их абсурдное соперничество тоже отразились на проблеме особым образом. Москва, к примеру, создала собственный координационный центр органного донорства – только он может забирать почки на территории Москвы и дает их почти исключительно в Научно-исследовательский институт трансплантологии и искусственных органов (НИИТ и ИО) – попробуй туда не дай! – и в Московский городской центр трансплантации. Всероссийский детский центр по пересадке при РДКБ – хоть и на территории Москвы, но федеральный, иначе говоря – чужой – принимает детишек со всей России, в том числе, кстати, и столичных. Пришлось в условиях московской монополии обращаться к области.

Сначала все складывалось хорошо. С 2001 года в областном донорстве сотрудничали РДКБ, Московский областной научно-исследовательский клинический институт имени М.Ф.Владимирского (МОНИКИ) и НИИТ и ИО. Они распределили между собой донорские базы – РДКБ их получила семь – и создали координационный совет. Из-за отсутствия в МОНИКИ своей лаборатории тканевого типирования и практической функционирующей службы забора донорских органов, все почки МОНИКИ получал из РДКБ и НИИТ и ИО. Так было до конца 2004 года. Зав. отделением по пересадке почки РДКБ к.м.н. Алексей Валов даже получил благодарность от главврача МОНИКИ «за большую работу по развитию службы донорства почек в области». Другой фигурант этой истории Андрей Ватазин, координатор и руководитель по трансплантации почки МОНИКИ, получил от своего начальства нагоняй за отсутствие работы как таковой.

– Был период, когда МОНИКИ вообще не ездили никуда, в 2003, 2004 и в первую половину 2005 года почки забирали только мы, – рассказывает Алексей Валов. – А они с нас получали одну почку из двух. И прекрасно себя чувствовали. Когда это вскрылось, позвали ответственного за трансплантацию и донорство в области и говорят: почему в детской больнице, которая забирает почки в области, в 2004 году было 39 пересадок, а у вас всего пять – из них, кстати, четыре почки – «наши»...

И тут подключается министр здравоохранения области Владимир Семенов. Он решает проблему в лучших чиновничьих традициях. Издает свой приказ за номером 242 от 10.09.2004 г., по которому контроль за распределением донорских почек и монополия на эту работу по области плавно переходит в МОНИКИ непосредственно под крыло «отстающего» господина Ватазина. И это при том, что в МОНИКИ на тот момент все еще нет лаборатории типирования, и значит, распределять донорские почки по медицинским показаниям там просто не могут.

– Стоило нам, к примеру, отказаться делиться с МОНИКИ, если из двух почек обе подходили нашим детям, – вспоминает Алексей Леонидович, – сразу обострился конфликт. Нам дали понять, что нам будут давать возможность выезжать на свои базы только в том случае, если мы сможем «заинтересовать» коллег из МОНИКИ. Для чего создается монополия? Чтобы с ним пришли с протянутой рукой и сделали им предложение...

– Но, может быть, в области просто дефицит доноров? – Да ничего подобного, – отвечает на это Валов. – Специально проводился анализ. В лечебных учреждениях области за год больше тысячи человек погибли от черепно-мозговых травм – это только те, кого довели до больницы, но не сумели спасти. Они умерли в реанимационном отделении, имея историю болезни, то есть могли стать потенциальными донорами. Мы же забираем в области максимум 60. Получается, что черепно-мозговых травм на порядок больше, чем нужно для нашего детского центра. Нет дефицита доноров. Есть искусственно создаваемый дефицит возможности выезжать и забирать почку...

– Говорят, взрослые операции по пересадке почки стоят около 28 тысяч долларов. Получается, взрослых оперировать выгоднее...

– В РДКБ все дети Российской Федерации оперируются бесплатно. В области своим больным трансплантацию делают бесплатно. Остальные платят.

Итак, конфликт между РДКБ и Московской областью тлел, поначалу отражаясь только на нервных клетках руководства РДКБ и самого Валова, который как лев сражался за возможность забирать почки для детей. В феврале 2006 года к министру здравоохранения области Семенову с предложением нормализовать ситуацию и вернуться к существовавшему раньше «трехстороннему соглашению» обратились академики В. И. Шумаков, Б. А. Константинов, Н. А. Лопаткин и Н. Н. Ваганов.

Неизвестно, как бы развивались события, но в апреле 2006 года Прокуратура вдруг вспомнила о хитросплетениях Закона о трансплантации и сочла незаконным забор органов в муниципальных больницах – а они там в области все такие. В областной Минздрав полетела бумага за подписью зампрокурора области П. Г. Барковского. Забор почек прекратился. Трансплантология встала.

После вмешательства свыше прокурорский запрет был отменен. Зато министр Семенов выпустил новый приказ «О мерах по совершенствованию...» за номером 449 от 5 декабря 2006 года. Согласно этому документу, надлежало «при необходимости пересадки почек детям по согласованию с главным внештатным специалистом по трансплантации органов и тканей Министерства здравоохранения Московской области (А.В.Ватазин) привлекать к забору донорских почек специалистов РДКБ».

РДКБ все еще боролась за свои семь донорских баз, как вдруг 17 января 2007 года в 9.30 утра в кабинете Алексея Валова раздался звонок. Звонил теперь уже главный внештатный специалист Минздрава области Ватазин. Он сообщил, что накануне, 16 января 2007 года, в 20.30 бригада МОНИКИ произвела забор трупной почки, которая при типировании подошла Сельфине Казарян.

Сельфина дождалась. А 22 января Валов напишет замгенпрокурора Букману, чьими усилиями и был отменен прокурорский запрет в области:

«При грамотной проведенной операции орган не заболел, то есть отсутствовала выделительная функция, нарушен кровоток трансплантата. На следующий день ульт-

развукое и доплерографическое исследование выявило выраженное ишемическое повреждение пересаженной почки, ставящее под большое сомнение ее жизнеспособность.

...Считаю неоправданно большим срок консервации донорского органа. При работе бригады по забору почек РДКБ аналогичных проблем не было.

Я врач, поэтому мною двигало единственное желание – спасти ребенка, столь долго ожидавшего донорскую почку. После длительного перерыва в работе нашего центра при РДКБ по причинам, вам известным, я не считал возможным отказаться от предложенного органа...

Я не хочу обвинять и сомневаться в порядочности своих коллег, но, к сожалению, ситуация такова, что если нам не вернут базы (ЛПУ) для самостоятельного забора почек, жизнь детей и дальше будет зависеть от амбиций, конфликтов и непрофессионализма некоторых людей».

24 января очередным Положением о Координационном совете по организации органного донорства в Московской области, подписанным министром Семеновым, РДКБ вернули шесть баз.

26 января мужественной маленькой Сельфине удалили мертвую почку. Когда я увидела девочку, она еле разговаривала от боли. Сейчас глазки блестят. И она вновь надеется, что доктор Валов найдет ей «хорошую почку».

Доктор Валов

Так сложилось, что с Алексеем Валовым я познакомилась в знаменательный день. Он как раз направлялся на встречу со мной в редакцию, когда ему позвонили из больницы в Чехове и сообщили: есть почки, можно забирать. В итоге мы встретились на полпути. «Едете с нами?» – «Еду». Ехали обратно в больницу, где доктору предстояло в течение каких-то десяти минут собрать свою команду по забору. Их четверо – два хирурга, судмедэксперт и медсестра. Это потом я узнала, что Валов в «мирной жизни» спокойный, сдержанный, немногословный. В тот вечер, когда после полугодичного перерыва забрезжила возможность помочь «его детям», это был ураган – стусок энергии и энтузиазма (кстати, своих детей у доктора тоже немало – трое).

Валов пять лет сам проработал в МОНИКИ, пять – у Шумакова. Когда представилась возможность возглавить уникальный детский центр – не сомневался ни минуты. Хотя в детской трансплантологии многое пришлось осваивать на ходу. У детей своя специфика. Больше послеоперационных осложнений. Во многих странах разрешено и детское, и взрослое донорство. По российским законам донором можно стать только после 18 лет. Поэтому детям пересаживают взрослые почки. Пересаженные детские почки растут вместе с ребенком. Взрослые – «усыхают».

сталкивающимися с проблемой ХПН – так называемые неблагополучные или социально незащищенные. Как это ни ужасно, но детдомовских малышей в центр практически не берут. Прооперированному нужен рядом дееспособный взрослый, чтобы по часам принимать лекарство, вовремя сдавать анализы. Иначе трансплантация заканчивается печально...

Детских хирургов-трансплантологов в нашей стране можно пересчитать по пальцам одной руки. И, судя по всему, доктор Валов – один из лучших.

На следующий день, в субботу, 10 февраля Валов оперировал 11 часов – две пересадки с получасовым перерывом. Сегодня уже можно говорить: обе прошли успешно. Оказалось, такой результат не предел. Я случайно узнала, что Валову принадлежит своеобразный рекорд, который должен был попасть в Книгу Гиннеса. Они с коллегами сделали два забора и четыре пересадки в течение суток. Все – успешно. Валов показывает мне фотографию: четыре ребенка и четыре мамы – Санкт-Петербург, Москва, Ростов, Краснодар – в окружении врачей. Сметется: «Не знаю, записали ли нас в анналы Гиннеса, но то, что в нашей стране этого никто не делал, это точно».

Дети и их мамы любят Алексея Валова не только, а может быть, не столько как виртуозного хирурга. Скорее как Доктора Валова. Внимательного, доброго – который несет к своим пациентам в выходные, выцарапывает из лап болезни, выхаживает, подбадривает, следит за дальнейшей судьбой. Ровно по этим причинам его недолюбливает начальство и особенно чиновники – от таких, как Валов, сплошное беспокойство.

А он и не собирается успокаиваться.

Сейчас, например, намерен решить еще одну проблему, до которой не доходят руки у сонных минздравовских бюрократов, которые и скандальной ситуацией вокруг детей заниматься не торопились, назвав ее «спором двух хозяйствующих субъектов».

Минздраву нужно не квоты рассылать по 87 регионам страны, при том, что Всероссийский детский центр трансплантации почки при РДКБ способен сделать 40-50 пересадок, а озаботиться созданием, по крайней мере, еще в семи округах центров, подобных нашему. Вот тогда можно будет охватить большую часть нуждающихся. Кто должен решать эту задачу, думать о программе, о финансировании? Минздрав.

Спрашиваю про родственное донорство. Мама Сельфины, например, хотела отдать дочери свою почку, но та не подошла. Оказывается, трансплантологи считают родственное донорство крайней мерой. Человек, лишившийся почки, становится инвалидом. Однако у нас в стране он в этот разряд не попадает, потому что пошел на такой шаг добровольно. Были случаи, рассказал Валов, когда мамы оказывались после операции на диализе вместе со своим ребенком. А это трагедия – ведь «поднять» ребенка при этом она уже не способна. К тому же большинство семей,

Великолепная четверка – Оськин, Шаталов, Комаров, Ялышко. Этим мальчишкам из Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Москвы и Ростова четверка хирургов – Валов, Балкаров, Гуров, Смирнов – сделала четыре успешные пересадки в течение суток

Юная поэтесса, танцовщица и будущий врач **Сельфина Казарян после операции**, в ходе которой девочке пришлось удалить так и не заработавшую почку.
Внизу: **просто красавица**. Сельфина во время празднования в больнице Нового года

Доживем до восемнадцати...

...Оля Ефимцева приехала в Москву с мамой со станции Ерофей Палыч под Благовещенском. У нее есть младший брат – семилетний Паша, который остался дома с отцом. Пока мама боролась за Олину жизнь, папа устроил свою. Не забыв при этом оставить за собой дом, а сына определить в приют. Рвуемся к маме ребенку папа посоветовал подождать: мол, Оля скоро умрет, и мама сама к тебе придет. Мальчик позвонил маме и попросил ее не приезжать, «потому что я не хочу, чтобы Оля умерла»...

Когда подростку исполняется 18, из детской больницы его обязаны выписать. А чтобы попасть во взрослый лист ожидания и соответственно в какой-то из взрослых центров трансплантологии, надо возвращаться к себе в регион – на свою станцию Ерофей Палыч (интересно, как там с диализным оборудованием?), в конце взрослой очереди, и снова ждать направления. Оле Ефимцевой исполнилось 18.

Ей повезло. Благодаря росчерку пера президента, а также давлению «частного лица» и журналистов руководство Минздравсоцразвития сподобилось написать письмо в щумаковский институт, и девочку туда приняли «в счет квот резерва министерства на высокотехнологичные виды медицинской помощи». В порядке исключения. Маленького Пашу перевели в приют Московской области, где его может навещать мама, продолжающая бороться за жизнь дочери. Мир не без добрых людей. Но скольких еще чиновников нужно «взбудрить» резолюциями сверху, чтобы они сами начали заниматься неотложными вопросами, искать разумные выходы из непростых ситуаций? Скольким еще людям суждено погибнуть из-за их равнодушия?

Алене Кропп из Краснодарского края исполнилось 18. Дня рождения она ждала как приговора. Главврач РДКБ Николай Ваганов договорился с руководителем Московского координационного центра органного донорства о первоочередной доставке подходящей почки в РДКБ, если таковая появится. Также в порядке исключения. Хотелось бы надеяться, что почка придет. И что если этого не случится, у самого руководства РДКБ хватит воли, мудрости и милосердия – в порядке исключения – не выкидывать Алену из больницы 25 марта 2007 года: на этот день она уже назначена на выписку...

Вообще, сами врачи, которым в отличие от чиновников приходится смотреть в глаза обреченным на умирание подросткам, которым они после определенной даты не вправе оказывать помощь, пытаются искать выход.

РДКБ заключила договор с Петербургским государственным медицинским университетом имени академика И. П. Павлова о содействии последнему в организации отделения пересадки почки на базе НИИ нефрологии при СПбГМУ, куда могли бы, в том числе, приниматься на лечение пациенты из РДКБ, достигшие 18 лет. Уже назначен руководитель отделения – ученик Валова, классный хирург Аслан Балкаров. Нет только почек: за год была проведена всего одна трансплантация – почку переслали из РДКБ. Потому что и в Питере у тех немногих, кто трансплантацией (взрослой) занимается, свои «делянки», собственные маленькие монополии. И с «федералами» никто делиться не хочет. Чтобы получить свой «надел» – собственные базы забора – Балкарову необходимо соответствующее решение местных здравоохранительных

начальников. Те же, в свою очередь, вряд ли пошевелятся, пока не получат указание – ну хотя бы губернатора. Так что вся надежда на Валентину Ивановну...

В августе 2006 года ректор ГОУ ВПО СПбГМУ академик Н. А. Яицкий направил министру Зурабову предложение о создании федерального Центра органного донорства по Северо-Западному региону РФ. 2 октября был получен ответ: предложение рассмотрено и во второй декаде октября по этому вопросу запланировано совещание. Дальнейшая судьба «рассмотренного предложения» неизвестна. Скорее всего, задержалось под сукном в очередном кабинете.

Министры и министрики

В канун подписания номера в печать законодателя приняли, а президент подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей». Отныне забор органов может осуществляться не только в государственных, но и в муниципальных учреждениях здравоохранения. Депутаты устали председателя Комитета Государственной думы по охране здоровья Татьяны Яковлевой заговорили о создании федеральной программы «О трансплантации органов и тканей», координационного центра и единого регистра доноров и реципиентов.

В идеале любой забор должен быть проведен высокопрофессионально, почка грамотно типирована, информация о ней должна попасть в единый банк данных, а сама почка – немедленно оказаться на пути к тому, кому она больше всего подходит, где бы он ни находился. Но это в цивилизованных странах. У нас на практике все по-другому. Почему?

– Да потому, что все зависит от человеческого фактора, – рассуждает доктор Валов. – Куда уж далеко ходить. Возьмем последнюю трансплантацию. Казалось бы, все вопросы решены, указания сверху получены. Но не поехал бы я сам в Чехов, не поговорил бы с главным врачом той больницы и заводделением, не отследил бы лично все вопросы, не состоялось бы этих пересадок. Никто сегодня не заинтересован в продолжении конфликта. Но нет у нас гарантий, что очередным приказом и под благовидным предлогом создания общего регистра и т.п. у нас снова все не отберут. Потому что под словом «объединить» чиновники подразумевают «монополизировать».

Единственная гарантия от их произвола – закон, в котором должно быть прописано все. И единый регистр, куда вписаны все пациенты. И то, что по оптимальной совместимости, независимо от учреждения – будь то НИИТ и ИО или вновь открытый центр в Урюпинске – приоритетным правом пользуется тот пациент, которому, по объективным показателям компьютера, а не сидящего рядом с ним человека, этот орган больше всего подходит. И то, что он к этому пациенту доставляется, как бы сложно ни было. А иначе никакой регистр нас не спасет.

Что же касается Минздрава, то ему нужно не квоты рас-

сылать по 87 регионам нашей страны – при том, что наш центр способен сделать 40–50 пересадок – не верить судьбы детей, постановляя, кого брать, кого не брать, а озаботиться созданием, по крайней мере, еще в семи округах центров, подобных нашему. Вот тогда можно будет охватить хотя бы большую часть нуждающихся. Кто должен решать эту задачу, думать о программе, о финансировании? Минздрав...

...На днях Михаил Зурабов, по следам другой трагедии – с малышкой в Краснодаре – предложил принять закон о защите прав пациентов, а следом – о страховании профессиональных рисков врачей. «Доверьтесь мне как врачу», – заявил в свое время министр критически настроенным сенаторам на слушаниях в Совете Федерации. Но что-то мешает довериться энергетике-кибернетику, бизнесмену, страховщику и мультимиллионеру Зурабову. Ни как врачу. Ни как министру. Некоторые его коллеги отмечают его быстрый ум и способность генерировать одно-временно много идей: «Не успеваешь за ходом его мысли. Через три минуты запутываешься и начинаешь ощущать себя полным дураком. В результате Зурабов начинает разговаривать сам с собой».

Впечатление, что большинство чиновников в нашей стране тем и занимаются, что разговаривают сами с собой. А бедные граждане, как в старые добрые времена, чтобы починить кран, пишут челобитную царю, генсеку или президенту.

Математика доктора Валова – спасенные человеческие жизни и успешно проведенные операции. Математика министра Зурабова и иже с ним: ступеньки служебной лестницы, количество званий и завязанных полезных связей, звездочки на погонах и нули на счетах. Поневоле возникает наивный вопрос: зачем нам все эти гигантские министерства, министры и министрики, делающие себе и родственникам гешефты на занимаемых постах, между прочим, за счет нас, налогоплательщиков. Может быть, упразднить их как класс, да платить нормальные деньги врачам, учителям и представителям других профессий, которые делают свое дело – спасают больных, учат детей? Или хотя бы им не мешать...

14-летняя Сельфина, едва придя в себя после операции, узнала две новости: страшную – пересаженная почка не заработала, и хорошую – появилась надежда, что за новой почкой поедет сам доктор Валов. И девочка тоже написала Владимиру Путину письмо: «Я верю только маме, доктору Валову и Вам, уважаемый Владимир Владимирович. Спасибо Вам, что больше ни с кем так не случится!»

А вот что написал президенту восьмилетний Владик Летуев из Питера: «Дайте мне почку хотя бы на время, чтобы я успел сыграть с папой в футбол»...

Вилянди, февраль 2007 года. Немецкое военное кладбище. Справа: Бронзовый Солдат на таллинской площади Тынисмяги

В Таллине при Сталине и без него

Бронзовый Солдат и похороненные под ним 14 бойцов Советской Армии; мои друзья, Герой Советского Союза Арнольд Мери и бывший «пособник» лесных братьев Валев Каска, а также все мы, сторонники и противники переноса монумента, – жертвы страшной эпохи, которая все еще держит нас в своих каменных объятиях

Леонид ВЕЛЕХОВ

*Наверно, вы не дрогнете,
Сметая человека,
Что ж, мученики догмата,
Вы тоже – жертва века.*

Борис Пастернак

Несмотря на двадцатиградусный мороз, приехав на рассвете в Вилянди, я долго бродил по городку, прежде чем отправиться к Валеvu. За те сорок лет, что я здесь не был, мало что изменилось: несмотря на экономический эстонский расцвет, Вилянди остался полугородком-полудеревней, где несколько замечательных средневековых строений в готическом стиле – ратуша, собор, водонапорная башня, аптека – и еще несколько сооружений в стиле югенд, господствовавшем в начале прошлого века, соседствуют с избами в стиле вполне русском, с завалинкой, палисадом, развешанными во дворе обледеневшими портками и стоявшим в это утро столбом дыма из печной трубы. Не очищенные от снега и превратившиеся в эти дни в форменный каток, резво сбегающие к озеру улочки не просто дополняли сходство с Россией, но трижды больно о нем напомнили, когда, поскольз-

нувшись, я летел со всего размаха наземь, ударяясь то плечом, то бедром, но, как Чапаев винтовку, спасая в высоко поднятой руке фотокамеру. Когда я особенно болезненно приложился затылком, мелькнула мысль, что затея довольно рискованная – на улице ни души по случаю раннего утра и крепкого морозца, и, случись что и не сумей я подняться самостоятельно после очередного падения, можно тут и замерзнуть, как ямщик в степи. Но желание заново пройти, прошу прощения за высокий штиль, дорогами детства пересиливало эти малодушные опасения.

Я бродил по развалинам рыцарского орденового замка XIII века, где когда-то, десятилетним мальчишкой, нашел проржавевшую конскую подкову, по сей день украшающую дверь моего московского дома. Я и по сей день тешу себя иллюзией, что подкова отвалилась с копыта рыцарского коня, а не колхозно-крестьянского, хотя прошло столько времени и, главное, свершилось столько событий, что и эстонский колхозный конь превратился уже в исторический персонаж.

Я притоптал, как бродячая собака, весь снег на крыльце старой гостиницы, теперь вернувшей себе прежнее, досоветское название «Гранд-Отель», куда мы ходили в давние времена с родителями обедать и где официант, не в силах скрыть дрожь ненависти в пальцах, записывал в блокнотик наш заказ, после чего исчезал надолго – однаж-

ды, как сейчас помню (мы засекали время), на полтора часа, так что моя острая на язык мама не выдержала и спросила у пробежавшего мимо его коллеги: «Скажите, а тот человек, который взял у нас заказ, он что, умер?» Коллега, не меньший, возможно, русофоб, чем «наш», не столь, видимо, дерзкий, но наверняка наслаждавшийся вместе с ним и прочей челядью на кухне той экзекуцией, которой были подвергнуты «двое русских с маленьким мальчишкой», явно не ожидал такого, нераздраженного, с милой маминой интонацией, но оттого еще более издевательски звучащего вопроса, и на полном ходу, как лошадь, осадил, едва не выронив из рук тарелку борща с вкуснейшими пампушками. После чего понесся опрометью на кухню, и через мгновение оттуда уже семенил наш гаврила с физиономией, насыщенностью цвета мало уступавшей борщу, который он наконец нес. После этого случая нас, кстати сказать, в «Гранд-Отеле» больше не обижали.

Увлекаясь воспоминаниями, но помня все-таки, что с морозом не шутят, я совершал свои экскурсии в детство короткими марш-бросками, перемежая их посещением тоже в неизменном с моего детства виде сохранившейся кофейни – kohvik, по-нашему, по-эстонски, – где много лет назад я ежедневно ел такие вкусные взбитые сливки, каких после отведать уже не пришлось ни в одном городе мира. Но на этот раз сли-

Валеву Каске, юность которого прошла в соликамском лагере, не за что любить советскую власть и ее памятники

вок я не спрашивал – куда потребнее была чашка кофе с рюмочкой «Vana Tallinn». Особо не последняя.

Мертвые сраму не имут

Согрелшись в очередной раз и не забывая, что приехал сюда все-таки не только детство вспомнить за казенный счет, но и редакционное задание выполнить, я потащился в совсем уже дальний конец городка, за «железку» (в мои времена здесь ходила допотопная, с царских времен сохранившаяся узкоколейка, на которой мы и переезжали в Вильянди из Таллина), на так называемое немецкое кладбище, где похоронены солдаты Третьего рейха. В советское время кладбище было разрушено, практически сровнено с землей, но мы с моими местными друзьями Мати и Калле иногда прибегали сюда, с любопытством разглядывали разбитые надгробные плиты, искали железные солдатские кресты, которыми, впрочем, в ту пору, в 60-е годы, была буквально усыпана земля во многих местах Советского Союза.

Сейчас моим глазам открылась совсем другая картина. Кладбище приведено в идеальный, «немецкий» порядок, однотипные каменные лютеранские кресты, сгруппированные по три, словно деревья на опушке или грибы, скорее, наверное, символизируют захоронения, нежели их точно обозначают: вряд ли можно было с точностью восстановить места и «хозяев» конкретных могил после стольких лет царившей на этом месте свалки из сломанных крестов и разбитых плит.

С возвышения крепостного рва, что через дорогу, на кладбище смотрит конная статуя генерала Лайдонера – уроженца здешних мест, первого эстонского генерала, главнокомандующего, который доблестно отстоял независимость Эстонии от немцев в 1918 году, а потом, в 1939 году, смиренно подписал так называемый «договор о взаимной помощи» с СССР и сразу же после прихода советских войск отправился в сталинские лагеря. Видимо, в награду за то, что он был одним из тех в руководстве независимой Эстонии, кто считал союз со Сталиным и размещение советских военных баз не просто неизбежным, но политически резонным шагом. До освобождения Йохан Лайдонер чуть-чуть не дожил: умер неделей позже «отца народов», 13 марта 1953 года, во владимирской тюрьме.

Памятник Лайдонеру, конечно, тоже был мне в новинку: в «мое» время имя этого человека в советской Эстонии если и упоминалось, то только с уничижительными эпитетами впридачу. Впрочем, я знал о факте существования монумента из газет, сообщивших как раз в дни моего пребывания в Эстонии, что какие-то вандалы сперли у бронзового генерала саблю.

Вернувшись в kohvik и опрокинув для согрева еще одну рюмочку «Vana Tallinn», я позвонил наконец Валеvu и сообщил, что я уже в Вильянди.

Сорок лет спустя

Валев это тот самый друг моих родителей, в дом которого мы приезжали на летние каникулы несколько раз подряд в течение 1960-х годов. Началось все с обычного съема дачи – кто-то посоветовал, дал адресок, списались, приехали, но уже в первое лето родители так сдружились с Валеvom и его женой Астой, что деньги за постой те взяли отказались, стали ездить как друзья (они к нам в Москву тоже приезжали, но, конечно, не месяцами, как мы у них, гостили). Так что стереотип о том, что «эстонцы не любят русских», разрушился на моих глазах. Ведь ехали в первый раз тоже не без опаски: как примут?

Что же сблизило наши семьи? Не в последней очереди, наверное, общая судьба: сталинщина прошла кровавыми сапогами не только по жизни Асты и Валева, но и по родительской. У Асты в депортацию 1949 года отправилась вся семья, сама она чудом ее избежала: весь тот день, когда к ним нагрянули из НКВД, играла в волейбол, а когда побежала домой, то издали увидела распахнутые настежь двери и окна. Соседи встретили за околицей, все рассказали, и у нее, 16-летней, хватило ума домой не заходить (там наверняка ждала засада – такая у НКВД была повадка), а, как была, в белых спортивных тапочках и летнем сарафане пойти прочь, куда глаза глядят... 17-летний Валев угодил в лагерь вместе со своим отцом и матерью еще в 1946-м. Ну, а у моей мамы в 37-м сгинул брат, у папы еще раньше, в 29-м, – отец. Говорили и в 60-е годы об этом очень осторожно, но жизнь под одной крышей, частые застолья, а главное, ощущение, что перед тобой такие же порядочные и достойные люди, как ты сам, с такой же трудной жизнью, и совершенно неважно, что они русские, а ты эстонец, – это ощущение сближает и развязывает языки.

Последней «сдалась», я помню, бабушка Ольга Касперовна, мать Валева, которая долго нас сторонилась, к застолям не присоединялась, оставаясь сидеть в своем кресле у печки на кухне. А потом оттаяла, расцвела прекрасной, доброй улыбкой на суровом, изможденном жизнью лице. Вдруг оказалось, что по-русски она говорит очень чисто и красиво, и выучила она язык не в сталинском лагере, в силу необходимости (как ее сын, который впрочем вовремя понял, что если язык тюремщиков не выучишь, то сгинеешь на лесоповале), а в ту еще, довоенную и даже дореволюционную пору, когда русский в Эстонии знали очень многие и к русским относились очень хорошо. (В отличие, скажем, от немцев, которых терпеть не могли).

В самом начале 70-х мы ездить в Вильянди перестали, какое-то время еще продолжали переписываться, потом и это сошло на нет, потеряли друг друга из виду. Но уж у кого, а у меня, самого незначительного и не-

заметного в силу малолетства участника этой семейной эстонско-русской дружбы, она навсегда осталась в памяти вместе с чудесным городком Вильянди. Именно в силу малолетства и осталась – ведь это была прекрасная часть моего детства: с замком, ведущим к нему через ров подвесным мостом, колхозно-рыцарской подковой и многим другим...

Уже в послесоветское время, приезжая иногда в Таллин, я все подумывал отправиться в Вильянди (всего-то 160 км) разыскать семейство Каска (такая вот у них древнеримская фамилия, хотя они всегда уверяли, что она исконно эстонская), да откладывал. Почти десять лет откладывал, наконец решился. Без труда разыскал с помощью моего друга и коллеги, таллинского журналиста Андреса Реймера, его телефон. 78-летний Валев, давно, видимо, не слышавший в телефонной трубке русскую речь, не сразу сориентировался, а поняв, что к чему, обрадовался.

Я-то, уже приехав в Вильянди и блуждая по городу вместо того, чтобы напрямик идти на Равила, дом 7, словно боялся момента встречи, каких-то лишних эмоций, а вышло все очень просто, в стиле какого-нибудь эстонского Хемингуэя. Он открыл дверь: «Леня!» Я сказал: «Валев!» Он спросил – на правах старика, которому память может и отказать: «Сколько лет прошло?» Я ответил – с точностью и интонацией отвечающего урок мальчика-школьника: «Сорок». Мы обнялись – так, что моя голова оказалась где-то под мышкой овчинной душегрейки высокого Валева, и я действительно ощутил себя мальчишкой. Отстранив меня на расстояние вытянутых рук, он всмотрелся в мое лицо и сказал: «А я бы тебя узнал – ты совсем не изменился». Как и всякого, не очень уже молодого человека, изо всех сил сопротивляющегося переходу в категорию молодых людей, меня ободряют такие слова, заставляя на мгновение поверить, что вот надо мной время не властно. Услышав их от человека, не видевшего меня сорок лет, я вообще почувствовал себя подростком.

Впрочем, и я бы узнал Валева. Конечно, красавец голливудского типа, которого моя мама за глаза называла Грегори Пеком, – он действительно смахивал на героя популярных тогда «Римских каникул» припухше-раскосыми глазами, гладко зачесанными назад черными волосами и всей своей долговойзой, элегантно-нескладной фигурой, – превратился в глубокого старика, но что из этого? Внутренняя сила и уверенность в себе остались, а, значит, сама его личность не испытала пока что деформации под грузом лет. Полтора месяца назад он похоронил свою Асту, с которой они прожили 53 года, поженившись, едва только он вернулся из лагеря, в 1953-м, родив и воспитав троих сыновей, строя всю жизнь этот дом, который Валев складывал буквально по кирпичику, так до конца и не достроил и теперь уже, видимо, не достроит...

Усмирение пятнадцатилетних

Мы сидим у пылающего камина, пьем кофе, рассказываем друг другу о последних сорока годах нашей жизни, выясняя попутно какие-то немаловажные детали и более раннего периода. Тогда-то, в прежние годы, рассказывая о своем аресте в 1946-м, Валев упускал, за что был арестован, а родители и не спрашивали: само собой разумеется, что арестовывали ни за что. Сейчас я узнаю, что вся их параллель 9-10 классов – 60 человек в возрасте 15-16 лет – была арестована за участие в антисоветской подпольной организации и помощь лесным братьям. У отца Валева была мельница, служившая своего рода перевалочным пунктом, куда люди со всей округи сносили провизию, оружие, медикаменты, самогон, а гонимые лесные братья темной ночью забирали посылки. Сам Валев сочинял, печатал и расклеивал антисоветские листовки, выпускал собственными силами газету «Ugandu» (это старинное на-

звание Тартуского уезда, в котором они тогда жили). Одним словом, это была настоящая молодежная подпольная организация. Как и почти во всякой подпольной организации, среди них оказался предатель. Аресты начались в конце декабря 1945-го и закончились в апреле 46-го, до Валева очередь дошла в феврале...

Можно, конечно, спорить о том, было ли введение соединений советской армии в Прибалтику в 1940 году оккупацией, а их возвращение в 1944-м – сменой одной оккупации, немецкой, на другую, советскую. Но то, что против вернувшейся Советской власти в 1944-45 годах поднялся едва ли не весь народ, – факт. И его пришлось буквально усмирять, отправляя эшелонами в лагерь пятнадцатилетних мальчишек и девочек. А ведь все могло быть по-другому: в 1940-м Красную Армию встретили здесь спокойно, понимая, что для маленькой страны выбор между двух зол, Германией и СССР, неизбежен, и считая, что СССР – меньше из зол. За год сталинский НКВД доказал обратное, и в июне 41-го немцев – еще недавно ненавидимых немцев, исторических тиранов Прибалтики – здесь встречали цветами. Из примерно ста тысяч эстонских мужиков призывного возраста 75 тысяч пошло служить в немецкую армию и только 25 тысяч – в советскую. Как сказал тот же Валев, всю историю, вплоть до 1940 года, эстонские дети играли в войну, разбиваясь на два лагеря: «наши» и «немцы». После лета 1940-го стали делиться на «наших» и «советских». Вот и вся история с оккупацией в кавычках и без. В одном абзаце. Дальше, конечно, можно продолжать спорить до хрипоты и посинения.

В пору распада СССР и восстановления независимого эстонского государства Валев «вспомнил молодость» – втянулся в политику, став местным активистом правой партии «Исамаалит». «Возобновил» выпуск той самой своей юношеской газеты «Ugandu». Став собирать материалы о своих одноклассниках, загремевших в 1946-м вместе с ним в лагерь. Сам написал воспоминания о той эпохе. Политика не стала для него карьерой – она скорее помогла реализовать его интеллектуальному потенциалу, задавленному жизнью, на протяжении которой он был вынужден думать только о хлебе насущном.

«А ты помнишь, как к нам приезжал Пансо?»

Я, конечно, знаю его ответ на мой вопрос, можно ли и нужно ли переносить Бронзового Солдата. Я даже не успеваю этот вопрос задать. Валев рассказывает, что здесь, в Вильянди, памятник советскому солдату – вместе с другими монументами эпохи – они убрали еще в 1990 году. Я хорошо его помню, этот памятник: он стоял неподалеку от дома, на месте братской солдатской могилы. Могила осталась там, где была, а вместо монумента вильяндисцы поставили на ней большой памятный камень. И другие могилы советских солдат, что у озера, рассказывает Валев, сохранились в порядке. Кладбище немецких солдат, на котором я побывал утром, было приведено в порядок по его, Валева, инициативе. А Бронзового Солдата из центра Таллина, считает Валев, нужно перенести.

Ну что я ему могу возразить на это? Ему – человеку, у которого советская власть отобрала лучшую часть жизни, юность? Почему я вправе ожидать от него пиетета и любви к символам советской эпохи? И сам я откуда приехал, чтобы чего-то требовать и давать какие-то советы? Из страны, которая очень печется о своих мертвых героях? Неправда. Я приехал из страны, где солдатские косточки до сих пор разбросаны по лесам и полям, добела зверьем обглоданные и дождями отмытые, – из страны, где богатое государство денег не может выделить на захоронение останков, и добровольцы-гуманисты это делают за свой счет. А здесь хоть все покои в земле нашли – и свои, и чужие.

Напоследок я его спрашиваю, немного риторически: мол, жалеет ли он, что жизнь прошла так, как она прошла, – с такими испытаниями, лишениями, несбывшимися надеждами? Он говорит, что ни о чем не жалеет: ведь много было хорошего. И вдруг его хмуроватое, усталое лицо с трагически опущенными уголками губ расцветает в улыбку:

– А ты помнишь, как к нам приезжал Вольдемар Пансо?

Еще бы не помнить! Вольдемар Пансо –

Арнольда Мери советская власть и била, и любила. Но сам он, по его собственным словам, только сейчас чувствует себя по-настоящему свободным

культовая, как теперь говорят, фигура эстонской культуры, знаменитый режиссер и актер, любимец всего эстонского народа и, кроме того, друг моих родителей, приехал тогда навестить их в Вильянди из Таллина. Его ждали с первыми рейсовыми автобусами, он не появился, мы вернулись с остановки домой, решив, что приезд откладывается. Успели вернуться до страшной грозы, которая буквально затопила Вильянди потоками воды. Через некоторое время, выглянув в окно, мы с ужасом увидели бредущих под этим водопадом Пансо и его хорошенькую секретаршу. Народный артист, только что сошедший с автобуса и, видимо, подготавливавшийся еще во время поездки к непогоде с помощью содержимого фляги, которую он всегда носил с собой, закатал брюки до колен, сандали нес в руках и оглашал окрестности громкими криками, которыми не то приветствовал стихию, не то вопрошал (у нее же, видимо), где тут улица Равила, дом 7. А к окнам своих домиков прилипло в этот момент все население нашей улицы, мгновенно узнавшее народного любимца. И в те два дня, что Пансо у нас гостил – с шумными застольями и анекдотами, на которые он был мастер, – под разными предлогами в доме номер семь перебывали десятки людей. Кто приходил спички попросить, кто соль, кому вдруг дровишки среди лета понесли...

Килька таллинская – водка московская

– Леня, вы знаете, что такое килька для людей моего поколения? Когда в 20-е годы мой отец открыл в Скопье маленький ресторанчик, тетка прислала из Таллина десять банок килек. Естественно, мы их сразу поставили в меню. В первый же вечер их буквально смели: наши посетители, как вы понимаете, тоже были в основном из русской эмиграции. Уже перед закрытием кто-то из них подошел и спросил, немного стесняясь: куда мы деваем килечьи потроха, хвостики и головы? Выбросили при разделке, сказал отец. «Зачем? – изумился любитель килек. – Это же самое вкусное!» На следующий день, по другой, разумеется, цене, отец поставил в меню и эти самые головы с хвостиками. Что вы думаете? Их смели еще быстрее, чем кильку разделанную...

Рассказывая это, Арнольд Константинович Мери искусно и очень аппетитно разделяет эту самую кильку – как вы знаете, рыбку весьма субтильную и потому требующую при разделке ювелирного мастерства – еще более элегантно кладет ее недражащей 87-летней рукой на кусочек черного хлеба, я разливаю водку по стопкам и – вперед. Таллинская килька и московская

водка – существуют все-таки на свете символы эстонско-российской дружбы, а значит, есть и дружба! Уж на что я водки не любитель, а под кильку – как хороша!..

Надо сказать, старик меня удивил. Когда я ему позвонил сообщить, что собираюсь в Таллин в связи с заварухой вокруг Бронзового Солдата, Герой Советского Союза сказал:

– Леня, вы знаете, как я всегда рад вашему приезду. Но неужели нельзя было выбрать менее банальный повод?

За водкой с килькой в его уютной, сладко пахнущей керосином квартире в деревянном доме в таллинском пригороде Ныме он объясняет свою мысль. Вся эта шумиха, поднятая вокруг монумента, ему категорически не нравится. Тем более что все связанное с этим памятником прошло на его глазах и при его участии.

Арнольд Константинович вспоминает, как советская армия входила в Таллин (уже фактически оставленный немцами) в сентябре 1944 года с двух направлений двумя оперативными группами, одна из которых была собрана из частей, наступавших со стороны Нарвы, другая – из тех соединений, что шли со стороны Тарту. Сам Мери, заканчивавший войну в составе 8-го эстонского стрелкового корпуса, который наступал со стороны Нарвы, в состав опергруппы, к своей докаде, включен не был. Обе группы страшно торопились – как всегда, это был вопрос престижа: кто войдет в город первым? Поэтому убитых по дороге не хоронили. Вошли почти одновременно, с интервалом символическим – 15-20 минут. Но все же «тартуская» опергруппа была первой. Она похоронила своих павших 22 сентября 1944 года в скверике у Карловской церкви – то есть на том самом месте, где теперь площадь Тынисмяги и Бронзовый Солдат. «Нарвская» опергруппа своих погибших похоронила на городском военном кладбище (куда теперь и предлагается перенести мемориал с Тынисмяги) и на лесном кладбище под Таллином. У Карловской церкви был установлен дощатый обелиск со звездочкой – в точности, как у Бориса Слуцкого:

*И мрамор лейтенантов –
Фанерный монумент –
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд...*

Вскоре после окончания войны и своей демобилизации Арнольд Константинович, только что назначенный первым секретарем эстонского комсомола, присутствовал на совещании, решавшем, что делать с этим захоронением: убраться или оставить. В этом месте своего рассказа мой замечательный Арнольд Константинович начинает плакать, но берет себя в руки. Эмоции на самом деле совершенно случайно прорвались именно в этом месте: мой собеседник признается, что вопрос о том, переносить захоронение или оставить на прежнем месте, казался ему до такой степени несущественным, что он даже не помнит, как тогда голосовал. Решили оставить. Вскоре могила стала превращаться в мемориал – вместо фанерного монумента

появился Бронзовый Солдат, потом Вечный огонь... С концом советской эпохи точно так же, постепенно, каким-то ползучим образом мемориал стал исчезать: сперва погас Вечный огонь, «отредактировали» сам монумент – заменили надписи, заодно исчезла бронзовая доска с именами погибших, потом, в 1995 году, в ходе благоустройства «отредактировали» и сам скверик, превратив его из подобия пантеона, каким он был, в зеленую лужайку. Сейчас уже, не зная, невозможно понять, что здесь покоится чей-то прах, и мы по сути дела ходим по могилам. Неслучайно и сомнения пошли гулять, кем-то вовремя пущенные: может быть, там вовсе и нет никаких могил?

Остров в океане

Сегодня, конечно, Арнольд Константинович относится к идее переноса захоронения совсем не так безучастно, как в 1945-м: все изменилось, с этим местом уже очень многое связано для многих таллинцев, причем не только ветеранов войны. При этом Мери категорически отрицает, что мемориал приобрел какой-то политический смысл, став чем-то вроде памятника бывшему имперскому советскому величию. Да, какой-то дурак однажды приперся сюда 9 мая с имперским штандартом, ну и что? Мало ли на свете дураков?

В общем, он, конечно, против того, чтобы монумент трогали. Но считает, что ничто не может так повредить в борьбе за Бронзового Солдата, как российская Дума с ее угрозами экономических санкций и криками о том, что-де жаль, нет в ее распоряжении танковых частей, а то бы она давно навела в Эстонию порядок, а Нарву и вовсе превратила во второе Приднестровье. Зоркий, хотя и полуслепой, Мери сразу понял, как только началась вся эта истерика российского «политического класса» и официозных СМИ: историю с Бронзовым Солдатом в Москве решили разыграть, чтобы набрать очки у той части российского электората, которая до сих пор находится, как выражается Мери, «в плену веймарского комплекса и имперского мышления». Но, сами того не понимая, московские политики работают прежде всего на предвыборную кампанию эстонских ультраправых, которые, собственно, и затеяли всю эту историю накануне парламентских мартовских выборов, чтобы поднять свой рейтинг. И, благодаря думской истерике, похоже, подняли.

Арнольд Константинович верен себе: никого не боится, ни на кого не оглядывается, ни с кем не блокируется, на дешевые политиканские компромиссы не идет. Как, впрочем, никогда не боялся, не оглядывался, не блокировался и не шел. За что в сталинское время его пытался посадить Абакумов, а в нынешнее – как ни странно, не оставляют надежд реализовать абакумовскую мечту современные эстонские власти.

...Мы еще накатываем по стопочке, еще пластаем по килечке на черную корочку, и Арнольд Константинович говорит:

– Леня, ну что мне вся эта мышиная возня, все эти оскорбления и унижения со стороны наших так называемых радикалов? Ведь я-то своими глазами видел, как к нам относился мир в 1945-м!

И он рассказывает, как в сентябре 45-го в составе советской делегации полетел на конференцию Федерации демократической молодежи мира. Рассказывает с массой комических подробностей – как портной Казик, у которого позже высохла рука (и который, как я понимаю, каким-то чудом уцелел во время войны в оккупированном Таллине), сшил им, у которых еще и гражданской одежды не было, костюмы, которые произвели в Лондоне фураж; как летели двое суток в сплошной болтанке на «дугласе» и умудрились спить запасной британский экипаж, который только и знал, где приземляться в английской столице... Но это все шуточки. А вот о том, как приехали в Альберт-холл и весь шеститысячный зал

встал при появлении советской делегации, – об этом Арнольд Константинович спокойно рассказывать не может. Да и я, честно говоря, спокойно слушать не мог. Встали ведь только при появлении советских, уточняет он: ни американцы, ни свои, британцы, такой реакции не вызвали...

Я смотрю на Арнольда Константиновича, вспоминаю его рассказ про ностальгическую кильку в ресторане югославского Скопье и думаю: в эмиграции его жизнь началась, в эмиграции и заканчивается. Потому что, по большому счету, «его» страна – конечно же, Советский Союз, а не нынешняя Эстония. Но вместе с тем, он-то уж точно из тех людей, которых Хемингуэй уподобил островам в океане. Он сам себе государство.

Покупатель площади Тынисмяги

Обратите внимание: все эти политики наши с их трескучими монологами в защиту монумента и пустыми угрозами в адрес тех, кто хочет на этот монумент поднять руку, ни разу даже и не упомянули имен солдат, которые там, на площади Тынисмяги, у монумента Бронзового солдата, похоронены. Да что имена – спросите у г-д Грызлова, Миронова, Иванова и прочих: сколько там солдат лежит? Ведь уверен: не ответят. Спросите об этом у г-на депутата Лебедева, бывшего банкира, ныне владельца прогрессивной газеты, который сделал широкий купеческий жест: выразил готовность «выкупить» не просто монумент, но прямо-таки всю таллинскую площадь Тынисмяги. Жалко, что ему не объяснили в той газете, которую он недавно купил (там ведь работают умные люди), что именно за такие «жесты» русских и считают в цивилизованных странах варварами и оккупантами. Этот депутат все мечтает стать мэром Москвы: а что если вдруг станет, и ему предложат хорошие деньги, скажем, за Красную площадь? Ведь должен продать – по логике его сегодняшних действий...

Мне кажется очень значимым, что в этой «полемике» вокруг Бронзового Солдата про солдатские останки словно забыли. А меня, например, гораздо больше, чем судьба бронзового идола, волнует судьба могил. Хотя, как сказано было, мертвые сраму не имут, и им, конечно, безразлична вся эта возня вокруг их могил, но спать они должны спокойно.

А имена лежащих на Тынисмяги – вот они:

- Белов Дмитрий Андреевич** (1910 – 21.09.1944), рядовой, 23-я артиллерийская дивизия;
- Брянцев Алексей Матвеевич** (? – 22.09.1944), капитан, 1222-й полк самоходной артиллерии;
- Варшавская Елена Михайловна** (1925 – 22.09.1944), старшина, 40-й гвардейский минометный полк;
- Волков Василий Егорович** (? – 22.09.1944), лейтенант, 657-й стрелковый полк;
- Григорьев Александр Иванович** (? – 7.03.1945), сержант, умер от ран в 2392-м эвакогоспитале;
- Давыдов Василий Иванович** (1915 – 22.09.1944), сержант, 30-й гвардейский механизированный полк;
- Колесников Константин Павлович** (1897 – 21.09.1944), полковник, 125-я стрелковая дивизия;
- Котельников** (имя и отчество неизвестны) (? – 22.09.1944), подполковник
- Кузнецов Василий Иванович** (1908 – 22.09.1944), майор, 1222-й полк самоходной артиллерии;
- Куликов Михаил Петрович** (1909 – 22.09.1944), подполковник, 657-й стрелковый полк;
- Луканов И.М.**, (? – 22.09.1944), лейтенант
- Серков Иван Степанович** (1922 – 21.09.1944), капитан, 79-я бригада легкой артиллерии;
- Сысоев Иван** (? – 22.09.1944), капитан;
- Хапикало Степан Илларионович** (1920 – 27.09.1944), старший сержант, 657-й стрелковый полк. □

Таллин – Вильянди – Москва

Фото автора

Любовь к отеческим гробам

Владимир АБАРИНОВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Отношения России и Эстонии переживают очередное обострение. Как и прежде, раздражителем стал общая история, точнее — ее трагические страницы. Российские законодатели угрожают Эстонии карами, буде власти Таллина осмелятся перенести монумент и перезахоронить останки советских солдат. Не менее грозные филиппики расточает МИД России. Совместный демарш исполнительной и законодательной ветвей власти юридических оснований под собой не имеет. Не случайно МИД, где работают грамотные люди, избегает ссылок на какие-либо международно-правовые документы. Дипломаты знают, что никаких конвенций и соглашений Эстония не нарушает. Да, с точки зрения многих граждан России, она поступает нехорошо. Но устраивать истерики в этой ситуации неразумно и нерационально. Надо просто понять, что можно и должно сделать. Разберемся в этом вопросе без эмоций.

Прежде всего: сам по себе факт переноса памятника — событие вполне заурядное. В Советском Союзе памятники переставляли с места на место по самым разным причинам и без таковых. Памятник Пушкину, водруженный в 1880 году в конце Тверского бульвара, в 1950-м был перенесен на противоположную сторону улицы Горького, как тогда называлась Тверская. Поэтому обращенная к монументу фраза Маяковского из стихотворения «Юбилейное» «На Тверском бульваре очень к вам привыкли» требует сегодня пояснения.

Минина и Пожарского поставили в 1818 году посреди Красной площади, а в 1931-м героев нынешнего главного государственного праздника передвинули на край площади, к Василию Блаженному. Но не потому, что они мешали военным парадам и демонстрациям трудящихся, как мне в детстве объясняла, помню, учительница истории. А потому, что это были, оказывается, «представители боярско-торгового союза, заключенного 318 лет назад на предмет удушения крестьянской войны». Статья в «Вечерней Москве», откуда взята эта цитата (номер от 27 августа 1930 года), имела выразительный заголовок: «Пора убирать исторический мусор с площадей». Так что еще спасибо, что этих душителей народа и впрямь не выкинули на свалку. И не только их — автор статьи, театральный критик Владимир Блюм, призывает поступить так же с памятником Тысячелетия России в Новгороде и статуей Святого Владимира в Киеве, которым, дескать, «давно пора в утильсырьё».

А в 1952 году в Москве на Гоголевском бульваре по случаю столетия кончины Гоголя заменили гениальное изваяние работы Николая Андреева бездарным изделом Николая Томского. Причины были сугубо идеологические — советскую власть андреевское творение не устроило своим пессимизмом. После открытия нового, «бодрого» памятника по Москве пошла гулять анонимная эпиграмма:

*Юмор Гоголя нам мил,
Слезы Гоголя — помеха.
Сидя, грусть он наводил,
Пусть теперь стоит — для смеха!*

И это лишь самые известные примеры, не говоря уже о сносе памятников, в чем тоже отличились и Советский Союз, и новая демократическая Россия. Каким-то чудом в Петербурге уцелели не только Медный всадник и памятник Екатерине, но и конная статуя Николая I на Исаакиевской площади.

Воинские захоронения — случай особый. Могилы солдат подлежат особому уходу и охране. Культ павших на полях сражений, ува-

**Если бы эта любовь была искренней,
а не политически мотивированной,
то Россия своевременно подписала бы
с Эстонией соглашение о сохранности могил
и нынешней коллизии не было**

жение к поверженному противнику — черта, свойственная уже древним цивилизациям. Когда в «Илиаде» Ахилл бесчинствует над телом убитого им Гектора, он знает, что нарушает закон войны. В средневековой Европе сражающиеся армии объявляли перерыв в битве, чтобы забрать с поля боя своих убитых.

Особенность воинских захоронений в том, что они часто находятся на территории другого государства. Правовой статус таких могил регулируется 1-м Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям о защите жертв вооруженных конфликтов. Протокол вступил в силу 8 июня 1977 года. Верховный Совет СССР ратифицировал его 4 августа 1989 года. В статье 34 протокола сказано, что места погребения погибших должны пользоваться уважительным отношением и что заинтересованным государствам следует, «как только позволят обстоятельства и отношения между противными сторонами», заключить двусторонние соглашения на предмет обеспечения постоянного ухода и сохранности могил, доступа к ним родственников, а также содействия репатриации останков и возвращению личных вещей погребенных по просьбе их близких. На сегодняшний день Россия заключила такие межправительственные соглашения с девятью странами — Германией, Венгрией, Италией, Польшей, Чехией, Словакией, Монголией, Румынией, Финляндией и Японией.

Двусторонние соглашения отнюдь не исключают, а, напротив, предусматривают возможность перезахоронения останков и переноса памятников «в связи с настоятельной государственной необходимостью». Но выбор нового участка и процедура перезахоронения осуществляются по взаимному согласию сторон, при этом расходы возмещает та сторона, по чьей инициативе принято решение. «Экспуляция останков военнослужащих и гражданских лиц с целью их перезахоронения, — сказано, к примеру, в российско-монгольском соглашении, заключенном в ноябре 2000 года, — осуществляется исключительно по просьбе заинтересованной Стороны и с согласия другой Стороны». Аналогичные пункты имеются и в соглашениях с другими странами.

Как рассказал недавно в интервью интер-

нет-изданию Страна.ру замначальника Военно-мемориального центра Вооруженных сил РФ полковник Андрей Таранов, в настоящее время на государственном учете в России состоят 4519 воинских захоронений на территории зарубежных государств. В этих могилах покоятся 2 524 706 солдат, однако по именам в Минобороны знают только 451 178 человек — личность остальных не установлена. По словам полковника Таранова, страны, заключившие соглашения, как правило, исполняют свои обязательства образцово. Мемориалы на территории Германии содержатся целиком за счет немецкой стороны. Один лишь ремонт памятника воину-освободителю в берлинском Трептов-парке обошелся ФРГ более чем в миллион евро. Эта сумма примерно равна той, какую выделяет в год правительство РФ на уход за всеми захоронениями за границей.

Больше всего советских граждан погребено на территории Польши — 2,5 миллиона человек, из которых более 600 тысяч погибли в боях и 1,2 миллиона — узники концлагерей. Польская сторона ежегодно тратит на уход за этими захоронениями миллион долларов.

С Эстонией такого соглашения у России нет. (Интересно, что еще в июне 2000 года тогдашний министр иностранных дел России Игорь Иванов в ответ на запрос Госдумы отвечал спикеру Селезневу, что с Латвией, Литвой и Эстонией переговоры на эту тему ведутся.) В этом случае действует упоминавшийся протокол к Женевским конвенциям, который гласит: «В случае отсутствия соглашений... и если страна, являющаяся родиной умерших, не согласна обеспечивать содержание таких мест погребения за свой счет, Высокая Договаривающаяся Сторона, на территории которой находятся такие места погребения, может предложить оказать содействие возвращению останков таких умерших на родину. Когда такое предложение не принимается, Высокая Договаривающаяся Сторона по истечении пяти лет с даты такого предложения и после должного уведомления страны, являющейся родиной умерших, может принять меры, предусмотренные в ее собственном законодательстве в отношении кладбищ и могил».

Эстонцы отнюдь не отказываются обеспечивать уход и охрану могилы и не требуют, на-

Эстонским правым «полемика» вокруг Бронзового Солдата, возможно, обеспечит победу на выборах, а и их лидеру **Марту Лаару** (на левом фото) — премьерское кресло. Российский политик **Александр Лебедев**, вмешавшись в эту историю со своим диковинным предложением купить площадь в центре Таллина, кажется, тоже печется больше всего о своем рейтинге, а не о памяти павших в войне

сколько известно, платы за это. Возможно, учитывая гипертрофированно острую реакцию Москвы и исходя из буквы Женевских конвенций, Эстонии следовало бы предложить России забрать солдатские останки. Но в Таллине, конечно, понимают всю деликатность вопроса и негативные для себя моральные последствия такого шага. Кроме того, протокол ведь этого и не требует в случаях, когда отсутствует мотив материальной заинтересованности страны, на чьей территории находится захоронение или мемориал. А стало быть, коль скоро такого мотива нет, эта страна вправе поступить с захоронением в соответствии с собственным внутренним законодательством. Именно это законодательство и принял парламент Эстонии.

Протокол составлен неудовлетворительно — он не трактует случаи, когда отсутствуют претензии на возмещение расходов, и совершенно игнорирует этическую сторону вопроса. Но международно-правовые документы и не могут рассматривать этические и идеологические коллизии. Коль скоро Россия заинтересована в сохранении монумента и захоронения на прежнем месте, она должна инициировать переговоры на эту тему и подписать двустороннее соглашение. Но она действует иначе: использует сложившуюся ситуацию как предлог для нагнетания напряженности. В конечном счете, именно Москва, раздувая скандал на ровном месте, предаст своих павших героев и идеалы, во имя которых они сражались и погибли.

Во Франции регулярно оскверняются захоронения американских и британских солдат, павших на полях сражений обеих мировых войн. Не редкость в Западной Европе и осквернение советских монументов. Например, в мае прошлого года было осквернено кладбище советских солдат в Лейпциге. Москва реагировала вполне адекватно: было сделано представление немецкому посольству, МИД ФРГ принес извинения. Дума никаких заявлений «о проявлении неонацистских и реваншистских настроений», какое она сделала в связи с Эстонией, в случае с Германией как будто не принимала.

Конечно, мне всегда могут возразить, что Эстония — особый случай и нечего прикидываться. Да я не прикидываюсь, я знаю про войска СС. Но тогда почему Болгария, Венгрия и Румыния — члены Оси, союзники Гитлера — почему они не особый случай? В этих странах тоже были добровольческие легионы Ваффен-СС. А больше всего частей СС было сформировано на оккупированной территории Советского Союза.

Нынче в России раздаются многочисленные голоса, призывающие, раз на то пошло, забрать останки наших солдат из Эстонии и перезахоронить их в России. При этом интонация у призывающих несколько нервная, даже истеричная — мол, вот до чего довели проклятые фашисты. Между тем это предложение абсолютно здравое. Ничего экстраординарного в нем нет. Перезахоронили же в ноябре 1991 года на Новодевичьем кладбище прах генерала Черняховского, который прежде покоился в Вильнюсе. А памятник перенесли в Воронеж. И конец света не наступил. □

Виталий АМИНОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Очередное громкое дело, приведшее на нары в СИЗО бывшего представителя Башкирии в Совете Федерации Игоря Измestьева, может напугать обывателя обилием уголовных подробностей. О чем только не писала пресса еще тогда, когда Курултай Башкортостана не требовал отъезда представителя своей республики. Писали и об измestьевском коттедже напротив ново-огаревской резиденции президента России: у сенатора за забором, мол, так часто устраивали фейерверки, что президентский лабрадор Кони потерял сон. И о том, что молодой миллионер, сколотивший состояние на перепродаже и переработке нефти, требует от Федеральной службы охраны 47 миллионов долларов, чтобы оставить особняк, мозолящий ей глаза. И о том, что сенатор, владеющий акциями компании «Корус», продолжает руководить этой компанией в нарушение регламента Совета Федерации.

Но все это не получило подтверждения, лишь только противники Измestьева добились своего: сенатор, после недолгого сопротивления Сергея Миронова, был лишен статуса и уехал за границу. Вскоре его задержали российские спецслужбы в аэропорту Бишкека, доставили в Новосибирск, а затем в Москву. Здесь ему предъявили обвинения уже чисто уголовного характера – по связям с так называемой кингисеппской группировкой киллеров. А пресса тем временем продолжает говорить о неуплате налогов его дочерней фирмой, зарегистрированной в казахстанском оффшорном Байконе.

Кость в виде «Коруса»

Не будем вдаваться в подробности киллерского дела, участники которого живо дают показания и друг на друга, и на Александра Пуманэ, до смерти забитого в милиции, и на Измestьева. С этим следствие и суд, надо думать, разберутся. Интереснее экономическая подоплека измestьевской истории, которую многие аналитики увязывают с начавшейся атакой центра на руководство Башкирии.

Дело в том, что Игорь Измestьев долгие годы был ближайшим соратником и личным другом Урала Рахимова – сына президента Башкортостана. Кстати, Урал сейчас на людях в Уфе почему-то не появляется. В свое время папа предоставил сыну и его друзьям неограниченные возможности по использованию ресурсов топливно-энергетического комплекса республики – в конце советского периода там перерабатывалось около 70 миллионов тонн нефти. Плюс «Башнефть», добывавшая сырье, и мощнейший в регионе «Башкирэнерго».

В процессе приватизации все это богатство ухищрениями местного руководства не попало на свободный рынок ваучеров. Сейчас федеральный центр был бы не прочь вернуть хотя бы часть госсобственности. Для этого и понадобилось найти в клане Рахимова слабое звено. Собственно, измestьевское звено оказалось слабым, как только башкирская власть решила сдать сенатора, пойдя на его отзыв.

Впрочем, некогда и самого Урала Рахимова упоминали в связи с попытками завести уголовные дела (в частности, по тому же байконурскому оффшору). Однако защита умудренного в подковерных схватках папы переигрывала федеральные власти. Скорее всего, и нынешняя атака не приведет к главной цели: Рахимов бросил центру кость в виде «Коруса», который уже давно не ведет в республике никаких дел. Через «Корус» в крепость Рахимовых не внедриться, а с атаками с флангов через Измestьева клан легко справится. Тем более что следствие пока не объявляло, рассказывает ли бывший сенатор о своей дружбе с сыном президента.

Но федеральная власть может добиться своих целей и другим путем – может быть, менее эффективным, зато наверняка более эффективным. В любом суде (кроме уфимского) можно оспорить, что собственность топливно-энергетического комплекса Башкирии покоится на юридически безупреч-

Слабое звено

Бывший представитель Башкирии в Совете Федерации Игорь Измestьев, соратник и друг Урала Рахимова

Бывший сенатор «попал» за службу и дружбу в башкирских верхах

ном фундаменте. Изучив сотни страниц правовых документов, выпущенных в Башкирии с 1990 года, легко найти в них противоречия с основополагающими нормами нового российского законодательства.

Приватизация по-башкирски

Началось с того, что вразрез с действовавшим законодательством России Президиум ВС Башкирской ССР 27 ноября 1991 года принял указ «Об обеспечении экономической основы государственного суверенитета Башкирской ССР», которым объявил собственностью республики все расположенные на ее территории предприятия и организации союзного и российского подчинения. Исключение составили некоторые стратегические федеральные объекты. Совету министров республики было поручено обеспечить перерегистрацию госпредприятий и организаций на правах собственности Башкирской ССР.

31 марта 1992 года, при заключении Федеративного договора, башкирские власти выторговали подписание отдельного приложения: «земля, недра, природные богатства, другие ресурсы на территории республики» объявлялись собственностью «ее многонационального народа». Вопросы владения, пользования и распоряжения этой собственностью стали регулироваться «законодательством республики и соответствующими

соглашениями с общефедеральными органами власти». Но даже добившись такого исключительного положения, руководство Башкирии пошло на уловку – истолковало документ расширительно: под «другими ресурсами» оно подразумевало не только природные ресурсы, но также предприятия, учреждения и организации.

При подписании 3 августа 1994 года «Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами госвласти РФ и РБ» стороны пришли к выводу, что разграничение госсобственности в Башкирии на республиканскую и федеральную должно регулироваться отдельным соглашением. Но такое соглашение не было. В мае того же года был принят лишь документ, разграничивший полномочия по управлению собственностью, а не саму госсобственность. Упомянутое соглашение и не могло быть подписано, поскольку по Конституции РФ «федеральные органы исполнительной власти по соглашению с органами исполнительной власти субъектов РФ могли передавать им осуществление части своих полномочий» по распоряжению имуществом, но не саму собственность. Стало быть, считает ряд юристов, республиканскую и федеральную собственность и сейчас можно считать неразграниченной, а права госсобственности республики на акции предприятий – не

оформленными надлежащим образом. То есть права республики на многие объекты можно оспорить в суде. Этим и объясняется хлипкость юридического фундамента дальнейших сделок с собственностью.

В Москве не получили ни акции, ни копейки дохода от продажи самых мощных предприятий ТЭК Башкирии, строившихся год за год на средства всего государства. По программе приватизации РФ в 1994 году федеральный бюджет должен был получить в госсобственность тридцатипроцентную долю. В Башкирии постановили по-своему: 80 процентов федеральной доли передали Госкомсобственности РБ для продажи за приватички населению. Вплоть до 2000 года средства от приватизации направлялись не в федеральный, а в республиканский бюджет. При этом в Уфе ссылались на приложение к Федеративному договору, закрепившее право республики самостоятельно определять «принципы налогообложения и сборов в бюджет». Но средства от приватизации не являются налоговыми доходами.

В 1994 году руководство Башкирии провело на местных НПЗ налоговые проверки, якобы выявившие огромные неуплаты. После этого оно резко увеличило на этих заводах свою долю. Распоряжением Кабинета министров Башкирии от 31 марта 1995 года недоимки были покрыты дополнительной эмиссией акций предприятий в пользу Госкомсобственности РБ. В результате доля Республики Башкортостан на некоторых заводах приблизилась к 100 процентам. При этом в Башкирии «опережали время»: в России разрешение на дополнительные эмиссии акций предприятий с госдолей более 25 процентов для погашения налоговой задолженности перед государством было дано лишь в 1996 году. Да и то с большими ограничениями: при условии проведения открытой подписки, направления вырученных средств исключительно на покрытие задолженности по зарплате и уплате налогов (внести в уставный капитал иного хозяйственного общества их было нельзя) и регистрации выпусков в федеральных органах. Ни одно из этих условий в Башкирии соблюдено не было. Проспекты эмиссий даже не были зарегистрированы ФКЦБ России! Как считает ряд юристов, уже один этот факт может служить основанием для признания «ничтожными» выпуска самих акций и всех сделок с ними за эти годы. Акции, не прошедшие процедуру государственной регистрации, не могут быть признаны «надлежащими объектами гражданского права» и участвовать в гражданском обороте.

Ищите двух женщин!

Если пересчитать недополученные Москвой средства, то только по УНПЗ доля акций, оплаченных за счет средств, подлежащих зачислению в федеральный бюджет, составила бы более 53 процентов. Помимо акций НПЗ, отчужденными из федеральной собственности оказались 38 процентов акций АНК «Башнефть», 38 процентов голосующих плюс 10 процентов привилегированных акций «Уфанефтехима», 38 процентов «Башнефтепродукта», 29,6 процента акций НУНПЗ, 34,13 процента «Нефтеавтоматики», 15,79 процента «Уфаоргсинтеза», 37,66 процента АК «ОЗНА» и ряд других. Общая их номинальная стоимость (а значит, прямой ущерб федеральному бюджету) составила более \$118 миллионов. Счетная палата России, проверив в 2003 году деятельность Минимущества Башкирии по управлению федеральной госсобственностью, констатировала многочисленные нарушения не только федеральных, но и башкирских законов, и вывела сумму потерь федерального бюджета еще большую.

Дальнейшее – интереснее. 1 декабря 1994 года, в день окончания приватизации УНПЗ, НУНПЗ и «Уфанефтехима», госпакеты их акций (35, 34 и 34 процента соответственно) были переданы в ОАО «Башнефтехим». 30 декабря туда же отправились госакции «Уфаоргсинтеза» и 57 процентов акций главной сбытовой структуры уфимских заводов – ОАО «Башнефтепродукт», владеющего самой большой сетью АЗС в Башкирии. В их числе также оказались и 38 процентов акций, предназначенных к закреплению в федеральной собственности. По окончании приватизации ОАО 22 октября 1996 года в госсобственности осталась единственная акция этого предприятия.

25 января 1999 года, в день окончания срока приватизации «Башнефти», все госакции были отданы ОАО «Башкирская топливная компания». Это ОАО – следующая подконтрольная структура, учрежденная по указу президента Башкирии от 7 сентября 1998 года для продолжения приватизации ТЭК. Учредителем ее выступила ГКС РБ, передавшая в уставный капитал новой компании «находящиеся в собственности РБ» пакеты акций ОАО «Башнефтехим» (уже имевшей в управлении закрепленные в республиканской собственности акции УНПЗ, «Уфанефтехима», НУНПЗ, «Уфаоргсинтеза» и АО «Нефтехимремстрой»), «Башкирэнерго», «Башнефти», «Урало-Сибирских магистральных нефтепроводов им. Д. А. Чернышева» и «Уралтранснефтепродукта». Пакеты были разные по объему, но все они превышали 10 процентов акций, в то время как программа приватизации, утвержденная президентом РФ в декабре 1993 года, не допускала «внесения в уставный капитал создаваемых при участии государства АО более 10 процентов акций» любого предприятия, созданного путем приватизации.

При этом ни РФ, ни РБ ничего не получили от передачи акций в «Башкирскую топливную компанию». Процесс приватизации завершился, когда 19 августа 2002 года президент Башкирии двумя указами разрешил этим компаниям реализовывать акции, находящиеся в их собственности. Воспользовавшись этим правом, они передали частным владельцам все имевшиеся у них акции ТЭК. Любопытно, что в марте 2005 года президент Башкирии попытался отменить действие своих же указов, сопроводив эту попытку мощной кампанией по «возвращению государству неправомерно отчужденного имущества», а Минимущество РБ с его подачи даже инициировало арбитражный процесс, чтобы признать постприватизационные сделки «ничтожными». Но никакого юридического смысла это уже не имело: формально «Башнефтехим» и «Башкирская топливная компания», хотя их собственные акции принадлежали государству, вправе были самостоятельно распоряжаться любым своим имуществом, включая искомые акции.

12 апреля 2003 года в реестры акционеров были внесены записи о прекращении права собственности «Башкирской топливной компании» на акции «Башнефти», «Башкирэнерго» и «Башнефтехима», а также о прекращении права собственности последнего на акции ОАО «Башкирнефтепродукт», УНПЗ, «Уфанефтехима», НУНПЗ и «Уфаоргсинтеза». Тем самым начались постприватизационные сделки, среди участников которых госорганы уже не фигурировали.

Первыми после госструктур акционерами предприятий стали семь мелких частных ООО. 24 июня 2003 года они учредили ООО «Башкирский капитал». Уставный капитал последнего по башкирской традиции был сформирован путем внесения акций предприятий ТЭК. На собрании учредителей ООО председателем Совета директоров избрали Урала Рахимова, хотя формально он не имел ни к одному из учредителей никакого отношения. ООО зарегистрировали 7 июля 2003 года, а уже в августе участники ООО «Башкирский капитал», выполнив роль «перевалочных пунктов» для акций, уступили свои доли в уставном капитале самим предприятиям ТЭК. В результате сформировалась система перекрестного владения акциями предприятий комплекса – они как бы стали владеть сами собой.

И предприятия, и семь ООО, использовавшиеся для транзита акций, в антимонопольной терминологии можно было рассматривать как «группу лиц», согласованно действующую на определенном рынке. Стало быть, согласно федеральному закону «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» для проведения сделок они должны были получить согласие антимонопольного органа. Такого согласия получено не было, что, на взгляд юристов, может служить основанием для признания этих сделок недействительными.

При этом «Башкирский капитал» поначалу выступил своеобразным центром управления предприятиями. Но в феврале 2004 года у них появился новый «управленец» – ООО «Институт региональной экономики и права», возглавляемый опять же Уралом Рахимовым. В 2006 году все пакеты акций, оставши-

еся подконтрольными башкирским владельцам во главе с Уралом и его отцом, перекочевали в четыре благотворительных фонда («Агидель-Инвест», «Инзер-Инвест», «Урал-Инвест» и «Юрюзань-Инвест»), а потом – в четыре одноименных ООО, подконтрольных той же группе лиц. ООО «Агидель», «Инзер», «Урал» и «Юрюзань», учредители которых не разглашаются, получили по 16,21 процента акций «Башнефти», по 13 процентов акций ОАО «Уфанефтехим», по 14 процентов ОАО «Уфаоргсинтез» и УНПЗ, по 16 процентов акций

знать недействительными все сделки, совершенные в апреле прошлого года между ООО «Башкирский капитал», четырьмя благотворительными фондами и четырьмя инвестиционными компаниями, у которых осели акции ТЭК. Эти сделки, считает ФНС, были «совершены с целью, противной основам правопорядка и нравственности», а статья 169 ГК РФ предусматривает взыскание в доход государства всего, что по таким сделкам было получено. Суд уже принял обеспечительные меры, запретив ООО, владею-

В свое время президент Башкирии **Муртаза Рахимов** предоставил своему сыну **Уралу** (фото справа вверху) и его друзьям в неограниченное пользование ресурсы топливно-энергетического комплекса республики

НУНПЗ и по 14,5 процента ОАО «Башкирнефтепродукт».

По мнению экспертов, эти сложные шаги владельцы предприняли потому, что схема перекрестного владения акциями перестала служить гарантией от попыток недружественного поглощения. Структуру «расколькоцевали» и перед передачей в новые частные руки создали «прокладку» в виде благотворительных фондов, чье имущество защищено законом. По неподтвержденным пока сведениям, в последнее время акции уже переоценивали в новый «карман» – на имя двух доверенных женщин.

Кому госпакет?

Бывшие компании-носители акций, ставшие пустой «оболочкой», решили ликвидировать. Такая судьба постигла, по крайней мере, «Башкирскую топливную компанию». «Башнефтехим» пока не дает ликвидировать кредитор – ирландская компания Feyline, предъявившая многомиллионные претензии по нефтяным операциям. Вокруг же закрытия «Башкирского капитала» разыгралась целая трагедия. Жертвой якобы оказался глава управления ФНС по Башкирии Рамзил Низаметдинов: его заменили после того, как в конце декабря 2006 года он допустил ликвидацию «Башкапитала». Уже в январе ФНС опротестовала факт ликвидации фирмы в Арбитражном суде, а сама она была восстановлена в Госреестре.

В Арбитражном суде Москвы Межрегиональная инспекция ФНС по крупнейшим налогоплательщикам №1 потребовала при-

щим акциями, любые сделки с этими ценными бумагами. Представители ФНС, кроме того, считают, что после безвозмездной передачи акций фондам «Башкапитал» не уплатил налог на прибыль. Претензии составляют 42 миллиарда рублей.

Ликвидация этих компаний-«оболочек», позволивших провести приватизацию башкирского ТЭК безо всяких аукционов и конкурсов, для федерального центра, по мнению юристов, крайне нежелательна. Ведь она может прервать и без того запутанную юридическую историю этого процесса. Между тем, буквально на днях правительство РБ создало новую подобную «оболочку» – некое ООО «Региональный фонд», в который передало жалкие остатки госпакетов акций уфимских НПЗ (в среднем менее 1 процента акций каждого из предприятий) и самый крупный нереализованный госпакет акций, закрепленный в республиканской собственности, – 53,92 процента акций ОАО «Салаватнефтеоргсинтез».

Любопытно, что именно этот госпакет Минимущество Башкирии решило выставить на аукцион в декабре прошлого года, чтобы если не передать, то хоть продать, как предполагалось, федеральной госкомпании, Газпрому. Однако неожиданно отменило торги безо всяких объяснений. Передав этот госпакет в управление новому ООО, в Башкирии, как и в случае с «Башнефтехимом» и БТК, фактически провели приватизацию госпакета «обходным путем», без открытого аукциона.

В Башкирии был изобретен и такой не имеющий аналогов ни за рубежом, ни в Рос-

сии способ отчуждения имущества из госсобственности, как возможность передачи акций в «оперативное управление».

Дело похороненное, но не закрытое

Счетная палата РФ в свое время усмотрела во многих из вышеприведенных фактов нарушение федеральных интересов в Башкирии. Возглавлявший проверку аудитор Вячеслав Игнатов, ныне советник председателя СП РФ Сергея Степашина, от имени Палаты обращался в Генеральную прокуратуру России. В результате в 2003 году было возбуждено уголовное дело по ст. 165 п. «б» ч. 3 УК РФ (причинение крупного имущественного ущерба путем злоупотребления доверием) по фактам незаконных операций руководства Башкирии по приватизации ТЭК. Речь, по словам аудитора, шла прежде всего о том, что вопреки указу президента Ельцина №1403 федеральное правительство не получило по 38 процентам акций 13 ключевых предприятий ТЭК региона. Общий ущерб для федерального бюджета составил около \$120 млн только по номинальной стоимости «уведенных» акций. Дело передали на предварительное расследование в Следственное управление следственного комитета МВД РФ по Приволжскому федеральному округу. Однако там, судя по всему, оно оказалось до поры до времени «похоронено» в архивах, хотя и не закрыто. Как утверждает Игнатов, никаких уведомлений о прекращении дела в Счетную палату из Генпрокуратуры не поступало.

Еще одним шансом для федеральных органов вернуть имущество был упомянутый арбитражный процесс, инициированный самим президентом Башкирии в разгар шумевшего конфликта с сыном в 2005 году. Но тогда Генпрокуратура взяла на себя лишь роль наблюдателя.

Как считает изучавший этот вопрос глава Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов, суть ситуации до сего момента сводилась к тому, что у Кремля не было политической воли к возвращению прав федерального центра на башкирский ТЭК. А вместо нее была воля множества высокопоставленных чиновников, которые оказались не прочь погреть руки, держа «в резерве» факты, щекотливые для башкирских властей, и периодически шантажируя их возможностью дать делу ход.

Теперь ситуация изменилась. Важность современных нефтеперерабатывающих мощностей для России возросла, а возможности для маневра между кремлевскими группировками у Муртазы Рахимова в преддверие выборов 2007–2008 годов сократились: центр поставил задачу консолидировать властные элиты.

По мнению специалистов в области права, проведение приватизации в республике можно в принципе квалифицировать как «совершение финансовых операций и других сделок с имуществом, приобретенным организованной группой лиц в результате совершения преступления в особо крупном размере» (глава 22 УК РФ). А представителей госорганов, способствовавших продаже присвоенного республикой имущества, обвинить в «использовании служебного положения». При этом под эти статьи могут попасть десятки специалистов, которые лишь исполняли волю высокопоставленных вершителей судеб ТЭК, – директора заводов и коммерческих структур, участвовавших в приватизационной цепочке. Не исключено, что в их числе может оказаться и бывший сенатор от республики. Хотя явно не он играл «первую скрипку». □

Отчего «Топполи»

не летают?

Силовики бросили все силы на борьбу с одним «неудобным управляющим», поставив под угрозу качество знаменитых ракет

Таисия БЕЛОУСОВА

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В прошлом году и Владимир Путин, и тогда еще министр обороны Сергей Иванов неоднократно упоминали баллистические ракеты наземного и морского базирования «Тополь-М» и «Булава», утверждая, что в обозримом будущем они составят основу стратегических ядерных сил. Интересно, в курсе ли они, как в действительности обстоит дело с лучшими в мире ракетами...

Уникальные банкроты

При производстве «Тополя-М» и «Булавы» используются арамидные и углеродные волокна, разработанные Всесоюзным научно-исследовательским институтом полимерных волокон (ВНИИПВ). Расположенный в Мытищах институт до 1991 года немало потрудился над созданием материалов XXI века. Арамидные волокна («Армос») выпускал только химкомбинат «Тверьхимволокно» (ТХВ), углеродные – ВНИИПВ, имевшие для этих целей небольшие производства. К середине 90-х последние остановились – заказов не было, задолженности росли.

В начале 1996 года по решению акционеров ТХВ поделили на четыре компании – три дочерние: Полиэфир-ТХВ, ТХВ-ПЭТФ, ТХВ-вискоза и материнскую – ОАО ТХВ: у нее остались арамидное производство, связь, охрана, пожарная часть, железнодорожный транспорт, жилые, спортивные, оздоровительные объекты и пр. В июле на ТХВ появился внешний управляющий – Николай Николаевич Мачалаба, главный инженер Кропоткинского химзавода, кандидат технических наук. Его уговорили взяться за сложный участок Росхимнефте-

пром и один из кредиторов – Альфа-банк. А уже в сентябре на межведомственном совещании генеральный конструктор и директор Московского института теплотехники (МИТ) Б.Н. Лагутин призвал любой ценой обеспечить выполнение государственной программы по «Тополю-М», читай, выпуску «Армоса». В поисках возможностей сохранения его производства Мачалаба вместе с МИТ, Федеральной службой по финансовому оздоровлению и банкротству (ФСФО), Росавиакосмосом обращались к полпреду президента в ЦФО, в правительство, в администрацию президента, к президенту Ельцину. Но действительной помощи не последовало.

В течение полутора лет управляющий пытался оздоровить предприятие: погасил долги по зарплате, удовлетворил требования кредиторов 1-й, 2-й, 3-й очереди, заключив госконтракт с МИТ, добился стабильного выпуска «Армоса», отремонтировал одно из зданий и открыл в нем автоцентр, где продавалась производимая на предприятии продукция. Но долги были непомерны. В апреле 1998-го Мачалаба назначают конкурсным управляющим ТХВ, и он начинает готовить предприятие к продаже.

Уволь управляющий всех рабочих, распродай активы, порежь станки на металлолом, жил бы, наверное, он припеваючи: купил бы уютный особнячок, ездил бы с семьей отдыхать на Канары. Но, как ни странно, оказался Мачалаба государственным и решил во что бы то ни стало сохранить производство «Армоса». Когда хлопоты в верхах зашли в тупик, у Мачалабы появился план создания научно-производственного комплекса (НПК) на базе ВНИИПВ и ТХВ.

НПК должен был не только выполнять госзаказ по выпуску «Армоса», но и увеличить его производство, а также вести научные разработки. Как химик Мачалаба прекрасно понимал: арамидные волокна можно исполь-

зовать не только для военной продукции («Тополь-М», броневая защита для техники, бронжилеты и т.д.), но и на «гражданке» (электрические и оптические кабели, термостойкая защитная одежда и снаряжение, специальные тросы и канаты и т.п.). На этот материал есть устойчивый спрос на мировом рынке. К примеру, японские издатели для изготовления матриц были готовы покупать в год по 500 тонн арамидных волокон. И хотя создание подобного объединения Законом о банкротстве не предусмотрено, идею поддержали не только МИТ, Росавиакосмос, ФСФО, Министерство науки, но и кредиторы ТХВ.

По рекомендации Минэкономики, решением Арбитражного суда Московской области 11 мая 1999 года Мачалабу назначили конкурсным управляющим ВНИИПВ. Его появлению в институте предшествовал период внешнего управления, при котором уже началась распродажа имущества.

Основными кредиторами института были муниципальные предприятия – Водоканал, Горэлектросети и т.д.; у ТХВ – бюджет и коммерческие банки. С ними Мачалаба вел длительные переговоры и убедил-таки утвердить планы продаж с особыми условиями: покупатель должен по максимуму удовлетворить требования кредиторов, но он не имел права менять профиль предприятия, обязан выполнять госзаказ, вложить средства в научные разработки и производство «Армоса», сохранить социальные гарантии и рабочие места. Отдельным протоколом оговаривалось, что одним из учредителей НПК выступит государство в лице Мингосимущества, которое внесет в уставный капитал свою долю в виде оборудования для производства синтетических волоконных материалов, пылившегося вот уже 15 лет на складах «Сибволокно». Государство с 51 процентом акций получало возможность контролировать производство стратегического сырья.

Главный враг Тверской области

Когда у Мачалабы появились неплохие результаты по управлению ТХВ, его назначили конкурсным управляющим и на «дочку» – ТХВ-ПЭТФ (недостроенный комплекс по производству сырья для пластиковых бутылок, одноразовой посуды и т.п.). Та задолжала государству за гарантии при получении кредита из немецкого банка. Управляющий нашел западные фирмы, готовые вложить в комплекс 50 процентов средств. С российской стороны появилась акционерная компания «Сибур», которой в мае 2000 года Мачалаба и продал ТХВ-ПЭТФ.

Одновременно «Сибур» проявила интерес к ТХВ. Его представители сообщили конкурсному управляющему, что готовы приобрести предприятие с учетом особых условий.

– Руководство области было против появления в Твери «Сибура», – вспоминает Николай Мачалаба. – Заместитель Платова опасался, что компания выведет активы за границу, в областную казну не будут поступать налоги. Выходило, что я привожу в Тверь бандитскую организацию, которая будет разваливать экономику области. Но у меня возникло ощущение, что губернатору хотелось, чтобы «Сибур» поклонился лично ему...

В июне 2000 года представитель «Сибура» Смирнов на совещании подтвердил: они согласны приобрести ТХВ с особыми условиями. Поскольку в ту пору технология производства «Армоса» имела гриф «Секретно», управляющий свел покупателей с руководством УФСБ. Что до губернаторского благословения, то его сибуровцы получали самостоятельно.

В декабре кредиторы и представители Минобороны, Минфина, Росавиакосмоса, МИТ, Минпромнауки, ФСФО, администрации Тверской области окончательно решили включить в план продажи ТХВ особые условия. Обрадованный Мачалаба стал готовить документы.

Но в марте 2001-го до него дошел слух, что глава «Сибур» Яков Голдовский особые условия выполнять отказывается: «Я покупаю «Тверьхимволокно», а со «шнурками» (армидным волокном. – Авт.) как хотите, так и решайте!» Затем его представители официально заявили, что не будут брать на себя никаких обязательств. Осознав, что «Сибуру» нужна лишь площадка с коммуникациями, управляющий отказался заключать с ним договор купли-продажи под благовидным предлогом.

– Уже при конкурсном производстве государство давало мне деньги по контракту, чтобы, не дожидаясь нового хозяина, предприятие могло выполнять государственную программу, – объяснял мне Мачалаба. – Поскольку инфраструктура разваливалась на глазах, я вложил 25 миллионов рублей в строительство котельной и в воздушную станцию, которые работали на производство «Армоса». Эти объекты продаже не подлежали, так как являлись федеральной собственностью. Я предложил кредиторам сделать это имущество ограничено оборотоспособным. Но «Сибур» был против. Пришлось обращаться в Арбитражный суд...

Суд в удовлетворении требований Мачалаба отказал. И тут отдельные доброжелатели с ТХВ стали его предостерегать: не продадите предприятие «Сибуру», вас арестуют и заставят подписать необходимые бумаги. Поскольку подобные прецеденты имелись, Мачалаба сообщил об этом в УФСБ по Москве и Московской области и УФСБ Тверской области. Вскоре он заметил за собой слежку: за ним постоянно катались «Волга» и «Жигуленок» с людьми, которые и не думали прятаться. Обратился за помощью в РУБОП и к прокурору. Проверка показала, что за управляющим никто не следил.

Тем временем Мачалаба, до которого дошли слухи о предстоящем банкротстве «Сибура», спешно искал другого покупателя. Глава Минпромнауки А.Н. Дондуков сообщил, что есть компания, которая готова купить и ВНИИПВ и ТХВ с учетом особых условий – ОАО «Разноимпекс», с которым управляющий и заключил договор купли-продажи ТХВ. Как только он известил об этом кредиторов, те сразу обратились в Арбитражный суд Твери с жалобой на действия Мачалабы и с ходатайством о его отстранении. Узнав о планах кредиторов по отстранению управляющего и ликвидации ТХВ, возмущенные рабочие вышли на митинг.

20 ноября в перерыве между судебными заседаниями, где в очередной раз решалось, быть или не быть управляющим Мачалаба, он поехал на ТХВ, где преследователи принялись нагло его фотографировать. Из суда Мачалаба ехал с начальником РУБОПа, за ними следовала машина с преследователями, следом – автобус с руболовцами, готовыми к захвату. Но, узнав, что на машинах преследователей стоят спецномера, начальник РУБОПа дал своим людям отбой.

Арбитражный суд признал действия Мачалабы по заключению договора купли-продажи неправомерными, но от исполнения обязанностей конкурсного управляющего не освободил. Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа счел действия Мачалабы обоснованными: кредиторы могут оговорить сроки продажи и сумму, но не имеют права указывать управляющему, кому он должен продавать предприятие.

А дальше было прослушивание телефонов Мачалабы, попытка проникновения в квартиру людей в милицейской форме. Он долго терпел, а потом обратился в Госдуму. После чего Генпрокуратура в апреле 2002 года возбудила уголовное дело по факту нарушения неприкосновенности его частной жизни.

– Утверждали, будто никто за мной не следил, – возмущался Николай Николаевич. – И только потом признались, что следило управление ФСБ. Я что, встречался с террористами, готовился продать стратегическое предприятие западным конкурентам? И что же это за слежка такая, если я о ней знаю? В качестве психического давления?..

Сразу после возбуждения уголовного дела Генпрокуратурой в апреле 2002 года сотрудники УФСБ начали проверку ТХВ. Первым делом у Мачалабы изъяли карточку допуска к документам, составляющим гостайну, дескать, в 1998 году допуск был оформлен с нарушением инструкции. Но «правильной» карточки ему так и не выдали.

После бесед представителей «Разноимпекса» с руководством МИТ, ФСФО, Минкомму-

щества, Росавиакосмоса в июне 2002 года Мачалаба продал ему ТХВ за 20 миллионов рублей. Теперь он должен был завершить процедуру конкурсного производства и зарегистрировать переход права от ТХВ к «Разноимпексу». Но в регистрации отказали. Покупателю пришлось ввязаться в судебную тяжбу.

В октябре 2002 года на совещании в ФСФО, где присутствовали представители «Сибура» и УФСБ Тверской области, глава ведомства Татьяна Трефилова посоветовала Мачалабе оформить допуск к секретным сведениям. Позже выяснится – руководство УФСБ стало информировать министерства и ведомства, что Мачалаба не имеет допуска, а потому его надо отстранить. Мало того, в письме к той же Трефиловой упоминалось и об уголовных делах, по которым Мачалаба проходил как подозреваемый. Но о них я скажу чуть позже.

Получили в ФСФО и послание заместителя губернатора Тверской области Андрея Строе-

ва. Обвинив Мачалабу, что тот не перечислил в бюджет налоги и сборы (2 млрд. руб.), что по его вине не состоялись ни одни торги по продаже предприятия, не выполнилось решение кредиторов о продаже ТХВ «Сибуру», Строев от имени областной администрации просил рассмотреть вопрос о его замене. Затем он обратился с письмом в местные газеты, пригрозив: если заменой управляющего не озвонится ФСФО, делом займется прокуратура.

11 июня 2003 года «Тверская газета» публикует статью «Распродажа по-тверски или уникальная операция спецслужб», посвященную незаконной продаже «Армоса» китайцам: «Не могли не знать все они, начиная с г-на Мачалабы, зачем едет сверхпрочный отечественный материал в Ангарск. Но деньги решили все... Хочется спросить у господина Мачалабы, как он будет смотреть в глаза тверичанам, в том числе работникам «Тверьхимволокна»?..»

В поисках справедливости Николай Николаевич отправился в суд. Найти управу на руководителей УФСБ не удалось. Последние ссылались на то, что письмо готовили некие исполнители, а они лишь подписывали, на письмах стоит гриф «Для служебного пользования», а значит, распространения информации, задевающей честь, достоинство и деловую репутацию Мачалабы, не случилось. Судья с этой версией согласился.

Но в июле 2004 года суду пришлось признать, что сообщения Строева не соответствуют действительности. Газеты опубликовали опровержения и принесли «известному в России и Европе ученому» извинения; со Строева была взыскана компенсация морального вреда. В марте 2005-го в суде Мачалаба доказал свою непричастность к контрабанде «Армоса». И газеты опубликовали опровержение.

Мытищинский наезд

В Мытищах Мачалаба тоже оказался неудобной фигурой. Управляющего планировал продать ВНИИПВ «Разноимпексу» и, как оказалось, «перешел дорогу» некой фирме «Лир-

сот». Та поначалу мечтала стать хозяйном институтских зданий, затем, скупив часть долгов, превратилась в кредитора ВНИИПВ.

Чтобы выжить отсюда Мачалабу, использовались разные методы. То и дело ему приходилось отражать атаки «Лирсота», требовавшей его отстранения в суде. Было заведено уголовное дело по факту неуплаты налогов. Управляющий пытался доказать, что предприятие-банкрот не может платить налоги, расплачивается оно после продажи имущества. Хорошо вмешалась прокуратура Московской области, и дело закрыли за отсутствием состава преступления. Параллельно шло разбирательство по письму депутата Госдумы А.И. Салия, в котором Мачалаба и иже с ним подозревались в коррупции и продаже по дешевке институтского имущества.

А 20 февраля 2002 года второй конкурсный управляющий ВНИИПВ получил правительственную телеграмму следующего содержания: «В связи с заключением под стра-

вого рассмотрения в суде первой инстанции в марте 2004 года Мачалаба в очередной раз сел в кресло конкурсного управляющего.

Заслуженный «уголовник» РФ

Рассказ о мытарствах Мачалабы был бы неполным без упоминания о его «уголовных делах». Случайно это случилось или же было сделано намеренно, судить не берусь, но как только управляющий отказался продавать ТХВ «Сибуру», областное УВД завело уголовное дело по факту хищения на предприятии драгметаллов.

– На комбинате имелось 66 килограммов платины, золота и палладия в виде изделий, которые использовались при производстве, – объясняет мне Николай Николаевич. – Одни работали, другие находились в переплавке, третьи хранились в сейфах секретного отдела. В мою задачу входил поиск средств на выплату задолженностей. Мы доставали из болота металлолом, но это были копейки. А на предприятии уже 9 месяцев не выплачивалась зарплата. В декабре 96-го я официально продал старые платиновые чаши весом 10 килограммов, которые никто не использовал. Часть полученных средств была направлена на выплату зарплаты, часть – на закупку сырья для производства «Армоса» и оплату энергоресурсов. Роскомдрагмет, осуществлявший ежегодный надзор, никаких нарушений в моих действиях не нашел...

Видимо, ответы Мачалабы удовлетворили следователей, и те вынесли постановление о прекращении уголовного дела. Но прокуратура отменила постановление. Стали выяснять, а была ли у Мачалабы лицензия на продажу драгметаллов. 7 февраля 2003-го в его квартире провели обыск: искали документы, подтверждающие движение драгметаллов.

После заключения управляющим договора купли-продажи с «Разноимпексом» в 2001 году было заведено второе уголовное дело по факту неуплаты налогов в Пенсионный фонд. Третье уголовное дело завело местное УФСБ в марте 2003 года по факту нарушения Мачалабой закона о государственной тайне. Четвертое – в июне 2003 года по факту незаконного распоряжения Мачалабой векселями «Конверсбанка».

– Текущая деятельность предприятия-банкрота законом не запрещена, тем более что я согласовывал ее с кредиторами, – продолжает Николай Мачалаба. – Продав волокно «Армос», я получил в уплату банковские векселя и оплатил ими энергоресурсы. А по мнению УВД, я должен был расплатиться этими векселями с кредиторами. Но ведь решение подобных вопросов не входит в компетенцию УВД. И добро бы, если у УВД имелось возмещение кредиторов, ФСФО РФ, так нет, они возбудили дело по собственной инициативе...

Пятое уголовное дело было выделено из «вексельного». По нему управляющего обвиняли в незаконном распоряжении бюджетными средствами при строительстве котельной. Шестое уголовное дело – по факту мошенничества при получении квартиры – родилось в 2005 году. (Первоначально Мачалаба жил в служебной квартире, затем по ходатайству Альфа-банка и ФСФО РФ мэр Твери предоставил ему муниципальное жилье.)

Пять уголовных дел были прекращены в период с 2002 по 2006 год за отсутствием состава преступления, при этом четвертое и пятое – с правом реабилитации. До суда дошло лишь дело о гостайне.

Гостайна – наше все!

20 января 2003 года в протокольный отдел ТХВ кто-то приносит якобы от Мачалабы документы, которые следует отправить в Москву, бывшему заместителю губернатора Тверской области. В тот же день сотрудники УФСБ предупреждают начальника почтамта о необходимости изъятия этого письма. 22 января замначальника Тверского почтамта, не имея постановления о выемке, изымает из 79 писем Мачалабы необходимое и прячет его в сейф. 30 января сотрудники УВД получают разрешение суда на арест письма, на следующий день изымают его и находят в нем два документа с грифом «Секретно»: копию акта проверки ТХВ сотрудниками УФСБ и ответ начальника режимной части предприятия на их замечания.

Несмотря на решения районного и областного суда копию постановления о привлечении Мачалабы в качестве обвиняемого

ему не предъявили, сославшись на секретность документа. А потому постановление он обжаловать не мог.

По просьбе адвоката постоянно действующая техническая комиссия МИТ провела экспертизу вышеупомянутых «секретных» документов и пришла к выводу, что в них нет сведений, содержащих гостайну. УФСБ передало эти же документы на экспертизу в НИИЧермет. «Это все равно, что материалы судмедэкспертизы передать оценивать в Дом моды Славы Зайцева», – иронизировал Мачалаба. Обвинительного заключения из-за той же секретности Николай Николаевич не получил. 30 апреля начальник следственного управления УФСБ А.Д. Шашков разъяснил, что в соответствии с УПК Мачалаба имеет право на следующий состав суда: либо три федеральных судьи, либо суд присяжных. Николай Николаевич выбрал суд из трех федеральных судей. Каково же было его изумление, когда на первом заседании судья Андреев стал рассматривать его дело единолично, сославшись на слова председателя, мол, у вас дело не особой тяжести. Но если бы Мачалаба знал это, то выбрал бы суд присяжных заседателей.

На суде, как и на следствии, Николай Николаевич безуспешно пытался доказать, что к злополучному письму не имеет никакого отношения. Кто отправил письмо, суд так и не установил. Заключение комиссии МИТ суд счел частным мнением главы института Соломонова. На веру он принял заключение НИИЧермета.

5 августа 2004 года вынесен приговор: год лишения свободы условно, на два года запретили заниматься административно-распорядительными и хозяйственными функциями в органах власти.

– В уголовном кодексе такого запрета нет, да я и не работал в органах власти, – недоумевает Мачалаба. – Если мне инкриминируют нарушение гостайны, значит, мне надо запретить работать там, где она есть. А мне запрещают занимать руководящие должности. Из-за той же секретности на руки я получил выписку из приговора. А Верховный суд, где я собирался обжаловать приговор, требует его в полном объеме...

29 сентября Арбитражный суд Тверской области по заявлению «Тверьгортеплоэнерго» (кредитор ТХВ, сам ставший банкротом) отстранил Мачалабу от должности конкурсного управляющего, как имеющего судимость...

Мачалаба обратился в Европейский суд по правам человека. Тот принял его жалобы к рассмотрению.

За что боролись...

Пока Мачалаба доказывал непричастность к инкриминируемым ему преступлениям, пока руководство МИТ, доктора и лауреаты из ВНИИПВ и других НИИ, профсоюзы и т.д. рассылали письма в его защиту и ходатайства о снятии с него судимости, история с «Армосом» получила неожиданное продолжение: Мачалаба рассказывает, что Мингосмушество «забыло» передать НПК оговоренное оборудование, и потому государство в число его акционеров не вошло. Управляющий в деятельности «Разноимпекса» вмешаться уже не мог. И тот спецусловия договора купли-продажи проигнорировал.

Рабочие места сократили с 1200 до 600, предприятие потеряло высококвалифицированных специалистов. Научно-исследовательской работы нет и в помине. В 2003–2005 годах «Разноимпекс» должен был инвестировать в производство «Армоса» и других волокон 51 миллион долларов, да руки, видимо, не дошли...

В 2004 году правительство выделило 16,5 миллиона рублей для закупки оборудования для производства «Армоса». Вместо того чтобы начать реконструкцию предприятия, его поместили на склад.

При конструировании «Тополя-М» и «Булавы» закладывались определенные требования к «Армосу» по прочности и т.д. Раньше представитель госзаказчика следил за качеством исходного сырья, контролировал производство волокна, проверял его физико-химические свойства, принимал готовую продукцию. Теперь – нет. По свидетельству представителя Минобороны, качество «Армоса» стало «нестабильным и непредсказуемым». Предприятиям «оборонки» волокно предлагается по заоблачной цене, из-за чего Росатом, к примеру, его приобретать отказался. Зато «Армос» охотно покупают китайцы... □

13 миллиардов рублей дохода оказались вредными для государства

Генерал с возу...

Иосиф ГАЛЬПЕРИН

Обозреватель «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Дальневосточное таможенное управление – хозяйство беспокойное. В него входят все таможи самого восточного федерального округа страны. До апреля 2006 года на хозяйстве был генерал-майор таможенной службы Эрнест Бахшеян.

В тот теплый апрельский день генерал прилетел в Москву для совета с начальством. Цифры оно и так знало: за два года деятельности Бахшеяна отчисления в бюджет от ДВТУ выросли в два с половиной раза. Но были проблемы, о которых генерал намеревался доложить лично, для чего и привез с собой аналитическую записку. Доложил. Прилетел обратно, а в аэропорту Владивостока прямо у трапа был «принят» сотрудниками ФСБ. Записку в электронном виде успел передать жене Людмиле. С тех пор Бахшеян сидит в камере, а она хлопочет, доказывая его невиновность.

За что посадили

Почему один из самых успешных таможенных генералов попал под каток прошлогодней кампании чистки рядов силовиков? И

что же было в таинственной записке? Может быть, именно в ней кроются причины поспешного ареста?

Людмила Бахшеян передала редакции вариант этого документа, который лег в основу письма на имя Генерального прокурора Юрия Чайки.

Вот как Эрнест Анзорович описывает ситуацию, сложившуюся в Дальневосточном управлении к 2004 году, на момент своего назначения: «Еженедельно только через Находку отправлялось по 2–3 эшелона из 45–50 вагонов, груженных контрабандными товарами народного потребления, а ежегодный объем нелегальных поставок мясной продукции на протяжении нескольких лет без должного оформления, налогообложения и проверки ветеринарными службами достигал 150 тыс. тонн».

Речь, между прочим, идет о том самом китайском мясе, из-за которого мы совсем недавно поссорились с Евросоюзом, обвинив Польшу в том, что она под видом разделанных европейских коров сплавляет нам азиатских буренок. И нас внимательно выслушали, поскольку импорт китайского мяса в Европу и в Россию запрещен по причине высокого уровня заболеваемости животных в КНР и некачественного ветеринарного контроля.

«По самым скромным оценкам, – продолжает Бахшеян, – только недобор таможенных платежей при оформлении импорта

оценивается в 20 млрд. рублей ежегодно. Для сравнения скажу, что ДВТУ в 2004 году собрало 26 млрд. руб. платежей по импортной составляющей... По мере вхождения в ситуацию становилось понятно, что таких масштабов нарушения законов не достигли бы без активного содействия со стороны сотрудников таможенной службы и попустительства иных контролирующих органов...

При первой попытке перекрытия контрабандного канала поставок мяса в Находке в июле мне предлагал не делать этого (в записке Бахшеян называет имя человека, поработавшего и на Старой площади, и в таможенной системе. – И.Г.). В качестве посула за содействие обещалось присвоение следующего специального звания.

Затем, когда в сентябре канал был все же нами блокирован, пытался вмешаться (Бахшеян вновь называет имя. – И.Г.) тогдашний заместитель Генерального прокурора. После моего отказа от выполнения поставленной задачи от его доверенного человека в октябре поступило предложение мне и Воробьеву назвать свой процент и вступить в долю. (Объем недоплаты в бюджет по мясу превышал 100 млн. долл. США в год.)

Последнюю безуспешную попытку договориться со мной «по-хорошему» в декабре сделал вновь назначенный (Бахшеян называет силовика. – И.Г.), который лично у меня в кабинете предложил оформить мя-

Генерал Эрнест Бахшеян. Ни во взятках, ни в материальной заинтересованности приморские следователи уличить его не смогли

со под видом субпродуктов (ставка пошлины в этом случае в четыре раза ниже).

И куда смотрел санитар Онищенко?

То есть начальники всяческих уполномоченных органов не столько пытались пресечь бесконтрольный ввоз подозрительного, а ныне и запрещенного товара, сколько стремились этот ввоз поставить под собственный контроль. И речь не только о мясе.

Достаточно вспомнить трагическую гибель пограничного генерала Гамова, который взялся пресечь незаконный лов рыбы и морепродуктов. Исполнители «заказа» на него, забросавшие квартиру бутылками с зажигательной смесью, получили мизерные сроки. О чем это может говорить? Как о том, что пограничник перешел границу, приняв в отношении силовиков и криминала, так и о том, что «крыша» криминала сумела обеспечить исполнителям достаточно мягкое наказание в обмен на видимость наведения порядка.

В своем открытом письме (декабрь 2006 года) из СИЗО города Владивостока (его копия есть в распоряжении редакции) Бахшеян осторожно пишет про Находкинскую таможню: «Как и кем был создан канал, его функционирование, действующие лица, исполнители и пособники устанавливаются сейчас в ходе расследования, ведущегося Генеральной прокуратурой. Газеты сообщали, что одним из основных получателей товарной массы являлось ХОЗУ ФСБ РФ».

Генерал Бахшеян решил поломать дальневосточный консенсус. Принимая огонь на себя, без поддержки остальных представителей федеральной власти, он потребовал от подведомственных таможен работы по конкретным нормативам и добился того, что за первый квартал 2006 года ДВТУ дополнительно дало в казну четыре миллиарда рублей.

Генерал докладывал министру Грефу: «Вслед за начальником Находкинской таможни Котляровым А.И., освобожденным от должности в прошлом году (в 2005-м. – И.Г.), к увольнению в мае с.г. по окончании срока контракта представлен и начальник Дальневосточной оперативной таможни Мурашко С.Н., который, располагая достоверной информацией, своей бездеятельностью в значительной степени способствовал контрабандному ввозу мясopодyкциj через Находкинскую таможню в объеме, достигавшем 150 000 т в год. Это не мои домыслы. Это официальное заключение комиссии ФТС, работавшей на месте в октябре... В начале апреля с.г., перед назначением начальником Находкинской таможни Кулешова А.С., на встрече, организованной начальником транспортной милиции Находки, с участием (Бахшеян называется должности и имена силовиков. – И.Г.), Кулешову А.С. от лидера ОПГ (Бахшеян приводит фамилию. – И.Г.) поступило предложение «помочь пережить тяжелые времена» в обмен на 20 тыс. \$ ежемесячно. После отказа Кулешова А.С. противодействие его назначению со стороны (генерал называет силового начальника. – И.Г.) активизировалось, он лично просил губернатора Приморского края Дарькина С.М. не согласовывать».

Очевидно, не согласовывать новое назначение упряма. Дальше Бахшеян характеризует подчиненного, ради которого идет на конфликт с местными представителями федеральной власти: «Справочно: в результате мер, предпринятых Кулешовым вместе с сотрудниками ДВТУ, главным обра-

зом службой организации таможенного контроля во главе с Воробьевым А.М., объем декларируемого мяса увеличился с 5,3 тыс.т мяса в первом квартале прошлого года до 33 тыс. т в первом квартале текущего, в том числе 28 тыс. т сверх квот, что на 368 млн. руб. увеличило поступление таможенных платежей... В целом же с сентября прошлого года нам удалось организовать работу Находкинской таможни таким образом, что ежемесячное увеличение таможенных платежей составило с 900 млн. до 1500 млн. руб».

Стоит добавить, что ориентировочно объем потерь от неправильного налогообложения импорта по Дальневосточному федеральному округу ежегодно составлял около миллиарда долларов. По всем важнейшим показателям ДВТУ шло на последнем месте среди таможенных управлений страны. Примерно половину потерь давала Находка.

Какими же методами добивались роста Бахшеян и его команда?

Просто разумными. Из Москвы получали от аппарата ФТС данные объема экспорта, представленные китайскими таможенниками, отсюда же – текущие контрольные показатели. Опираясь на них, старались «повысить уровень достоверности декларирования»: ну не может компьютер стоить 20 долларов! Следили за реальной загрузкой въезжающего и выезжающего транспорта, посчитали, сколько чего на каком транспорте умещается и на основании этого рассчитали, сколько с «воза» брать. Подчиненные ДВТУ таможни, таким образом, лишились свободы заграбущих рук. Их службы контроля и оформления, вместо штемпелевания бумаг, зачастую подложных, были вынуждены заниматься экономическим анализом.

Предложенная система обесмыслила договоренности с криминалом и «крышей», поскольку каждая партия товаров обязана была принести казне определенную сумму. Но и досмотр стал настоящим. Если за весь 2004 год на той же Находкинской таможне было проверено несколько десятков контейнеров, то в 2005-м – восемьсот. Казна получила дополнительно 13 миллиардов, подводит итоги Бахшеян:

«...Как следствие всего этого – привлечение в федеральный бюджет 9 млрд. руб. дополнительных таможенных платежей, взятых в прошлом году, и 4 млрд. руб. – в первом квартале 2006 года исключительно за счет лучшей организации таможенного контроля».

Для наглядности картины приведу только одну цифру, которую мне почему-то инкриминируют как преступление. Если до декабря 2004 года степень достоверности декларирования в регионе ДВТУ была такова, что при таможенном оформлении одного автотранспортного средства объемом 105–135 кубометров, загруженного импортной обувью китайского производства, по количеству, стоимости и типам позволяла взвешивать порядка эквивалента 14–17 тыс. долларов США, то в апреле 2006 года единая методология расчета налогообложения исходя из объема транспортного средства позволила повысить ее в среднем до 35–40 тыс. долларов США».

Бахшеян раскрывает прокурору и схему собственного взятия под стражу: руководители некоего предприятия, которое на самом деле является ОПГ, вылетели из Владивостока 18 апреля прошлого года в одну из соседних стран и вернулись 26 апреля. В этой стране они сняли со счета своей компании три миллиона долларов и положили их на счет судорожной компании в Европе. Компания, как пишет Эрнест Анзорович, принадлежит некоему депутату, другу приморских силовиков. Деньги должны были послужить оплатой услуг этих силовиков по снятию с должности Бахшеяна и восстановлению уволенного им подчиненного.

По странному совпадению, 18 апреля против Эрнеста Бахшеяна официально начались следственные действия, а 26-го он был задержан в аэропорту.

В чем обвиняют

В то время как Генпрокуратура занялась расследованием вскрытых Бахшеяном каналов контрабанды, прокуратура Приморского края 25 апреля возбудила против генерала уголовное дело по ст.286, ч.1 УК РФ (превышение должностных полномочий). Из этого дела получалось, что в результате требова-

ний начальника ДВТУ брать пошлину по нормативу, его подчиненные с таможенного поста «Восточный» Находкинской таможни, доверяя фирмам, декларировавшим ввоз в страну сантехнических и строительных изделий, не производили досмотра их контейнеров. С июня по декабрь 2005 года эти фирмы ввезли в общей сложности 1163 контейнера. А в декабре в порт «Восточный» прибыло 42 контейнера с товарами, закупленными одной из этих фирм, и в них при досмотре оказались не унитазы, раковины и посуда, как было записано в декларации, а обувь, одежда и принадлежности для рыбалки, за что надо было платить раза в четыре дороже. Больше в постановлении о возбуждении уголовного дела не говорится ни о чем.

Во-первых, непонятно, требовал ли Бахшеян от своих подчиненных пропустить без досмотра именно эти контейнеры. Во-вторых, какое отношение к вскрытым контейнерам имеет остальная тысяча контейнеров, прошедших без досмотра, в том числе – двух других фирм, чья доля в общей сумме была большей?

Видимо, сознавая хилость этих обвинений, Приморская прокуратура выдвинула два других, а первоначальное даже не передала в суд. Хотя именно по нему давали телевизионные пояснения доблестные эфэсбэшники, «поймавшие за руку генерала-оборотня».

Следующее обвинение противоречит первому, поскольку вменяет в вину Бахшеяну не то, что после его нововведений проходить таможню стало легче, а то, что проходить стало труднее, и потому многие фирмы потерпели убытки. Третье обвинение касается отношений таможни с железной дорогой и с перевозчиками транзитных грузов.

Раньше фирма, отправляющая груз транзитом через Россию, вносила платеж на въезде, государство в лице РЖД гарантировало его доставку и возврат залога, если на въезде сумма таможенной пошлины оказывалась меньше внесенной. Теперь торговец, отправляющий, скажем, машину с товаром из Казахстана в Европу по железной дороге, не может иметь дел с ОАО «РЖД», поскольку от железной дороги в поездке лишь локомотив, а состав формирует фирма-перевозчик. Она же и отвечает перед таможней за выплату пошлин. Понятно, что при таком раскладе для минимизации рисков таможенники стремятся иметь в качестве агентов фирмы с солидной репутацией и большими оборотами.

Бахшеяна обвиняют, что грузы, следующие в машину транзитом из Средней Азии и обратно, он рекомендовал оформлять с помощью гарантийных сертификатов ЗАО «РОСТЭК-ТехноСклад». Нет, государство убытков при этом не понесло, торговцы из Киргизии, Узбекистана и Казахстана – тоже, но, по мнению следствия, пострадали фирмы, которые тоже могли бы поучаствовать в перевозочном процессе. То есть генерал уголовно виновен, по мнению Приморской прокуратуры, в некоей чужой упущенной выгоде.

В письме из СИЗО Эрнест Анзорович обвинения комментирует так: «Обнаружение товарной контрабанды на сумму в 305,5 миллиона рублей привело к тяжким последствиям в виде неуплаты таможенных пошлин на сумму около 85 миллионов рублей. А то, что от ре-

лизации конфискованного товара в бюджет поступает сумма, более чем в три раза превышающая ту, которая должна была поступить при нормальном оформлении товара, почему-то никого не смутило. Впрочем, обвинение начальника таможенного управления в организации борьбы с контрабандой – верх абсурда... По мнению следствия, я вынашивал преступный замысел лоббирования интересов одного из участников рынка околотаможенных услуг... 13 месяцев... и в конце концов реализовал свой преступный умысел, нанеся ущерб, который выражался в упущенной выгоде некоторых ООО – от 29 до 400 тысяч рублей...» И далее: «Среди пострадавших от моей «преступной деятельности» назван и «СВТС-сопровождение», один из околотаможенных участников рынка. Как соотносится обвинение в том, что «СВТС» не могло производить оформление своих гарантийных сертификатов, чем существенно ограничивалось в правах, интересах и деятельности» с мнением Генерального прокурора РФ Чайки Ю.Я., который на заседании Правительства РФ 07.12.2006 г. критиковал ФТС за понуждение предпринимателей сотрудничать с «СВТС»?»

Честь имеет

Следователи предъявили Эрнесту Анзоровичу обвинение в том, что он «...вопреки интересам службы и, действуя из личной заинтересованности, выразившейся в стремлении показать эффективность своего руководства с целью продолжения карьерного роста по службе, прикрываясь целью выполнения контрольных показателей перед Правительством РФ и руководством ФТС, организовал искусственное и незаконное увеличение сборов таможенных платежей».

Насколько незаконное, установит суд. Установление истины будет происходить в том же Ленинском райсуде Владивостока, который уже неоднократно продлял Бахшеяну срок содержания под стражей. Чтобы признать его невиновным, придется признать неверной работу и прокуратуры, и задержавших генерала сотрудников ФСБ, и свою. Те же, кто допустил налаживание потока контрабанды, спокойно гуляют на свободе.

Когда Людмила Бахшеян обращается в инстанции, ей, в полном соответствии с законами нашего времени, намекают, что надо дать взятку. Это в лучшем случае. А в худшем, угрожают и саму посадить, и мужа «заставить признаться в серии заказных убийств...» Или просто говорят: у таможенного генерала рыльце наизменено в пушку... Но даже приморские следователи при всем своем рвении не смогли накопить ни взятку, ни следов какой-либо материальной заинтересованности опального генерала.

Генерал борется как может. В камере с осыпающимися от грибка стенами, рассчитанной на двоих, он, заперт с тремя другими подследственными. Каждый день сам делает уборку. Чтобы не закинуть, не сломаться, не совершить самоубийство. Заставил конвоиров обращаться к себе, не разжалованному и не уволенному, на «вы». Следователи поторопились передать в Москву, что Бахшеян дает признательные показания. Он обвиняет их во лжи и подписывает открытое письмо: «Честь имею!»

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

Псориаз. Лечение, не имеющее аналогов в России и за рубежом!

Доктор Светлана ОГНЕВА: «Приходите! Я помогу вам обрести здоровую кожу!»

Автор методики – врач дерматолог-фитотерапевт Светлана Михайловна ОГНЕВА страдала этой болезнью более 40 лет. Методом проб и ошибок Светлана Михайловна нашла уникальный метод избавления от недуга. Доктор Огнева использует капли на основе 60 видов трав, настои, мазь, травяные ванны, особую диету. По методике Огневы внешние проявления псориаза (чешуйки, покраснения и коросты) исчезают через 3–4 недели. Еще несколько месяцев требуется на то, чтобы устранить внутренние причины. Мы попросили Светлану Михайловну ответить на некоторые вопросы:

- **Есть ли противопоказания у вашего метода?**
- Противопоказаний нет, если нет аллергии на травы!
- **В 28 лет у вас, доктор, была инвалидность по псориазу. А сейчас вы здоровы?**
- Да, сегодня я здорова, но это большой ежедневный труд. Мне сейчас 60 лет. И я не инвалид! Разве это не чудо?
- **Ваша методика рассчитана на любой вид псориаза?**
- Моя методика рассчитана на любой вид псориаза и на лечение псориатического артрита. Я помогла многим моим пациентам, в том числе и очень тяжелым. Мои пациенты стали двигаться! Точно знаю, что если пациент соблюдает здоровый образ жизни, то ремиссия будет длительной! Моей методике более 17 лет. И эта методика – альтернатива гормональному лечению. Мое лечение абсолютно лишено побочных эффектов!

Приходите, я вам помогу! Уверена, вы почувствуете, какое счастье – иметь здоровую кожу!

до лечения

после лечения

Тел. (495) 493-70-94, 795-49-18 с 10 до 18; Сайт в интернете www.psovias.ogneva.ru

Владимир АБАРИНОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Америка отстала в вопросе избирательного права женщин. Хотя и не намного. Возможно, современная деловая и политически активная дама будет удивлена, если узнает, что женщины впервые получили возможность голосовать лишь в 1893 году в Новой Зеландии. Первой европейской страной, предоставившей своим гражданам обоюбого пола право избирать и быть избранным, стала в 1906 году Финляндия (точнее – Великое герцогство Финляндское в составе Российской империи) – и сразу же 19 финок были избраны в парламент.

Дама с магнетизмом

В США женщины получили право голоса на федеральных выборах в 1920 году. Этому предшествовали бурные события. В январе 1917 года активистки суфражистского движения организовали первый в истории Америки пикет перед Белым домом и были арестованы за «препятствование уличному движению». В тюрьме они объявили голодовку и были подвергнуты принудительному питанию. К голодовке присоединились другие узницы, происходящее получило широкую огласку. Репрессия была явно неадекватна «преступлению». В конце концов президент Вудро Вильсон заявил, что признание за женщинами права голоса – неотложная «военная мера». И Конгресс принял 19-ю поправку к конституции.

Но избираться американки начали гораздо раньше, чем избирать. В 1872 году женщина впервые выставила свою кандидатуру на пост президента США. Этой дерзкой эмансипе стала Виктория Клэфлин Вудхалл – дама незаурядная во всех отношениях.

Она сделала состояние на лечении магнетизмом, издавала еженедельный политический журнал, открыла на Уолл-стрит брокерскую контору, впервые опубликовала на английском языке «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и проповедовала свободную любовь. Виктория Вудхалл избиралась от маргинальной Партии равноправия. Основания, по которым ей было отказано в регистрации, оспариваются многими правоведами. Запрета женщине избираться в конституции нет. Там записано, что кандидат в президенты должен быть гражданином США, а право голосовать – неотъемлемая часть гражданства. Кроме того, конституция говорит о президенте исключительно в мужском роде – «он».

Викторию Вудхалл не просто не допустили к выборам. За двое суток до дня голосования она была арестована за публикацию статей аморального, по мнению властей, содержания.

Неудачный опыт Виктории Вудхалл даром не пропал. В 1887 году мэром города Аргония в Канзасе была избрана 27-летняя Сюзанна Солтер, а в 1916-м жители Монтаны избрали в Палату представителей Конгресса США республиканку Джанетт Рэнкин. Первой женщиной, которая на президентских выборах претендовала на номинацию от одной из двух главных политических партий, стала в 1964 году сенатор Маргарет Чейз Смит. Она участвовала в первичных выборах Республиканской партии, по итогам которых выдвигается официальный партийный кандидат, выиграла в трех штатах, но оказалась аутсайдером во всех остальных.

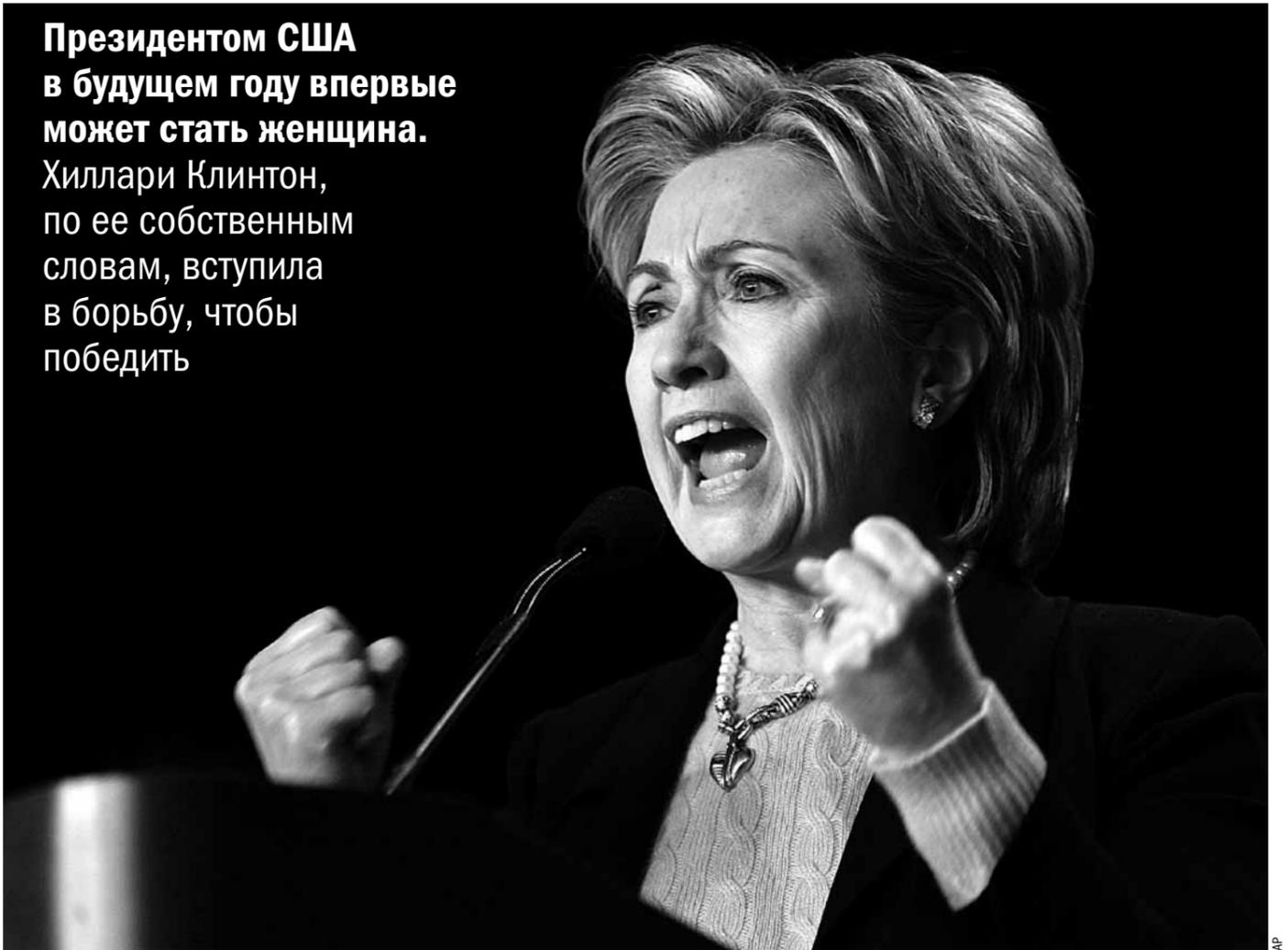
Первая женщина-кандидат, чье имя появилось в избирательном бюллетене президентских выборов – афроамериканка Шарлин Митчелл, избравшаяся в 1968 году от Коммунистической партии США.

В 1984 году женщина впервые стала официальным кандидатом на пост вице-президента от одной из двух главных политических партий. Это была член Палаты представителей Джеральдин Ферраро. Она избиралась от Демократической партии вместе с Уолтером Мондейлом. Демократы проиграли тогда выборы паре Рональд Рейган–Джордж Буш-старший.

Последняя в списке женщин-кандида-

Президентом США в будущем году впервые может стать женщина.

Хиллари Клинтон,
по ее собственным
словам, вступила
в борьбу, чтобы
победить

Нехиллая претендентка

тов – Элизабет Доул, дважды занимавшая министерские посты, впоследствии сенатор; она боролась за номинацию от Республиканской партии на выборах 2000 года, но сошла с дистанции в самом начале, потому что не сумела собрать необходимых средств, а с пустым кошельком за президентский пост не поборешься.

Хиллари Клинтон – первый реальный кандидат-женщина. Кандидат, у которого не просто есть шансы, но шансы эти очень высоки. В ее президентских амбициях сомнений не было – это слишком яркая фигура на тусклом фоне политиков-мужчин. Многие ожидали, что она будет избираться в 2004 году. Но она уступила дорогу Джону Керри. Не потому, что верила в его победу – скорее наоборот. Расчет состоял в том, что Буш, всего вероятнее, будет переизбран на второй срок, и тогда в 2008 году пост президента станет вакантным. Так и вышло. Хиллари поджидает возраст: в этом году ей стукнет 60. Если сейчас президентом станет ее однопартиец, выборы 2012 года придется пропустить, а в 2016-м ей будет уже 69. Поздновато. В таком возрасте на пост главы государства был избран пока лишь один Рональд Рейган – самый пожилой президент США.

Поэтому для Хиллари вопрос стоит ребром: или сейчас – или никогда. Потому она и говорит: «Я участвую, чтобы победить». Эта фраза стала рефреном ее кампании.

Носорожья шкура

Если количество анекдотов – показатель популярности, то Хиллари вне конкуренции. По числу анекдотов о себе она далеко

опережает всех покойных и ныне здравствующих президентов США вместе взятых, а главное – давно и прочно обосновалась в этой компании. Вот типичный образец:

– Зачем Хиллари избирается в президенты?

– Должна же она в конце концов увидеть, как выглядит президентская спальня!

Есть и позабористее. Рейган, Никсон и Хиллари на борту тонущего «Титаника». Команда спускает на воду шлюпку.

РЕЙГАН (галантно). Женщины и дети вперед!

НИКСОН (мрачно). Fuck the women!

ХИЛЛАРИ (воровато озираясь). А успеет?

Тут вся соль отношения американцев к бывшей первой леди. Казалось, нагрешил ее муж, а сладострастность приписывают ей. Где логика? Да в зависти. Мало кто способен в ответ на такой удар судьбы не изображать обманутую добродетель, а встать и сказать: не ваше дело, сами разберемся, без общественности. Может, и расколола об его башку пару тарелок северского фарфора. Лишь бы не казенные. В одном из своих самых откровенных интервью Хиллари Клинтон сравнила себя с Элеонор Рузвельт – та тоже потерпела от супружеской неверности мужа; и процитировала ее сентенцию о том, что женщине-политику нужна носорожья шкура.

Конечно, можно обвинить ее в том, что она не хлопнула дверью Белого дома (выгнать из дома мужика в данном случае не представляется возможным – квартира-

то казенная, квартиросъемщик он). Но что-то не наблюдается в истории США ничего подобного, хотя «ходоков» среди президентов хватало. Все ее предшественницы в этом невеселом положении помалкивали – она одна открыто встала на защиту мужа, сумев сохранить и достоинство, и достояние. И тем, возможно, спасла его от импичмента.

Опять-таки нам возражают, что любовью там и не пахло, брак держался на чистом расчете. Может, и так. По этому поводу – другая история. Будто бы едут Билл и Хиллари в машине, заруливают на бензоколонку, Хиллари кивает на заправщика и говорит: «Я когда-то бегала к нему на свидания». Билл смеется: «Вот вышла бы за него – торговала бы сейчас бензином». А Хиллари в ответ: «Если бы я вышла за него, президентом был бы он».

Она действительно вложила в него свой ум, хитрость, темперамент. Сделала ставку и сорвала банк. Пришло время Биллу сделать то же самое для нее. И он уже делает.

Вступление Хиллари в президентскую гонку – будто вброс адреналина в кровеносную систему американской политики. В игре сразу появился азарт. Ее обожают и ненавидят, но равнодушных нет. Она – неповторимая смесь шарма, цинизма, стальной воли, целеустремленности, трезвого расчета, гипнотически заволаживающих интонаций и повадки, сочетающей достоинство с вульгарностью. Все это и называется харизмой. Ее чутье феноменально. Демократы в Конгрессе два года пытались прогнать Рамсфелда. Но Хиллари сделала это последней, причем

В юности Хиллари (слева) имела множество отличий за успехи в учебе и общественной деятельности. Весной 1971 года, во время учебы в Школе права Йельского университета, она познакомилась с Биллом Клинтон. Они поженились, и в 1980 году у них родилась дочь Челси (слева)

предложила ему уйти в отставку лично, в прямом эфире, на глазах у миллионов. И он ушел, сделав пиар самому опасному конкуренту республиканцев.

Двое по цене одного

В онлайн-магазине Amazon.com продается сегодня четыре книги самой Хиллари Клинтон и 27 опусов о ней. Среди них попадаются сочинения с выразительными названиями: «Что каждый американец должен знать о Хиллари Клинтон», «Американская Эвита: путь к власти», «Хиллари Клинтон голышом» (в смысле – без прикрас), и наконец, «Почему ей место в тюрьме». Без сомнения, в ближайшем будущем выйдут в свет новые разоблачительные повествования. Обобщим биографические данные, известные на сегодняшний день.

Хиллари Дайан Родэм родилась в октябре 1947 года в Чикаго. Ее отец был сыном иммигрантов из Уэльса и начал трудовую деятельность шахтером в Пенсильвании. Он поступил в университет по стипендии, которая предоставляется одаренным спортсменам (отец Хиллари играл в американский футбол), а затем сделал успешную карьеру в текстильном бизнесе. Он всю жизнь оставался твердым

республиканцем и после замужества дочери не оставлял надежду, что его зять сменил партийную принадлежность. Мать Хиллари была домохозяйкой и воспитала троих детей – у бывшей первой леди двое младших братьев.

В детстве Хиллари была активистом местной церковной общины, занималась спортом, состояла в отряде герл-скаутов. Она была президентом класса (по-нашему – старостой) и членом школьного совета и имела множество отличий за свои успехи в учебе и общественной деятельности. В 1964 году 16 лет от роду она участвовала в президентской кампании кандидата республиканцев Барри Голдуотера, который проиграл тогда Линдону Джонсону. Смена политических ориентиров произошла в колледже, где она поначалу была лидером молодых республиканцев, однако под влиянием либеральной профессуры и под впечатлением от убийства вождя движения за гражданские права афроамериканцев пастора Мартина Лютера Кинга, с которым она встречалась лично, Хиллари вступила в Демократическую партию.

Весной 1971 года, во время учебы в Школе права Йельского университета, она познакомилась с Биллом, который тоже там учился. Каждые каникулы она еха-

ла в Вашингтон на неоплачиваемую стажировку в Конгрессе – тысячи американских юношей и девушек именно так начинают свою политическую карьеру. Хиллари, в частности, работала в юридическом комитете нижней палаты, который как раз тогда расследовал обвинения против президента Никсона в рамках процедуры импичмента – эта история завершилась досрочной отставкой Никсона.

В октябре 1975 года Билл и Хиллари поженились и переехали в столицу штата Арканзас Литтл-Рок, где она поступила на работу в адвокатскую контору, а он, проиграв в 1974 году свою первую кампанию – выборы в Палату представителей, спустя два года был избран генеральным прокурором штата. В 1978 году в возрасте 32 лет он стал самым молодым в истории страны губернатором. Хиллари Клинтон стала первой леди Арканзаса или, как прозвали ее недоброжелатели, «леди Макбет литтл-рокского уезда».

В 1980 году у Клинтонов родилась дочь Челси, но губернаторские выборы папаша проиграл, из казенного особняка пришлось съезжать. Однако через два года Клинтон вернул себе пост и оставался на нем 10 лет. Хиллари занималась реформой образования и здравоохранения. В 1983-м году ее назвали арканзасской женщиной го-

да, в 1984-м – арканзасской матерью года. Можно было дотянуть и до бабушки года, но амбиции Клинтонов простирались гораздо дальше границ штата. В январе 1993 года Билл Клинтон стал 42-м президентом США. Первая леди Хиллари блистала теперь в столице.

О ее непомерных претензиях в Вашингтоне ходили легенды. Будто бы она потребовала себе служебные помещения, традиционно предоставляемые вице-президенту и его аппарату; являлась на заседания кабинета, хотя никакой официальной должности не занимала. Она, кроме того, постоянно экспериментировала со своей внешностью, и публика никак не могла привыкнуть к ее прическам. Наконец она нашла себе дело по плечу – проект реформы здравоохранения. Однако проект этот постигла печальная судьба: он не прошел даже профильный комитет, несмотря на то, что демократы составляли тогда большинство в обеих палатах Конгресса. Провал проекта при умелом пиаре оппонентов стал одним из ключевых факторов, позволивших республиканцам вернуть себе контроль над Конгрессом на промежуточных выборах 1994 года.

Чрезмерная, по мнению многих, политическая активность Хиллари создала ей репутацию выскочки, которую никто не

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

Формула мужской силы

Редкий мужчина, даже самый здоровый и крепкий, не задумывается о сохранении и усилении своих сексуальных возможностей. Не секрет, что практически все довеласы, донжуаны и казановы, не говоря уже об актерах этого специфического жанра, регулярно пользуются различными средствами для усиления потенции, а порой и просто подстраховки – срывы ведь могут быть у любого.

Как увеличить мужскую силу, снизить риск возможной неудачи, запастись уверенностью в собственных возможностях –

вот основные вопросы, волнующие представителей сильного пола. Это особенно актуально в отношении мужчин среднего и старшего возраста – сохранить потенцию в этом возрасте уже не так просто. Известно, что проблемы в сексуальной жизни испытывают около половины мужчин, перешагнувших 40-летний рубеж. А для тех, кого эти проблемы пока не тревожат, профилактика никогда не будет лишней.

При правильном подходе к делу полноценную половую жизнь можно сохранить до самой старости! В современном мире очевидно существенное

увеличение сексуально активного возраста, и это, в первую очередь, результат достижений в биомедицине и фармакологии. Кстати, научные исследования свидетельствуют о том, что секс не только приятен, но и полезен для здоровья: он укрепляет иммунную систему, уменьшает вероятность сердечных заболеваний и даже защищает от некоторых видов рака, не говоря уже о положительном психологическом эффекте.

Сегодня предлагается множество средств для решения и профилактики мужских проблем. Одним из самых действенных из

них считается южноафриканский Вука Вука. Этот препарат состоит из уникальных растений, произрастающих только в единственном месте на планете – в Республике Зимбабве. Главное достоинство Вука Вука в комплексном воздействии: корни кариссы тонизируют организм и повышают потенцию, секуринег вироза стимулирует центральную нервную систему при психогенных сексуальных расстройствах, триумфетта вельвича и геерия сетчатая улучшают кровообращение в малом тазе и увеличивают приток крови к половым органам.

Все это в совокупности активизирует половую деятельность, помогая стабилизировать и усилить потенцию. Две таблетки в день в течение недолгого курса – и вы чувствуете разницу!

Вука Вука поможет быстро и эффективно достичь тех положительных изменений в сексуальной жизни мужчины, которые он ждет. Неповторимое сочетание целебных сил природы, тайн древней медицины и новейших научных достижений делают Вука Вука настоящей формулой мужской силы и уверенности.

Алексей Лучин

Спрашивайте в аптеках!
www.vukavuka.ru

СІР №. 77.99.23.3.У.2792.3.05

Хиллари Клинтон пока проигрывает **Рудольфу Джулиани** (на фото справа), но всего два процентных пункта. Среди кандидатов Демократической партии сенатор **Барак Обама** (вверху) уступает ей 19 пунктов. Есть мнение, что для победы Хиллари должна объединить свои силы с Барак Обама

избирал, а она теперь встречается в дела государственной важности. Билл относился к этим разговорам добродушно. Во время своей первой президентской кампании он говорил избирателям, что они, как пишут в магазинных объявлениях о скидке, покупают двоих по цене одного.

Через тернии к звездам

Уже первый срок президентства Клинтон ознаменовался целым рядом неприятных подозрений и расследований. Первая леди получила повестку федерального большого жюри (эта инстанция решает в США вопрос о возбуждении уголовного дела) по делу о так называемой «афере Уайтуотер», речь в котором шла о противозаконной деятельности арканзасского агентства по торговле недвижимостью. Владельцы агентства, супруги Макдугалы, были друзьями Клинтон, которые в свою очередь инвестировали свои средства в компанию. От Хиллари требовались кое-какие бумаги, исчезнувшие из офиса агентства. Первая леди нашла их в своих помещениях в Белом доме аж через два года после получения повестки и стала первой в истории США супругой главы государства, допрошенной большим жюри. Уголовные обвинения ей не предъявлялись. Однако дело тянулось ни шатко ни валко, и в конце концов его принял к производству независимый прокурор Кеннет Старр. Он предлагал супругам Макдугал скостить срок в обмен на показания, но они отказались от сделки. Джим Макдугал получил срок и умер за решеткой от сердечного приступа. Его жена Сьюзан отсидела полтора года за «неуважение к суду», то есть за отказ от дачи показаний.

В июне 1993 года стряслась новая беда: по неизвестной причине покончил самоубийством юрист-консульт Белого дома Винсент Фостер. Его труп был найден на скамейке парка с пистолетом в руке. Смерть наступила от единственного выстрела в рот. Фостер страдал приступами депрессии. В его портфеле обнаружилась разорванная на мелкие клочки предсмертная записка, точнее – черновик прошения об отставке, в котором он пишет о невозможности выносить далее недоброжелательное внимание прессы, обратившей его жизнь в руины. Следствие убедилось, что оснований для подозрений в убийстве нет. Однако выяснилось, что в ночь после смерти Фостера первая леди якобы позаботилась о том, чтобы изъять из его служебного кабинета документы, связанные с делом Уайтуотер и другими. Фостер был близким другом Клинтон; поговаривают, что в наиболее близких отношениях он состоял именно с Хиллари.

Дело Уайтуотер стараниями Кеннета Старра в конце концов трансформировалось в «Моникагейт». Конечно, президенту следовало признаться сразу же. Но он

лгал даже своим адвокатам. Хиллари встретила этот удар судьбы со всей возможной стойкостью и хладнокровием. «Она была в ярости, – говорит одна из дам, вхожих в дом. – Первое время она не знала, погубить его или спасти». Решила все же спасти. Билл покаялся перед народом. Вопрос об импичменте был снят. Хиллари решила избираться в Сенат.

У демократов в 2000 году освобождалось место от штата Нью-Йорк – занимавший его 24 года подряд ветеран партии Патрик Мойнихэн заявил о своем желании уйти на покой. Хиллари Клинтон никогда не жила в Нью-Йорке. Тем не менее партийные боссы убедили ее вступить в гонку против бывшего мэра Нью-Йорка Руди Джулиани. Кандидатура Хиллари была несколько парадоксальным вызовом популисту-мэру. Как любят говорить российские политики, асимметричным ответом. Шансы Джулиани выглядели предпочтительнее, но в середине кампании он сошел с дистанции – у него диагностировали рак простаты. В итоге место в Сенате стало для Хиллари легкой добычей.

И где же подвох?

И вот теперь, похоже, ей предстоит новый поединок с Руди Джулиани.

Отличительная черта нынешнего избирательного цикла состоит в том, что пост президента станет в 2008 году вакантным – завершится второй и последний срок Джорджа Буша. Вице-президент избираться не намерен. Такая ситуация, а она последний раз имела место в 1968 году, всегда характеризуется упорным соперничеством в обоих политических станах за право стать официальным партийным кандидатом.

Многочисленностью кандидатов объясняется необычно ранний старт президентской гонки – она началась за год до первичных выборов, причем если обычно, как и полагается в марафоне, фавориты на первых кругах выжидают, пропуская вперед неопытных новичков, то на сей раз в борьбу вступили почти все одновременно. Дело в том, что пока кандидат не зарегистрировался, он не может начать

сбор средств в свою избирательную кассу, а средства потребуются огромные. Именно Хиллари Клинтон задрала планку на небывалую высоту: у нее уже сегодня денег больше, чем у любого из соперников – 14 миллионов, оставшихся от кампании по переизбранию в Сенат. Мало того: она отказалась от федерального финансирования своей кампании, а это 85 миллионов долларов. Отказ позволит ей не отчитываться в расходах перед Федеральной избирательной комиссией, а сумму, которая она могла бы получить от государства, Хиллари рассчитывает компенсировать частными взносами. Ее главным конкурентам пришлось последовать ее примеру. Задача сразу же резко осложнилась: по оценкам экспертов, нынешняя кампания обойдется каждому из финалистов гонки не менее чем в полмиллиарда.

По последним опросам, Хиллари Клинтон проигрывает Руди Джулиани два процентных пункта – 48 против 50, но опережает другого возможного конкурента, сенатора Джона Маккейна, на три – 50 к 47. При погрешности в 4 процента шансы следует признать равными. Среди кандидатов Демократической партии Хиллари лидирует с большим отрывом: ближайший соперник, сенатор Барак Обама, уступает ей 19 пунктов. Почти на столько же у республиканцев Джулиани опережает Маккейна.

Но вся борьба еще впереди. Случиться может многое. Каждого из кандидатов ожидают впереди коварные подводные течения, мели и рифы. Вылезут скелеты и из шкафа Хиллари. В истории президентских выборов не раз случалось, что сто процентный фаворит сходил с дистанции, его карьера оказывалась бесповоротно испорчена. В том, что политтехнологи республиканцев роют сейчас носом землю в поисках убойного компромата на Хиллари, сомневаться не приходится.

Да она и без компромата неприемлема не только для консервативных избирателей, которые считают ее опасной либералкой, но и для некоторых боссов Демократической партии. Например, авторитетнейший сенатор Эдвард Кеннеди публично отказался поддержать ее кандида-

туру. Наконец, злую шутку с кандидатом может сыграть и его пол. Американское общество остается сексистским в большей мере, чем готово это признать. Это правда, что для большинства избирателей пол президента не имеет значения. Но 14 процентов американцев, как показывают опросы, ни при каких обстоятельствах не проголосуют за женщину. Если посмотреть на преимущество, каким выигрывались президентские выборы в недавнем прошлом, становится ясно, что эти 14 процентов, как гиря, утянут на дно кандидата-женщину. Она просто не в силах победить ни при каком раскладе.

Однако есть сценарий, при котором победа возможна. Бывший советник Билла Клинона и, возможно, лучший политтехнолог страны Дик Моррис считает, что Хиллари должна объединить силы с восходящей звездой демократов Барак Обама:

«Обама – это политический младенец. Он восемь лет был членом Сената штата Иллинойс, избрался от округа, где подавляющее большинство избирателей демократы, причем оба его соперника сошли с дистанции из-за сексуальных скандалов; против него никогда не велась негативная кампания, в Сенате США он работает без году неделя, он очень молод. Полагаю, у него многообещающее будущее. Через 6–8 лет он может стать хорошим кандидатом, но не сейчас. Что касается Хиллари, то у нее нет серьезных достижений в Сенате, все ее победы носят чисто символический характер. Главная угроза для республиканцев, которая исходит и от Хиллари, и от Барака Обамы, а для демократов главная выгода, состоит в том, что они способны увеличить число голосующих. В стране 80 миллионов избирателей, которые не участвовали в выборах 2004 года, когда явка была рекордной за много лет. Эти избиратели в подавляющем большинстве – черные, латиноамериканцы и одинокие женщины. И Хиллари, и Обама могут расшевелить этот электорат. Мое личное мнение – демократы могут выставить Хиллари и Обаму в паре, и, думаю, что в таком составе они, возможно, выиграют за счет расширения электората».

Но может получиться и так, что Обама и Хиллари отберут голоса друг у друга. В истории президентских кампаний не раз случалось такое: соперничество фаворитов оказывалось столь острым, что ни один не желал уступить. И тогда партийная номинация доставалась компромиссной фигуре – тому, кто в американском политическом лексиконе называется «темная лошадка». Не исключено, что так выйдет и на этот раз. Лучше расскажем напоследок еще один анекдот про Хиллари – как она подписывала договор с дьяволом.

Явился к ней дьявол и говорит: «Предлагаю сделку: ты получишь несокрушимое здоровье, неограниченную власть и прессу, которая будет воспевать каждый твой шаг. Взамен я прошу всего лишь твою душу, души всех членов твоей семьи и всех твоих избирателей». Хиллари тщательно обдумывает предложение. «Несокрушимое здоровье и власть?» «Именно!» «И лояльную прессу?» «Абсолютно лизоблюдскую!» «И все, что требуется от меня, это души – моя, моей семьи и моих избирателей?» «Да!» Еще секунда раздумья – и недоуменный вопрос: «Ну и... где тут подвох?» □

Вашингтон

Плач по тирану

Николай ЯМСКОЙ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В студёные дни марта 1953-го люди тысячами рвались проститься с Вождем. По пути к Дому союзов и в очереди в Колонный зал многие были затоптаны в давке, изувечены о борта грузовиков оцепления. Уже бездыханными их извлекали из толпы и на машинах «скорой помощи» отправляли в морги. Тогда погибли от двух до трех тысяч человек, точные цифры остаются загадкой до сих пор.

«Как же так, — обращался в письме к городским властям один из уцелевших москвичей. — Ведь это вредительство. Иначе как объяснить, что доступ в Колонный зал для прощания с Вождем был объявлен с 4 часов дня, а о маршруте сказали только в 21 час, когда по центру города уже крутилась многокилометровая очередь. На протяжении 5 часов никто из милиции не мог объяснить, как идет очередь, где ее конец...»

Среди хранящейся в архивах корреспонденции той поры этот возмущенный упрек в адрес высокопоставленных «вредителей» был редким, почти единственным исключением. На самом деле после смерти Вождя Кремль был засыпан горами писем совсем иного содержания. Любопытно читать сегодня в архивах эти письма. О Вожде скорбели даже те, кто никогда его не слышал и вряд ли когда-либо видел: «9 марта 1953 г. Товарищу Сталину, Коммунистической партии и Советскому правительству глухонемые трудящиеся обязаны своей счастливой жизнью и полноценным участием в строительстве коммунизма в нашей стране».

Лечь за родного Сталина

Шестилетняя Рината Супаева с детской непосредственностью написала просто и почти по-чеховски: «До свидания, дорогой и любимый дедушка И.В. Сталин. Я никогда не забуду вас». Школьник Коля Рустамов более основателен. Он уже знает, что слова надо подкреплять делами. И в послании на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Шверника сообщает: «Я очень огорчен известием о смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. Я даю честное слово, что с этого дня у меня не будет ни одной четверки».

Если стремление без пяти минут отличника Коли способно лишь умиливать, то от рвения сотрудников Минусинского горотдела МГБ мороз идет по коже. Утешая ЦК, Совмин, Президиум Верховного Совета, а заодно и весь советский народ, они сообщают: «Мы берем на себя следующие повышенные обязательства: всемерно повышать в наших рядах чекистскую бдительность к проискам врагов нашего Советского государства».

«Происки» обнаружались немедленно. В фондах того же Главного архива РФ, где находится большинство цитируемых здесь писем, сохранился документ о том, как молниеносно был взят «за антисоветскую агитацию» гражданин Котляревский А. Н. Выступая на траурном митинге 6 марта 1953 года, он так разволновался, что вместо фразы «мы потеряли дорогого и любимого Вождя» сказал: «Мы потеряли дорогого и любимого врага».

Котляревскому еще повезло. Им занялись органы хоть и беспощадные, но все же ограниченные формальными процедурами. А вот гражданка А. Кичкина, решившая после траурного митинга купить вне очереди газету «с портретом т. Сталина, лежащего в гробу» (так в документе), пострадала гораздо серьезней. Отвергнутая очередью, она «толкнула девочку и сказала: «Чтобы и ты сдохла так, как он!» Да еще и имя уточнила. «После этого, — написано в протоколе, — женщины обозлились и стали Кичкину бить...»

Судя по содержанию прокурорского заключения об отклонении жалобы потерпев-

Сразу после кончины Сталина Кремль был засыпан горами писем. О Вожде скорбели даже те, кто никогда его не слышал и вряд ли когда-либо видел

шей, которая 31 марта 1953 года была осуждена за антисоветскую агитацию, милиция тогда подоспела вовремя. Иначе худо пришлось бы этой женщине, явно больной психически. Потому что в те дни ради Сталина многим не то что чужой — своей собственной жизни было не жалко. О чем работница секретного завода Е. Чепракова в своем письме в ЦК КПСС так и заявила: «Я согласна лечь за родного Сталина, за деятеля всего мира, и таких, как я, пусть тысячу человек умерло, а родной Сталин пусть остался и пожил бы еще хотя 20 лет». «Присутствовали около него десять профессоров, которые не оказали никакой помощи, — с негодованием пишет гражданка Скороходова из подмосковного Серпухова. — Но надо было иметь на которых полную гарантию для лечения тов. Сталина, и вдруг все лопнуло... Нельзя пережить без слез такую тяжелую потерю. Где же ученые, где же наука?»

Действительно, где? Народ только что напугали «делом кремлевских врачей». А тут кончина «Самого!» Да еще на глазах лучших медиков. Уже знающий ответ, но мужественно не подписавшийся гражданин режет в своем послании «правду-матку» председателю похоронной комиссии Хрущеву: «Народ считает, что это — дело рук подлых убийц, так искусно совершивших свое злодеяние, что даже медицинские эксперты не смогли ничего открыть». Из дальнейшего текста следу-

ет, что автору эти убийцы известны. Это евреи. Ну куда без них? Автор и к доказательствам подводит. «Вам не составит труда, — обращается анонимный «правдоруб» к Хрущеву, — получить такие статистические данные: сколько евреев было в санаториях и домах отдыха в 1951 и 1952 гг. и какой это % составляет ко всей нации по сравнению с другими».

«Хрустальный мавзолей» от Королева

Но у многих все же взял верх не разрушительный пафос, а созидательное начало. Люди дела предпочли приглушить свою скорбь хлопотами по увековечиванию памяти Сталина. Так, группа строителей-лауреатов его имени предложила ЦК и лично товарищу Маленкову «построить в городе Москва ряд сооружений, объединенных в новый район «Памяти товарища Сталина». Не знаю, что помешало осчастливить столицу районом с мемориальными музеями, «Сталинской Академией Общественных Наук», залами конференций народов мира и даже Спортивным центром на 300–400 человек. Но явно не деньги. Потому что основной взнос на постройку (20–25 миллиардов рублей) легко вытягивался из кармана трудящихся. Да те и сами, не дожидаясь начальственного клича, скидывались вовсю.

В результате Управление делами ЦК КПСС могло доложить в Кремль: «В 132 почтовое отделение, находящееся при Управлении делами, начали поступать от коллективов рабочих и служащих, колхозников, учащихся и отдельных лиц телеграфные переводы денежных средств на венки Иосифу Виссарионовичу Сталину. На 10 марта 1953 г. поступило 979 денежных переводов на сумму 1.339 тысяч рублей».

Судя по темпам, с которыми отдельные труженики и целые коллективы расставались со своими кровными, этих средств с лихвой хватило бы и на Пантеон, и на погребальные переименования. Ведь саму столицу предлагалось переименовать в город Сталин и создать в ней магистраль Сокольники–МГУ, назвав «Проспект имени И. В. Сталина». Инстанцию буквально раздирали со всех сторон предложениями переименовать СССР в Союз Советских Сталинских Республик, Грузинскую ССР сделать Сталинской Советской Социалистической Республикой...

Непреодолимое желание сохранить на века дорогой облик Вождя поразило даже незаурядных, с мощным интеллектом людей. 6 марта 1953 года в Правительственную комиссию по организации похорон поступило по-инженерному продуманное предложение о «создании мавзолея товарищу Сталину из незамерзающего стекла». Автор проекта сообщал, что у него имеется акт на испытание способа изготовления стекла, способного выдерживать температуру до 100 градусов ниже нуля. Количество материала, необходимое для строительства мавзолея, можно изготовить в короткие сроки в виде стеклоблоков и стеклопакетов. Остальные технические подробности автор был готов доложить комиссии лично. В конце документа стояла подпись: «Дважды лауреат Сталинской премии, конструктор-изобретатель С. Королев».

Характерно, что выдающийся ученый и конструктор, под руководством которого потом создавались лучшие баллистические ракеты и космические корабли, был совершенно искренен в стремлении создать «хрустальную усыпальницу» для Вождя. Ярослав Голованов в своей фундаментальной книге о Королеве приводит фрагменты личных записок главного конструктора. В одной из них, датированной как раз 6 марта 1953 года, Королев для себя пишет: «Самый простой, самый маленький человек мог к нему обратиться и всегда получал просимую помощь. Его великим вниманием была согрета любая область нашей жизни и работы... Сталин — это свет нашей жизни, и вот его теперь нет с нами...» К моменту написания этих строк за спиной дважды сталинского лауреата были зубодробительные допросы на Лубянке, изнурительная отсидка в Бутырьках, стремительное угасание на прииске Мальдяк и спасительная работа в одной из научно-производственных «шарашек» НКВД, где ковалась будущая советская ракетно-ядерная мощь. В бывшем кремлевском, а ныне Архиве Президента РФ сохранилось крайне тревожное письмо Королева, связанное с будущим ракетным оружием, которое он 13 июля 1940 года отправил Сталину из камеры в Бутырьках. Но не только не получил никакой помощи — не удостоился даже ответа. А тут — «внимание к самому маленькому человеку», «свет нашей жизни»...

Сегодня всю эту фантазмагорию легче всего объяснить шоковым состоянием граждан, поверженных в стресс и охваченных массовым психозом. Лишь ненароком в погребальной корреспонденции тех дней проблеснет нечто жизнеутверждающее. «Мы, — простодушно напишут работницы, инженерно-технические работники и служащие Саранского ликероводочного завода, — собравшись отметить Международный женский день 8-е марта, глубоко скорбим по случаю смерти любимого нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина».

Так что скорбеть-то скорбели. Но праздник весны для себя не отменили. Вот она — первая, еще едва заметная искра жизни. □

Легализация проституции в России может привести к парадоксальным результатам: этот «бизнес» станет еще более криминальным и кровавым

PHOTOPRESS

Есть ли свет в конце панели?

Денис ТЕРЕНТЬЕВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В шахтерском городке Сланцы (Ленинградская область), где предприятия остановились еще в середине девяностых, в течение нескольких лет на глазах у обнищавшего населения малолетние девочки предлагали мужчинам сексуальные услуги.

Уголовное дело по факту вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией появилось благодаря настойчивости директора местной школы-интерната. «По имеющейся у меня информации гражданка Лариса А. занимается сутенерством, вовлекая в занятие проституцией малолетних девочек, среди которых есть ученицы моей школы», — говорится в ее заявлении на имя прокурора города. К обращению прилагались объяснительные записки трех учениц, которые просили спасти их от преследований и побоев со стороны сутенерши и ее сына.

Самые бесправные

— Два года назад я пришла к Ларисе в гости, поскольку у нее жила одна моя подруга, — рассказала на следствии 15-летняя Ирина Р. — Из квартиры меня не отпускали, сын хозяйки Виталик избил меня за отказ предоставить приехавшему в квартиру мужчине сексуальные услуги. На следующий день сама Лариса отвела меня в свою комнату и заставила совершить половой акт с незнакомым мужчиной.

Лариса говорила своим подопечным, что для них не должно существовать слов «не хо-

чу», «не могу», «не умею». Она требовала, чтобы они называли ее «мамой», запрещала отлучаться от квартиры, отказывать клиентам и спать ночью. За непослушание сажала в подвал, била резиновым жгутом или железной палкой. Юным проституткам причиталось менее тысячи рублей в месяц, кормили их макаронами. «Мама» демонстрировала девочкам порнофильмы, обучала их сексуальным приемам. По договоренности с Ларисой два десятка таксистов бесплатно возили девочек «по адресам» и обратно, владелец местного ночного клуба бесплатно пускал их на дискотеку, где резвились потенциальные клиенты, даже порнофильмы ей предоставляли бесплатно.

Как следует из материалов дела, к привилегированной касте клиентов относились бандитская «крыша» и сотрудники милиции. Девочки опознали восьмерых сотрудников ОВД, которые приезжали за ними в рабочее время на служебных машинах и в форме. Никого из них к уголовной ответственности не привлекли, начальник местной милиции как победу справедливости представил тот факт, что шестеро «засветившихся» милиционеров уволились из органов по собственному желанию. На момент написания этих строк Лариса А. находилась в следственном изоляторе, судебного решения по делу пока не вынесено. Но важнее другое.

В течение нескольких лет услугами подневольных малолеток пользовалось чуть ли не все мужское население Сланцев — от директоров фирм до шахтеров. И этот факт не вызвал никакого общественного осуждения.

Неоспоримо, что проституция — самая опасная женская профессия в России. Тысячи девушек, занимающихся уличной проституцией, бесследно исчезают. В Казани возбуждено уголовное дело против милиционе-

ров, которые насмерть забили проститутку во время оргии в сауне. Гнев блюстителей порядка вызвали робкие просьбы девушки дать ей перерыв, так как в течение полутора часов ее насильовало ползвода патрульных. В Москве двое подростков 15 и 16 лет убили 28-летнюю проститутку, прыгая с кровати на ее тело. В Новосибирске 67-летний пенсионер убил десять проституток просто потому, что считал их занятие грязным. Хотя это не мешало дедушке предварительно пользоваться услугами своих жертв.

Игра без правил

Все известные в истории законы о противодействии проституции принимались с оглядкой на то, как скользкая тема отразится на реноме власти, и носили характер полумера. Ведь создание домов милосердия для проституток нельзя считать действенной мерой по искоренению древнейшего промысла, это лишь признак определенной цивилизованности общества. Проституции сопутствуют три главные проблемы: замешанный на насилии криминал, вовлечение несовершеннолетних и эпидемиологический риск.

По данным исследования петербургской общественной организации социальных проектов «Стеллит», 48 процентов петербургских проституток (большую часть респондентов составили уличные путаны) — носители ВИЧ-инфекции. Уличные проститутки проходят медосмотр в среднем раз в полгода или только в случае недомогания. По данным исследований в нескольких российских регионах, от 15 до 50 процентов женщин, потребляющих инъекционные наркотики, с той или иной степенью регулярности занимаются коммерческим сексом. Среднее ко-

личество клиентов, обслуживаемых за один «рабочий день», — 4 человека.

— Из форм ответственности проституток перед российским законом сохранился только небольшой административный штраф, который не может быть для женщины поводом для прекращения работы, — говорит генеральный директор юридической компании «Правовая защита» Вадим Федоров. — Зато милиции дан формальный предлог для задержания проституток. Это позволяет ей диктовать свои полукриминальные правила игры в секс-бизнесе.

По действующему законодательству, чтобы обвинить сутенера в вовлечении в проституцию несовершеннолетней, нужно доказать, что он знал о ее возрасте, что он договаривался с ней именно о работе по оказанию сексуальных услуг, что он участвовал в прибыли от этого бизнеса. Как признаются сами милиционеры, получить такие доказательства можно только с нарушением процессуальных норм: например, заставить написать чистосердечное признание при помощи пыток. Чаше бывает наоборот: милиционеры прикрывают сутенера, для которого не составляет труда завербовать девушек из малообеспеченных семей. В Питере известен случай, когда на одного сутенера работало пять 14-летних одноклассниц, живущих в одном подъезде.

— В Петербурге около тысячи малолетних проституток, — говорит заслуженный юрист Петербурга Андрей Воробьев. — Если девочки с питерской регистрацией хоть как-то попадают в поле зрения городских социальных служб, то иногородним не помогает практически никто. По оценкам сотрудников отдела по борьбе с преступлениями в сфере общественной нравственности (так называемой «поли-

Одна из проституток, задержанных в квартире-притоне на Новом Арбате, 23. Ей грозит только административный штраф и строгий милиционер

ции нравов»), примерно каждая пятая петербургская проститутка, пытавшаяся покинуть секс-бизнес, сталкивалась с принуждением, причем среди малолеток этот процент выше.

Бывают, правда, истории чудесного спасения. Года три назад работала на Искровском проспекте девушка Лена, которая зацепилась за финских телевизионщиков, снимавших фильм о питерских проститутках. Она и деньги с них получила, и попала под международную программу реабилитации. Сейчас живет в Хельсинки, вышла замуж. А Татьяна, работавшая в Озерках, нашла мужа в лице состоятельного молодого клиента, который долго помогал возлюбленной выбраться из ямы. Сейчас Танюша приезжает иногда в Озерки, подбадривает девчонок.

Число проституток в Питере растет. Если раньше уличных путан можно было увидеть на проспекте Просвещения и Искровском проспекте, то сегодня они стоят уже вдоль улиц престижных Василеостровского и Петроградского районов. В 2006 году в бюджете Петербурга впервые появилась статья расходов на работу с уличными проститутками. На выделенные городским правительством деньги планируется обучить пропагандистов, которые будут раздавать путанам бесплатные презервативы и пытаться проводить психологическую реабилитацию.

— Почти все уличные проститутки — наркозависимые, работа психолога помогает им как мертвому припарки, — говорит замдиректора петербургского Кризисного центра для женщин Елена Болюбах. — Чтобы реабилитировать, их нужно сначала вырвать из этой среды. Эффективное лечение наркомании возможно лишь при желании самой путаны «завязать». Плюс лечение в загородном центре продолжительностью не менее года. Еще у нее должен быть доступ к программам профессионального обучения и защита от сутенеров. Такая программа вполне по силам для города, но власти не хотят связываться.

— Если они и наркоманки, — считает пропагандист Екатерина, — это не значит, что они неспособны к осознанному поведению или не хотят иметь семью. Я знаю девушку, у кото-

рой двое детей. Она обеспечивает их всем необходимым, периодически бросает наркотики. Если бы кто-нибудь ей чуть-чуть помог, она бы выбралась из этой ямы. Есть проститутки, которые снимают жилье втроем-вчетвером, искренне друг о друге заботятся, делятся деньгами и никто у «своих» не ворует.

Кое-кто из путан замужем. У 25-летней Кати муж — бывший клиент, скромный программист с интеллигентным лицом. Он знает, что Катя работает на трассе. Когда есть деньги, покупает ей дозу, но денег, как правило, нет, и Артем наблюдает из окна, как жена уходит в ночь. В боевую одежду и макияж Катя примеряет в соседнем подъезде, чтобы не травмировать супруга. Она говорит, что и так не знает, как ему удается это выдержать.

Есть такая профессия!

По существу, весь многовековой законодательный опыт по проституции воплотился в три магистральных пути: запрет, декриминализация и легализация. Декриминалировать проституцию означает отменить законы, запрещающие продажу сексуальных услуг. Легализовать ее означает, помимо прочего, дать лицензии законно существующим публичным домам, зарегистрировать всех проституток и подготовить для них социальный пакет. Но выбор того или иного пути не гарантирует каких-либо конкретных изменений.

Еще в 2001 году статистика МВД отметила резкий скачок преступности в сфере сексуальных услуг. За занятие проституцией задержали, оштрафовали и отпустили около 30 тысяч барышень. 145 человек сели на скамью подсудимых за организацию и содержание притонов. Милиционеры рапортовали об обезвреживании 20 организованных групп, работавших в секс-бизнесе. Это капля в море. Тем не менее начальник ГУВД Московской области генерал-лейтенант милиции Николай Головкин публично высказался за легализацию проституции, поскольку «порок настолько разросся, что выкорчевать его просто невозможно».

По словам Головкина, уличная проституция — одна из самых криминогенных областей. В частности, никто не мешает клиенту увезти путану хоть на край света (на Западе девушки обслуживают клиента только на своей территории) и безнаказанно расправиться с ней, поскольку искать девушку без прописки, приехавшую из глубинки, никто не будет. По мнению генерала, необходим медицинский контроль за деятельностью российских проституток, среди которых очень высокий уровень венерических заболеваний.

Столь либеральное мнение — редкость для милиционера. Наоборот, непримиримая позиция милиции называлась среди главных причин, по которым законопроекты о легализации проституции проваливались в Госдуме. По признанию экс-министра внутренних дел, спикера Госдумы Бориса Грызлова, милиционеры полностью контролируют секс-бизнес по всей России. Вывод этой сферы в правовое поле означал бы потерю колоссальных доходов от «крышевания».

Пионером идеи легализации проституции в новейшей истории России выступил саратовский губернатор Дмитрий Аяцков, который в порядке эксперимента разрешил открыто регистрировать в области своднические конторы. Под губернаторским патронажем была создана инициативная группа, которая разработала проект федерального закона. Предлагалось лицензировать индивидуальную деятельность проституток, выдать им трудовые и медицинские книжки, обеспечить правовую защиту и социальный пакет. Но в Госдуме проект не прошел.

Аналогичным образом Госсовет Республики Коми не принял в 2001 году мэра Воркуты Игоря Шпектора, выступившего с инициативой официально разрешить открытие в популярном городе публичных домов. По мнению градоначальника, эта мера могла бы снизить уровень женской безработицы, степень распространения венерических заболеваний и повысить налоговые сборы. А летом 2006 года Шпектор предложил открыть бордели по всей России, чтобы «дурная энергия» не уходила на экстремистские проявления.

— Легализация проституции будет означать легализацию сутенеров, которые будут выступать как администрация домов терпимости, — считает заместитель начальника отдела по борьбе с правонарушениями и преступлениями в сфере общественной нравственности ГУВД Петербурга и Ленобласти Владимир Белянко. — Другая проблема: а захотят ли регистрироваться сами проститутки, если у них появится такая возможность? Многие проститутки подрабатывают и делают ее своей профессией не собираются. В случае легализации секс-услуг все проститутки станут мелкими предпринимателями, а эта категория бизнесменов редко честно платит налоги. Даже в Германии, где порядка намного больше, чем у нас, проституция по-прежнему полуполюгальна, а налоги платит только треть путан.

— Наши депутаты и чиновники не могут решить, что делать с проститутками, потому что не могут их дифференцировать, — говорит петербургский адвокат Алексей Филиппов. — Сегодня в деятельности путан-индивидуалок трудно найти даже формальные признаки так называемой сексуальной эксплуатации. Как правило, у них нет никаких помощников и они никому не платят, в том числе и налоговым органам. По сути, индивидуальные проститутки это сегмент рынка, несколько лет назад полностью созревший для официальной легализации. А уличная проституция, наоборот, требует активного противодействия.

Лишь 46,7 процента участников опроса в Петербурге заявили, что считают проституцию социальным злом. За необходимость контроля проституции высказались 95,5 процента респондентов. Социологические опросы, проведенные в регионах России, показывают, что почти 70 процентов российской молодежи (особенно в крупных городах) против запрета на занятие проституцией. Практически все они сторонники открытия в России публичных домов.

— Все известные мне исследования общественного мнения на тему проституции показывают либерализм россиян в этом вопросе, — говорит социолог Сергей Прозоров. — Во многих странах законы о противодействии проституции принимались по результатам референдума, что было удобно и для политиков — снимало с них возможные обвинения в поощрении порока. Наиболее умеренные российские эксперты видят выход в полной дек-

риминализации проституток-одиночек. Они считают, что по результатам этого эксперимента можно будет сделать вывод о целесообразности открытия легальных публичных домов. Сегодня ни в коем случае нельзя облагать проституцию налогами — если административный штраф отменят, силовики будут мотивировать «наезды» на проституток контролем за налоговыми сборами. Лицензии, если имеет смысл их вводить, должны быть краткосрочными и, по возможности, анонимными. Ведь большинство девушек занимается проституцией временно и стесняется даже покупать презервативы, не говоря уже о том, чтобы идти куда-то вставать на учет.

— Нужно наказывать не за проституцию, а за работу при наличии заболеваний, передающихся половым путем, — считает прокурор Адмиралтейского района Петербурга Александр Юрасов. — Такая статья в УК есть, но она не работает. Трудно доказать, что проститутка знала о наличии у нее болезни. Но если работниц секс-бизнеса зарегистрировать, завести на них медицинские книжки и обязать, например, раз в неделю посещать врача, то можно будет говорить об эффективном контроле.

Добыча коррупционера

Во Франции, кстати, древнейшая профессия не запрещена. При этом в стране, по данным полиции, 14 тысяч проституток — втрое меньше, чем в Москве. Три четверти французов выступают за то, чтобы легальность проституции сохранялась и дальше. С 1939 года запрещены бордели, сутенерство, сводничество и публичное предложение услуг, а занятие проституцией на индивидуальной основе разрешено. Государство, практикующее налогообложение проституции, тем самым как бы выступает в роли сутенера. Именно этот этический момент отпугивает многие правительства от легализации. Хотя в Германии, например, проституция — налогооблагаемая предпринимательская деятельность.

— В Германии к моменту легализации проституции подготовили соответствующую социальную базу, — рассказывает психолог, писатель и телеведущая Мария Арбатова. — Существуют центры, в которых человек, решивший ступить на этот путь, получает подробные консультации о поджидающих его физиологических, психологических и венерологических опасностях. Его посвящают в основные модели сексуальных извращений клиентов и способы психологической и юридической защиты от них. Для проституток самой низкой категории, наркоманок и наркоманов, стоящих вдоль шоссе, существуют приюты. Там они могут поспать четыре часа, поесть, получить медицинскую и психологическую помощь.

Показательно, что при разработке законов о противодействии проституции в европейских странах первая категория граждан, чье мнение старались изучить, были сами проститутки. Например, в Финляндии представители древнейшей профессии были включены в группу разработчиков законопроекта и выступали на парламентских слушаниях. В России подобное представить невозможно. Хотя в Екатеринбург зарегистрирован своеобразный профсоюз проституток — общественный фонд «Жрица любви». Его лидер Ирина Русалева прямо говорит, что их цель — легализация проституции в России, поскольку иначе защититься от произвола криминала и милиции невозможно. Но выйти из тени стремятся не все — в этом нетрудно убедиться, позвонив по опубликованному в интернете телефону.

— Сейчас этот бизнес уже фактически легален, — рассказывает Лика из службы эскорт-услуг. — Наш район «крышуется» государственными структурами, поэтому разницы никакой. Всем известно, что «девочки по вызову» — не проблема в любое время суток. Так зачем устраивать театр и притворяться?

— Легализация? Это как? Не совсем понимаю: у меня что, в трудовой книжке будет написано «проститутка»? — интересуется 25-летняя индивидуалка Валентина. — Это же сколько взятков придется отстегивать: санэпидстанции, венерологам, куче проверяющих комиссий. Цена на наши услуги сильно подскочит. И так на нашей фирме пасутся все кому не лень. Или другой вариант — в итоге мы сами будем получать меньше. По моему, лучше оставить все как есть. □

Санкт-Петербург

Русские по квоте

Аврора ПОТЕМКИНА

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Почему Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, притягательное впечатление?.. Ведь всё, решительно почти всё, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, всё, всё ведь это оттуда, из той же страны святых чудес!

Федор Достоевский

«Зимние заметки о летних впечатлениях»

Задержание на французском горном курорте русского олигарха Михаила Прохорова взволновало общественность. Одни называли действия полиции «антироссийской провокацией» и «предвыборным пиаром» Николя Саркози, другие принялись читать богачам мораль о правилах поведения за границей. Третьи увидели за скандалом происки конкурентов олигарха. Меж тем проблема совместимости менталитетов существует не первый день и даже не первый век.

Приехали с орехами

Каких-нибудь 350 лет назад о загадочных москвичах в Европе не было ни слуху ни духу. Ездить в чужие края русским людям дозволялось лишь по самонужнейшим государевым надобностям. Да русские и не стремились в Немецтину, представлявшую им вертепом проклятых еретиков, созданным на погибель православных.

Прорубать окно в Европу, как известно, довелось царю Петру, который стал вторым после Лжедмитрия русским самодержцем, побывавшим за границей. Манеры петровской свиты Европу прямо-таки ужасали. Василий Ключевский описывает в своем «Курсе русской истории» один из эпизодов Великого посольства Петра I в Англии (1697 год):

«В Дефтфорде Петру со свитой отвели помещение в частном доме близ верфи, оборудовав его по приказу короля, как подобало для такого высокого гостя. Когда после трехмесячного жительства царь и его свита уехали, домовладелец подал куда следовало счет повреждений, произведенных уехавшими гостями. Ужас охватывает, когда читаешь эту опись, едва ли преувеличенную. Полы и стены были заплываны, запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны, картины на стенах прорваны, так как служили мишенью для стрельбы, газоны в саду так затоптаны, словно там маршировал целый полк в железных сапогах. Всех повреждений было насчитано на 350 фунтов стерлингов, до 5 тысяч рублей на наши деньги по тогдашнему отношению московского рубля к фунту стерлингов. Видно, что, пустившись на Запад за его наукой, московские ученики не подумали, как держаться в тамошней обстановке».

На свой манер держались и русские купцы, которых приходилось чуть не силой отправлять в торговые экспедиции в чужие земли. В 1722 году русский резидент в Дании Петр Бестужев-Рюмин сообщал в Петербург, что в Стокгольме из Ревеля и Або (нынешних Таллина и Турку) приехали русские купцы «с мелочью» — калеными орехами и деревянными ложками, продают товар прямо с саней и живут своим хозяйством — кашу варят прямо на пристани. «Узнавши об этом, — пишет Сергей Соловьев, — Бестужев запретил им продавать орехи и ложки, и чтобы впредь с такою безделицей в Стокгольм не ездили и кашу на улице не варили, а наняли бы себе дом и там свою нужду справляли». Историк цитирует и другое послание Бестужева на ту же тему: «Русские купцы никакого послушания не оказывают, беспрестанно пьяные бранятся и дерутся между собою, отчего немалое бесчестье

Как мы стали и почему до сих пор остаемся «анфан террибль» Европы

сти и сподвижника Петра. Племянник служил в Коллегии иностранных дел и был направлен к версальскому двору с поручениями; пользуясь репутацией дяди, к тому времени уже покойного, Жан Лефорт пытался промышлять и бизнесом — он сколачивал французскую компанию для коммерции с Россией и требовал для нее торговых привилегий.

...Доехали до Баден-Бадена

В последней четверти XVIII века уже не поведение русских за границей, а европейские порядки и обычаи стали предметом сатирического изображения под пером русского путешественника. В Европе трижды побывал секретарь Коллегии иностранных дел Денис Фонвизин. Славившийся своим ехидным слогом литератор и дипломат не пожалел аттической соли, описывая различные дорожные неурядицы, жалуясь на дороговизну и клопов в гостиницах («Я думаю, что не одна сотня скорпионов была в постеле, на которой нам спать доставалось»). Все сравнения Европы с Россией оказываются в Фонвизина в пользу России. Выясняется также, что с проезжего русского в Европе норовят содрать втрое: «Во всей Немецкой земле и, сказывают, также во всей Италии слова русский и богач одно означают».

Фонвизин стал, возможно, первым российским путешественником, побывавшим в Баден-Бадене. Он отправился туда по рекомендации врачей для поправки здоровья и в письме к сестре Федосье Ивановне живо описал процедуру целебного омовения: «Людей здесь много, но все больные. У иного подагра в брюхе, иного паралич разбил, у иной судорога в желудке, иная кричит от ревматизма. Вообрази себе, что такое баня: в шесть часов поутру входим мы в залу, наполненную серною водою по горло человеку. Мужчины и женщины все вместе, и на каждом длинная рубашка, надета на голое тело. Сидим и ходим в воде два часа. Правду сказать, что благопристойности тут немного и что жена моя со стыда и глядеть на нас не хочет; но что делать? Мы все как на том свете: стыд и на мысль не приходит».

Наконец, наблюдательный дипломат добирается до Парижа и дает полную волю своему сарказму: «Мы теперь живем в загородном доме, называемом Belair. Место прекрасное, окруженное садом, прозванным les Champs-Élysées, и Булонскою рощею... Ситуации такие, что везде видишь картину. Сию справедливость я отдам охотно, равно как и ту, что сам Париж немножко почище свиного хлева. Я вам наскучил уже описанием нечистоты града сего; но истинно, я так сердит на его жителей, что теперь рад их за то бранить от всего сердца. С крыльца сойдя, надобно тотчас нос зажать. Мудрено ли, что здесь делают столько благоуханных вод: да без них бы, я думаю, все задохлись».

Более всего Фонвизина возмущает парижский разврат: «Здесь все живут не весьма целомудренно; но есть состояние особенное, называющееся les filles, то есть: непотребные девки, осыпанные с ног до головы бриллиантами... Спектакли все блистают от алмазов, украшающих сих тварей... Словом сказать, прямо наслаждаются сокровищами мира одни девки. Сколько от них целых фамилий вовсе разоренных! Сколько благородных жен несчастных! Сколько молодых людей погибших! Вот город, не уступающий ни в чем Содому и Гомору».

И, наконец, о соотечественниках: «Между тем, скажу тебе, что меня здесь более всего удивляет: это мои любезные сограждане. Из них есть такие чудачки, что вне себя от одного имени Парижа... чтоб дать вам идею, как живут здесь все вообще чужестранцы, то расскажу тебе все часы дня, как они его проводят. Поутру, встав очень поздно, мужчина надевает фрак с камзолом, или, справедливее сказать, с душегрейкою весьма неблагопристойною. Весь растрепан, побежит au Palais-Royal, где, нашед целую пропасть девок, возьмет одну или нескольких с собою домой

Май 1956 года. Первая после войны группа советских туристов в Лондоне фотографирует полицейского

русскому народу; и хотя я вашего величества указ им и объявлял, чтоб они смиренно жили и чистенько себя в платье содержали, но они не только себя в платье чисто не содержат, но некоторые из них ходят в старом русском платье без галстука, также некоторые и с бородами по улицам бродят».

Надзиратели, приставленные к русским студентам, в свою очередь доносили о бес-

чинствах своих подопечных. «Господин маршал д'Эстре, — писал Петру из Франции Конон Зотов, любимец и доверенное лицо царя, — призывал меня к себе и выговаривал о срамных поступках наших гардемарин в Тулоне: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что последний человек здесь того не сделает. Того ради отобрали у них шпаги».

Конон Зотов докладывал царю о злоупотреблениях Жана Лефорта — племянника швейцарца Франца Лефорта, друга молодого-

EDWARD KUBRYNSKY/CORBIS/RFK

HULTON-DEUTSCH COLLECTION/CORBIS/RFK

Михаил Прохоров, чей куршевельский отпуск был обидно прерван французской полицией

ВАЛЕРИЙ МЕЛЬНИКОВ/КОММЕРСАНТ

обедать. Сие непотребное сонмище поведет с собою в спектакль на свои деньги; а из спектакля возьмет с собою свою девку и теряет свои деньги с здоровьем невозвратно».

По случаю революции Екатерина II запретила своим подданным посещать Францию. Собственно, мелкопоместные дворяне и до запрета не имели такой финансовой возможности. Русские в массе впервые увидели Париж в 1814 году, когда в него вошли русские войска. Федор Глинка в «Письмах русского офицера» описал свои впечатления с непосредственностью молодого, мало видевшего человека: «И вот мы уже в Париже и на квартире!.. За три великолепно убранные комнаты со всеми выгодами, с постельми, диванами, люстрами и зеркалами с нас берут 15 руб. в сутки. Это дорого, но так берут только с русских!.. Мы купили сюртуки, круглые шляпы, чулки, башмаки, тоненькие тросточки и вмиг нарядились парижскими гражданами... Разумеется, что с нас взяли втрое за все, что мы купили».

В строгие николаевские времена заграничный паспорт выдавали не всякому, а с разбором. Пушкин, к примеру, так и не сподобился и писал Вяземскому: «Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство».

Примерно в те же годы французский путешественник маркиз Астольф де Кюстин проездом в Россию разговорился с кабатчиком в Любеке.

«— Вы знаете Россию? — спросил я у него. — Нет, сударь, но я знаю русских; они часто проезжают через Любек, и я сужу о стране по лицам ее жителей».

— Что же такое страшное прочли вы на их лицах, раз уговариваете меня не ездить к ним?

— Сударь, у них два выражения лица; я говорю не о слугах — у слуг лица всегда одинаковые, — но о господах: когда они едут в Европу, вид у них веселый, свободный, довольный; они похожи на вырвавшихся из загон лошадей, на птичек, которым отворили клетку; все — мужчины, женщины, молодые, старые — выглядят счастливыми, как школьники на каникулах; на обратном пути те же люди приезжают в Любек с вытанутыми, мрачными, мученическими лицами; они говорят мало, бросают отрывистые фразы; вид у них озабоченный. Я пришел к выводу, что страна, которую ее жители покидают с такой радостью и в которую возвращаются с такой неохотой, — дурная страна».

После крестьянской реформы из России в Европу ринулись проматывать свои имения бесчисленные помещики, а вслед за ними потянулись новые хозяева жизни, миллионщики-буржуа, откупщики и концессионеры, чиновники, составившие капиталы на казенных подрядках — никому не сиделось в России. Ехали целыми семьями и повозы лечить телесные недуги и душевные, оседали надолго.

Этот новый тип «заграничного русского» стал предметом журнальных дискуссий, выведен в романах Достоевского и Тургенева. Чего стоит одна только la baboulinka из «Игрока», просяживающая на рулетке сто тысяч в два вечера! Изрядно изображено и подобиострастное лайкейство иноземной прислуги — будто списано с куршевельской ресторанной и отельной челяди, которая теперь ог-

лашает Альпы горькими стенаниями — что ж они, горемычные, будут делать без щедрых русских визитеров и ихних «начаёв».

Я к болгарам уезжаю в Будапешт...

Ну а дальше пошли уже булгаковские «парижские кусочки» про Кондюкова Сашку, которого вытошнило прямо на министра, и прохвоста Каткина, плюнувшего «на Шан-Зелизе» на шляпку приличной парижской даме. Рассказы немногих счастливых «про Париж» на долгие десятилетия стали в невыезденной советской России излюбленной застойной темой.

Советского туриста в Европе в те времена видно было за версту: они ходили группами, робели и почти ничего не покупали — не на что было. Каждый перед поездкой должен был изучить «Памятку гражданам СССР, выезжающим за рубеж», где было сказано, что советский гражданин за рубежом обязан быть идейно выдержанным, гордо нести знамя своей Родины, не вступать в контакты с работниками иностранных спецслужб и представителями эмиграции, не поддаваться на провокации и не участвовать в демонстрациях, даже организуемых иностранными коммунистическими партиями. Возбращаясь посещение стрип-баров и порнокинотеатров. Из уст в уста переходили анекдотические истории о варке в отелях супа при помощи электрокипятыльника. Даже сотрудники советских посольств жили как на осажденном положении: «в город» их выпускали по увольнительным, как солдат, и обязательно по несколько человек.

Теперь уже молодым людям надо объяснять, что всего полтора десятилетия назад из Советского Союза нельзя было выезжать за границу по собственному усмотрению — гражданину требовалась выездная виза, которую давали с большим разбором. «Выездной» супруг считался выгодной партией — и потому, что работа за границей гораздо лучше оплачивалась, и потому, что это отличие свидетельствовало о политической благонадежности жениха. Отец перестройки Михаил Горбачев отстаивал это право государства как свое последнее достояние: новый закон о порядке выезда был принят лишь в мае 1991 года, а в действие он вступил лишь в январе 1993-го.

Пожалуй, окончательно избавили нас от комплексов те, кто ими никогда не страдал — «новые русские». Как Егор Прокудин из «Калины красной», которому «деньги жгут ляжку» и потому их надо срочно «взломать», они с энтузиазмом осваивали мир прежде недоступных буржуазных радостей. В 1995 году в роскошном отеле Arion Astir Palace близ Афин я впервые увидел на парковке «Роллс-Ройс» с московскими номерами; на веранде добродушный и загорелый Михаил Сергеевич фотографировался с юными подругами русских нуворишей.

Постепенно стали мы замечать некое новое отношение к себе — именно то самое, о котором писал еще Фонвизин: наши богатые соотечественники создали нам репутацию расточителей шальных денег. Особенно в странах, где прислуга традиционно нечиста на руку, приходилось сталкиваться с искренним непониманием клиента из России, вдруг решившего проверить счет — мол, что тебе, жалко? Конечно, жалко. Они у меня не на дереве растут и не из скважины хлещут.

Десять процентов

Не успела затихнуть куршевельская история, грянула австрийская. Оказывается, и на восточных склонах Альп на русских визитеров смотрят косо. Немецкое агенства DPA и британская газета Guardian в один и тот же день, 8 февраля, сообщили о решении владельцев отелей на австрийском горнолыжном курорте Китцбюэль ввести квоту для туристов из России — их численность не должна превышать 10 процентов. В России по этому поводу поднялся страшный шум. Австрийский туристический бизнес всполошился и миглом опубликовал опровержение: не снижать, а увеличить русскую квоту собираются в Китцбюэле, которая сегодня составляет два процента.

Впрочем, говорят, в Европе еще есть места, куда не добрались русские олигархи, где не взвинтили цены и не оглашают окрестности репертуаром сочинской набережной. О таких местах сообщают теперь по секрету. □

Доктор Агами

ЗУБЫ ЗА ЧАС

О ДЕНТАЛЬНОЙ ИМПЛАНТАЦИИ КАК НАИБОЛЕЕ СОВРЕМЕННОМ МЕТОДЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ОТСУТСТВУЮЩИХ ЗУБОВ СЕГОДНЯ ЗНАЮТ МНОГИЕ. А ВОТ О ТОМ, ЧТО СДЕЛАТЬ ЭТО МОЖНО ЗА 1 ДЕНЬ, И НЕ ГДЕ-ТО ЗА РУБЕЖОМ, А В МОСКВЕ, ЗНАЮТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕ. О НОВОЙ МЕТОДИКЕ, КОТОРУЮ МОЖНО НАЗВАТЬ ЭКСПРЕСС-ИМПЛАНТАЦИЕЙ, ПОЗВОЛЯЮЩЕЙ БЫСТРО И С МАКСИМАЛЬНЫМ КОМФОРТОМ ВОССТАНОВИТЬ ЛЮБОЕ КОЛИЧЕСТВО УТРАЧЕННЫХ ЗУБОВ, РАССКАЗЫВАЕТ ПРИЗНАННЫЙ АВТОРИТЕТ В ОБЛАСТИ ДЕНТАЛЬНОЙ ИМПЛАНТОЛОГИИ, ГЛАВНЫЙ ВРАЧ И ОСНОВАТЕЛЬ ЦЕНТРА «АГАМИ», ДОКТОР МЕДИЦИНЫ БОРИС ПАВЛОВИЧ АГАМИ

Борис Павлович, неужели действительно возможно сесть в кресло стоматолога без зубов, а встать с полноценной улыбкой?

Да, возможно! Экспресс-имплантация — это самый прогрессивный и легкий способ быстро и гарантированно получить отличный результат — красивую улыбку. Причем не только быстро, но без боли и стресса.

В чем отличие этой методики от обычной имплантации?

При традиционной имплантации пациент проходит несколько этапов. Сначала проводится операция по установке имплантатов — искусственных корней зубов. Затем необходимо ждать от 3 до 6 месяцев, и только потом установить коронки. При экспресс-имплантации коронка устанавливается сразу же после имплантации. То есть пациент выходит из клиники и может не только свободно улыбаться, разговаривать, но и со вкусом жевать!

В чем секрет такой скорости?

Никакого секрета. Быстро решить проблемы наших пациентов стало возможно благодаря появлению новых видов имплантатов, точнейшей диагностике и планированию имплантации с применением компьютерной томографии, высокой квалификации врачей. Ну и, конечно же, в клинике должна быть своя зуботехническая лаборатория, чтобы коронки были сделаны, пока идет операция.

Как проходит сама процедура?

Экспресс-имплантация проходит быстрее и менее травматично, чем обычная имплантация. Имплантат вводится трансгингивально, т.е. прямо через десну. Как следствие — нет швов, нет кровоточивости, нет отеков, нет боли и дискомфорта после самой операции. Сама процедура пациентом воспринимается намного легче, чем пломбирование зубов! Человек не отрывается от привычного ритма жизни, может из клиники отправиться прямо на работу.

Неужели всего один визит — и можно забыть о своих проблемах?

Все-таки не один. Во время процедуры устанавливаются только временные коронки. Через некоторое время нужно будет заменить их на постоянные. Но временные коронки ни функционально, ни эстетически практически не отличаются от постоянных. Ни Вы сами, ни те, с кем Вы общаетесь, не заметят разницы.

Всем ли можно восстановить зубы таким способом?

К сожалению, нет. Есть ограничения, как и для любой имплантации. Это острые воспаления в полости рта, тяжелые системные заболевания, сахарный диабет. Если в результате длительного отсутствия зубов сильно атрофировалась костная ткань, то сначала необходимо провести подготовку и только потом провести имплантацию. Но процент таких пациентов невелик.

Сколько зубов можно восстановить за один раз?

Методом экспресс-имплантации можно поставить один имплантат, а можно навсегда избавиться от съемных протезов, если у Вас отсутствуют все зубы. В нашей клинике успешно проведены уже сотни таких операций!

Так что, если Вы стесняетесь улыбаться, потому что у Вас во рту не хватает нескольких зубов, если Вы не хотите «наводить мосты» во рту, обтачивая здоровые зубы, если Вы хотите смело улыбаться уже сегодня, а не через полгода, если Вы занятой человек — Вы явный кандидат на экспресс-имплантацию!

ГАРАНТИЯ НА ИМПЛАНТАЦИЮ — 10 ЛЕТ!

Тел. (495) 775-45-65, 656-20-73; Адрес: МОСКВА, УЛ. СОВЕТСКОЙ АРМИИ, 17/52.
WWW.AGAMI.RU, INFO@AGAMI.RU

ПОСТАВЬТЕ ЗАМОК-НЕВИДИМКУ «ФОРТ» и вашу квартиру не ограбят... ни-ког-да!

Несмотря на усилия милиции, количество квартирных краж растет с каждым годом. По данным МВД, на вскрытие обычного механического замка у вора уходит от 5 до 20 минут. Но сейчас в России есть много квартир, владельцы которых не боятся квартирных воров. Их защищает замок-невидимка «Форт». Этот замок разработан и запатентован учеными-физиками Российской академии наук и выпускается более 10 лет. У замка «ФОРТ» нет замочной скважины. И это ставит в тупик самых умелых взломщиков. Открывается он небольшим инфракрасным брелоком. Сам

хозяин замка устанавливает в нем и в любое время может помешать один из 4 миллиардов кодов. При любых попытках взлома срабатывает встроенная сирена, а замок блокируется. Замок «Форт» невозможно ни взломать, ни вскрыть. Он устанавливается на любую дверь, отечественную или импортную. И другие замки этому не мешают. И даже его цена — а стоит он около 11 тысяч рублей — не слишком высокая плата за Вашу безопасность. У многих владельцев замок-невидимка «ФОРТ» остался единственным, который не смогли взломать грабители.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИЛЕРЫ:
Белгород: 36-6436;
Брянск: 8-910-336-5911;
Воронеж: 39-9480;
Екатеринбург: 234-1831;
268-1982
Иркутск: 20-5060;
Калининград: 65-5606; 64-1511;
Липецк: 22-2281;
Махачкала: 8-928-250-1538;
Н. Новгород: 33-7437;
Набережные Челны: 39-4157;
Пенза: 49-5953; 49-5954;
С.-Петербург: 444-9910,
8-921-323-5564;
Саратов: 42-0028;
Уфа: 31-7410;
Чебоксары: 20-9165.

ФИРМА «ЮНИ ФОРТ»: г. Москва, ул. Вавилова, 38 ИОФ РАН, т/ф: (495) 135-4159, 135-0382, 132-6003; www.unifort.ru; Филиал на «Правжской» фирма «ОКТАЙС»: 983-02-35.

Шишкин. Недорого

Росохранкультура задумала революцию на рынке экспертиз

«Пейзаж с ручьем», стоимость которой по каталогу доходила до 1,28 миллиона долларов. Подлинность подтверждало заключение экспертов Третьяковской галереи. Однако специалисты Сотбис все-таки сняли ее с торгов. А позже выяснилось, что «Шишкин» — это отретушированная картина голландского художника Маринуса Адриана Куккука и цена ее не более 60 тысяч долларов.

— Парадокс нынешней ситуации в том, что привлечь к уголовной ответственности экспертов за некачественную экспертизу невозможно, — продолжает Анатолий Вилков. — Можно, конечно, обратиться с иском в суд, но как доказать, что ошибочная экспертиза не была следствием добросовестного заблуждения? Министерство культуры готовит реформу рынка экспертизы предметов искусства. Одно из основных ее положений — запрет для музейных работников действовать как бы от имени государства, используя бланки госмузеев (как правило, экспертизу проводили сотрудники госструктур — Третьяковки, Русского музея, Центра Грабаря. — Л.К.). После реформы сотрудник музея будет действовать от своего имени, как частное лицо. Но предварительно ему предстоит пройти аттестацию. Мы никому не можем запретить зарабатывать на своих знаниях. Однако пока мы имеем откровенные злоупотребления. К именитым экспертам из известных музеев выстраивается очередь с чемоданами денег. Что перевесит в таких условиях, профессиональная честность или чемоданы, сказать не берусь...

Специалисты говорят, что нигде в мире сотрудники государственных музеев экспертизу не проводят. Однако эксперты действуют при таких музеях, как Лувр, Метрополитен. Ведь один из главных моментов качественной экспертизы — наличие эталонной базы. Анатолий Вилков поясняет, что в этом направлении его ведомство готово практически к революционным шагам: «Частные эксперты получают доступ в закрытые фонды музеев. По Конституции все граждане имеют равные права доступа к государственным сокровищам. Никаких закрытых фондов быть не может!» — уверяет Анатолий Иванович.

Не нанесет ли реформа еще больший урон фондам, сказать сложно. Есть и другие вопросы, связанные с механизмом ответственности за некачественную или заведомо недостоверную экспертизу. Как будет проходить аттестация экспертов, смогут ли они работать, если ее не пройдут? Эти вопросы возникают и у добросовестных антикваров, и у юристов, и у коллекционеров.

Непонятно, будут ли в России, как в других западных странах, на опыт которых опираются реформаторы, страховать ответственность своих экспертов. Такое страхование на российском рынке предлагает пока только фирма «АртКонсалтинг» (правда, до сих пор ни одного случая выплаты не было). Именно эта фирма после ряда антикварных скандалов и проводит почти все экспертизы. Злые языки уверяют, что г-н Вилков имеет к ней отношение, а потому фактически лоббирует ее интересы. Задаю этот вопрос Анатолию Ивановичу. «Это действительно злые языки. Никакого отношения к «АртКонсалтингу» я не имею», — уверяет он.

В то же время «АртКонсалтинг» имеет отношение к грандиозному скандалу на антикварном рынке, о котором я писала в серии статей «Новые русские коллекционеры» («Совершенно секретно», 2006 год, №№ 1, 6, 12).

Речь шла о деле владельцев антикварной галереи супругов Преображенских, которых тройка «бизнесменов» обвинила в том, что они будто бы «склонили» признанного потерпевшим некоего Валерия Узгина к приобретению картин якобы кисти русских передвижников XIX века, а на самом деле, как установили в «АртКонсалтинге», слегка переделанных полотен голландских мастеров того же времени. Следствие считает, что подлинность картин подтверждало заведомо подложное заключение Центра имени Грабаря.

Лариса КИСЛИНСКАЯ

Обозреватель «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Самые громкие «культурные» скандалы минувшего года — кража экспонатов из фондов Эрмитажа и выявление высококачественных подделок на российском антикварном рынке. И вот что удивительно: эти события тесно связаны.

«Раньше существовали определенные правила торговли культурными ценностями, ограничивающие возможности их незаконного оборота, — говорит заместитель начальника Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Росохранкультура) Анатолий Вилков. — Однако Дума еще 8 августа 2001 года приняла Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности». Согласно этому документу, по инициативе ведомства Германа Грефа из перечня обязательного лицензирования исключили пункт о реализации предметов антиквариата. Был также отменен и указ президента от 30 мая 1994 года «О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа госконтроля по сохранению культурных ценностей».

С этого момента в нашем государстве как бы сами собой утратились правовые понятия «антиквариат», «антикварная торговля», «реализация предметов антиквариата». В настоящее время единственный документ, регламентирующий оборот антиквариата на территории России, — правила комиссионной торговли непродовольственными товарами.

Результат налицо: антикварные предметы можно приобрести чуть ли не в овощном магазине. Такие рынки и развалы используются для скупки и перепродажи ценностей.

Из-за отсутствия лицензирования торговли на рынке предметов старины и искусства Россия практически нарушает конвенцию, принятую ЮНЕСКО в 1970 году. Согласно этому документу, государства-участники устанавливают для заинтересованных лиц (антикваров, коллекционеров) правила, отвечающие его этическим принципам, и контролируют их соблюдение.

Не ведают, что хранят

В августе 2005 года (то есть за год до знаменитой кражи в Эрмитаже) руководство Росохранкультуры информировало министра

культуры и массовых коммуникаций РФ Александра Соколова о плачевном состоянии сохранности музейного, архивного и библиотечного фондов России. «Количество совершаемых краж и хищений имеет устойчивую тенденцию роста. Особую тревогу вызывает скрытая преступность. О кражах уникальных исторических документов и художественных произведений становилось известно только после их обнаружения на зарубежных аукционах или в антикварных магазинах. Так было с хищениями из Государственного исторического музея, из Госархива, из Российской национальной библиотеки... Участилось и число дерзких нападений». Реакции на это письмо тогда не последовало.

После скандала в Эрмитаже президент поручил проверить сохранность всех фондов музеев нашего государства. К реализации этого задания уже приступили, и, как говорят специалисты, рассчитано оно на длительный период. На сколь длительный? Как известно, в крупных музеях экспонируется лишь 10 процентов, а остальное находится в запасниках. Сколько десятилетий потребуются хранителям, чтобы провести их ревизию?

С учетом и контролем в наших музеях тоже большая проблема. Так, в суде рассылалось дело о хищении из Петропавловской крепости 180 единиц оружия. Сотрудники музея не смогли доказать, что бесценные экспонаты похищены именно у них. Еще более анекдотичный случай произошел опять же в Эрмитаже. Директор некоего ломбарда предложил одной из хранительниц музея (ныне покойной) приобрести старинные часы-брегет, связанные с именем императора Николая II. Собралась закупочная комиссия, но сделка не состоялась, так как продавца не устроила цена. Он уже сторговался с частным коллекционером, тот был готов заплатить цену, вдвое превышающую предложенную музеем, когда вдруг на сайте Эрмитажа увидел свой брегет: часы значились как похищенные из его фондов. Иными словами, хранительница часового фонда даже не знала, что именно должно в нем храниться!

Эксперты без страха и упрека

Рост числа богатых людей в нашей стране увеличил число коллекционеров. Многие из них пополняют коллекции за рубежом. Раньше это было не выгодно — за ввоз антиквариата в Россию с коллекционеров брали 18 процентов НДС, как с «челноков». Росохранкультура добилась отмены этого налога — в

Таможенный кодекс России были внесены соответствующие поправки. «Какое раньше мнение бытовало о коллекционерах? Правильно — мол, это жулики и фарцовщики, — говорит Анатолий Вилков. — На самом деле коллекционер — это человек, который в конце концов захочет поделиться своими сокровищами с другими. И государство идет ему сейчас навстречу. Мэр Москвы, к примеру, выделил обладателю богатой коллекции Давиду Якобашвили здание на Солянке. Ви-

И. Шишкин. «Ели, освещенные солнцем», 1897 год. Похищена из Тюменского областного музея изобразительных искусств

ктор Вексельберг и Петр Авен ведут переговоры в Санкт-Петербурге о выделении там помещений под их коллекции...

Но, судя по всему, количество богатых, видимо, превышает число подлинных предметов антиквариата. Отсюда и скандалы на антикварном рынке. По оценкам специалистов, подделки на нем составляют от 50 до 80 процентов. Причем встречаются очень качественные. На аукционе Сотбис нашумела история с картиной Ивана Шишкина

Уголовное дело продолжается до сих пор, с той лишь разницей, что из Следственного комитета при МВД РФ его передали в ГСУ ГУВД Москвы. Закон не определяет меру ответственности эксперта за неправильное заключение. Поэтому эксперта Татьяну Горячеву, предоставившую заключение, всего лишь отстранили от проведения экспертиз.

Н. А. Тырса «Натурщица», первая половина XIX века. Это полотно было похищено из частного собрания

Искусствовед Татьяна Преображенская, сделавшая на основании экспертизы письменную оценку картин, год отсидела за это в тюрьме.

Безусловно, это дело не прошло мимо Росохранкультуры. Его руководство в самом начале расследования предлагало следователю СК при МВД РФ Ирине Коноваловой, возглавлявшей тогда следственно-оперативную группу, сделать официальный запрос, чтобы выяснить: в каком именно виде полотна, которые якобы продала Т.Преображенская В.Узжину, пересекли границу России. Фигурировали ли они в таможенных документах как картины передвижника Киселева или все еще «принадлежали» кисти голландских мастеров? Но этого сделано не было. Не искало следствие и человека, который ввез картины в Россию. О чем это свидетельствует? Одно из объяснений – дело носит заказной характер.

Искусствовед Татьяна Преображенская обращалась за помощью в Министерство культуры. Но вопросы, которые она задавала, как правило, оказывались в ведении совсем другого ведомства.

Тень МВД и его музей

– Я мечтаю, чтобы зловещая тень МВД никогда не всплывала на антикварном рынке, – говорит Анатолий Вилков. – Их полномочия вступают в силу только тогда, когда совершено конкретное преступление. В системе МВД практически нет специально подготовленных следователей. Не понятно, каким образом должно проводиться опознание украденных предметов, имеющих культурную и историческую ценность. С чем их можно сравнивать, с лубками, купленными на Арбате? И еще. Следователи, изымающие своими постановлениями культурные и исторические ценности, должны передавать их на хранение нам, а не хранить их у себя в кабинетах или в музее МВД, откуда они потом легко могут исчезнуть...

Любопытна в этой связи история французского подданного Мишеля де Венси. Из его московской квартиры еще в 1999 году были украдены коллекции императорских орденов и старинного холодного оружия. Годы через два у некоего барыги обнаружили краденые вещи, в том числе и из коллекции де Венси. Он их опознал. По закону ценные культурные экспонаты должны быть возвращены владельцу или в другом случае по решению суда обращены в доход государства. Француз являлся потерпевшим по делу, но часть найденного получил только через год. В это же время в проходном дворе прохожие

обнаружили две сумки, набитые явно краденными вещами. Среди них, как выяснилось, еще одна часть коллекции де Венси. Это подтверждает и экспертиза Министерства культуры. Но следователи опознание не проводят, дело явно затягивается, а вещи из коллекции француза поступают «на временное хранение» в музей МВД. Мишель де Венси до сих пор жалуется, но в ответ его пугают привлечением к уголовной ответственности... за хранение холодного (антикварного!) оружия. Но ведь уголовная ответственность наступает только за ношение холодного оружия. Дело тянется до сих пор, и де Венси собирается уже сам подать в суд на МВД РФ.

Как известно, после распоряжения президента России о масштабной ревизии музеев появилось сообщение о создании 1 сентября 2006 года комиссии из представителей МВД, ФСБ, Генпрокуратуры и Министерства культуры. Недовольство музейщиков вылилось в громкое заявление об «абсолютной недопустимости передачи контроля за целостностью и сохранностью музейного фонда в руки правоохранительных органов».

По удивительному совпадению, в ноябре-декабре 2006 года Росохранкультура в рамках работы вновь образованной комиссии провела проверку соблюдения законодательства РФ о музейном деле в Центральном музее МВД России. Нарушения обнаружились и в нормативах условий, и в безопасности хранения музейных предметов. Пожарную безопасность тоже поставили под сомнение: в результате самопроизвольного срабатывания системы борьбы с огнем сильно пострадали экспозиция и фондохранилища музея.

Комиссия отметила грубые ошибки в том, что касается учета музейных ценностей, отсутствия профессионального контроля. Всего с апреля 1979 года по май 2006 года, по данным актов о списании, из фондов музея исключено 964 предмета. Вместе с тем установлено, что, судя по инвентарным книгам из основного и вспомогательного фондов, их количество уменьшилось на 2227 штук. Установить причину расхождений не удалось.

Недоумение у проверяющих вызвало и то, что в экспозиции, с которой теперь могут познакомиться все желающие, в том числе дети, представлены такие «экспонаты», как

Надо заметить, что не всегда передаются именно в музей и не всегда обращаются именно в государственную собственность. Пример тому – дело Преображенских, у которых после ареста и обыска в квартире и антикварной галерее бесследно исчезли не только бесценные антикварные вещи, но и просто ценные вещи...

В. Тропинин. «Девочка с горшком роз», 1850 год. Пропала из Алупкинского дворца с выставки Русского музея

В связи с хранением ценностей комиссия отметила, что музей не зарегистрирован в органах пробирного надзора. Опробирование и взвешивание музейных предметов, содержащих драгоценные металлы, не производится, книга их специального учета отсутствует. В учетных книгах описание не соответствует находящемуся на хранении предмету, что дает возможность подмены, а также занижения их фактической стоимости.

Замечаний по музею было множество, но в Росохранкультуре сообщили – министр

К. Шульц. «Маневры прусских войск», XIX в. Пропала из Екатерининского дворца Государственного музея-заповедника «Царское село»

внутренних дел отреагировал на них «оперативно и с пониманием».

Вялотекущее «Коломенское»

Но, может быть, зря музейщики так переполошились, узнав, что проверку будут проводить правоохранительные органы? Ведь все «культурные» дела тянутся долго и безнадежно. Еще в 1999 году в МВД РФ поступило за-

явление от главного архитектора государственного музея-заповедника «Коломенское» о злоупотреблениях со стороны директора ГМЗ Людмилы Колесниковой. По многим фактам было возбуждено уголовное дело.

В процессе расследования выяснилось, что жалобы на «Коломенское» поступали и от Министерства культуры. Комиссия экспертов, проверив в музее наличие и подлинность произведений древнерусской живописи, обнаружили недостачу. Список похищенного занял несколько страниц. Эти страницы затем таинственно исчезли из материалов уголовного дела, правда, «доброжелатель», к счастью для следствия, забыл забрать отсюда письмо-сопроводилку из Минкультуры, в котором как раз говорится об исчезнувших иконах. Материалы, связанные с исчезновением раритетов, были в итоге выделены в отдельное производство, после чего затерялись в недрах следственных кабинетов.

Что касается других злоупотреблений, то следствие выявило, что Колесникова исхитрилась получить кредит в банке, где находятся счета ГМЗ, на сумму 60 тысяч долларов. Купила земельный участок в Тверской области, построила коттедж общей площадью 300 кв. метров, баньку, сторожку и два одноэтажных домика. И это все при официальной зарплате 5 тысяч рублей.

Но на этом эпопея не закончилась. Следователи ЮЗАО установили, что в течение трех лет г-жа Колесникова охраняла свою дачу силами бюро охраны «Стрелец», которое с 1995 года оказывает охранные услуги музеем «Коломенское» и финансируется из бюджета города. Такое трепетное отношение к директорской недвижимости руководитель охранного бюро Геннадий Смирнов объяснил сложной криминальной ситуацией в Тверской области. И пояснил, что в обязанности его бойцов входила не только охрана музея, но и его персонала, а следовательно, и директора. Но ни квартиры, ни дачи других сотрудников музея не охранялись.

Следствие выявило, что охранников в поместье Колесниковой доставлял специальный водитель. Сами же бойцы охранного бюро пребывали в полной уверенности, что стерегут будущую базу отдыха их охранного бюро. Только спустя несколько месяцев они поняли, как обманулись. Порядок в доме тоже наводился за государственный счет. Сначала горничная получала деньги от хозяйки, но потом Колесникова предложила ей оформиться в штат охранного бюро и получать зарплату там. Геннадий Смирнов спокойно подписывал все сметы расходов, а Колесникова ее утверждала. Деньги шли из городского бюджета.

Дело прекратили по амнистии. Подозревали директора музея и в причастности к хищению 5 миллиардов рублей, принадлежащих «Коломенскому». В процессе расследования Симоновская межрайонная прокуратура обнаружила следующую схему. В адрес музея должно было поступать витринное и осветительное оборудование из Германии. Из ГМЗ, как и положено, необходимую сумму перечислили фирме-производителю. А еще 5 миллиардов рублей – на счет российской компании «Рояллюкс», которая якобы должна была заниматься юридическим сопровождением контрактов, расчетами таможенных платежей и т.д. Были подписаны горы бумаг, а потом неожиданно выяснилось, что большая часть сопроводительных документов подделана и груз ввезен с нарушением таможенного кодекса и полной неуплатой пошлин. Следователям удалось найти одного из «учредителей» фирмы-посредника. Он не раз терял паспорт, которым, судя по всему, и воспользовались мошенники. Таким же мифическим лицом оказался и еще один «ведущий» сотрудник компании.

Деньги, естественно, растворились в воздухе – вернуть их музею не удалось. Не удалось и доказать причастность Колесниковой к этой афере. Она объяснила следователям, что обратиться в «Рояллюкс» ей порекомендовали на таможене, где якобы и готовились все документы. Сотрудников компании она не видела, контракты не подписывала.

Главный архитектор «Коломенского» проявил настойчивость и добился реанимации дел по всем азимутам. Удастся ли реанимировать главное направление – хищение работ древнерусских мастеров? □

Фото из каталога предметов искусства и антиквариата, находящихся в розыске

Роковой эликсир

Как чудо-препарат российских ученых превратился в «навар» строителя Жилова, а научное открытие обернулось позором для страны

Евгений ТОЛСТЫХ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Осенью 2006 года первый канал немецкого телевидения показал интервью с женой и дочерью некоего Вальтера Цапа, скончавшегося несколько лет назад в клинике Carolinum в городке Бад-Карлсхафен. По рекомендации главного врача онкологического отделения доктора Е. Раухфуса Вальтер принимал «Галавит», «чудо-препарат» из России. Курс терапии обошелся Цапу в 20600 марок – немало даже по западногерманским меркам. При этом доктор Раухфус убеждал родственников больного в положительной динамике лечения, но чуда не произошло.

Этот случай мог бы затеряться в статистике жертв онкологических недугов, если бы дотошные телевизионщики не обнародовали еще кое-какие цифры. Курс лечения «русским Галавитом» у доктора Раухфуса прошли 196 пациентов. Из них 147 – с летальным исходом.

По свидетельству журнала Stern «Галавит» предлагается в Центре иммунотерапии опухолей в Бад-Хайльбронне. В то же время президент онкологического общества Германии и заведующий гинекологической клиникой Университета Ульма профессор Кринберг настоятельно не рекомендовал коллегам применять русский «чудо-эликсир». Распространяется препарат и в других странах: в Австрии этим занимается Mission Pharma AG в Китцбюэле (у фирмы есть также швейцарское представительство в Цюрихе). На Багамах – Organisation Espoir. На фармацевтическом рынке США «Галавит» представляет доктор Браун (Фрипорт, Атланта).

Препарат «высокой надежды»

История препарата началась в 1976 году. Ученые Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова подали в Минздрав РСФСР заявку на регистрацию аминокеталгидрида – химического вещества, обладающего фармакологическими свойствами. 20 лет напряженной работы ушли на то, чтобы превратить полуфабрикат в уникальное лекарство. Ученым удалось синтезировать средство, избирательно влияющее на клеточную структуру организма: лекарство корректировало поврежденные макрофаги (клетки иммунной системы), не оказывая воздействия на здоровые клетки. По мнению разработчиков – профессоров М.Абидова и А.Хохлова – создание препаратов, оказывающих воздействие на изменение иммунного статуса человека, позволяет найти новые подходы к лечению таких недугов как лигионелез, клещевая лихорадка, туберкулез, СПИД, лихорадка Эбола.

Уже на стадии клинических испытаний, проходивших в России, Италии, Швейцарии и Испании, препаратом заинтересовалась Всемирная организация здравоохранения, медицинские учреждения Минобороны и МЧС РФ; специалисты авиационно-космической, морской, экстремальной и экологической медицины, курортологи.

В марте 1997 года Минздрав РФ выдал ЗАО «Научно-производственный центр сов-

Немецкий онколог доктор Е. Раухфус, лечивший своих пациентов «русским Галавитом». Скончались 75 процентов больных

ременной медицины «Медикор» Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова Минздрава России Регистрационное удостоверение №97-91-1 на лекарственное средство «Галавит», разрешил его медицинское применение и промышленный выпуск.

Примерно за год до этого, когда испытания препарата подходили к концу, в кабинете тогда еще кандидата медицинских наук Мусы Абидова, возглавлявшего НП ЦСМ «Медикор», раздался звонок. Звонил давний друг, академик Мурадин Кумахов, физик с мировым именем, один из крупнейших специалистов по рентгеновской оптике: «В «кремлевке» лежит мой хороший товарищ, Валера Жилев, строитель. Врачи говорят, безнадежен. Может, попробуешь своим эликсиром?»

Через час Абидов был у постели больного. Картина вырисовывалась неутешительная: увеличенные лимфоузлы сдавливали легкое, Жилев задыхался. На Абидова в клинике посмотрели скептически, но попробовать разрешили. И Абидов начал вводить умирающему «Галавит». К тому времени на Новочебоксарском заводе «Химпром» было разработано несколько килограммов целебной субстанции.

Результат превзошел самые смелые ожидания. Через три недели Валерий Жилев покинул больничную палату и укатил по делам в Англию.

Оправившись от болезни, строитель и бывший комсомольский работник Валерий Жилев не оставил без внимания своего спасителя Мусу Абидова и пристально наблюдал за судьбой «Галавита». За короткий срок на препарат были получены 10 российских и международных патентов; со страниц медицинских журналов не сходили фамилии его создателей – научных сотрудников сеченовской академии М. Абидова и А. Хохлова, их коллег В. Фисенко, А. Дрожжина, Б. Нагоева, М. Пальцева, С. Пака, М. Турьянова. Зару-

блемый Мусой Абидовым, с предложением дружбы и сотрудничества. Валерий Хажмуратович нарисовал радужные перспективы: 51 процент акций «Медикора» переходят в собственность некоей кипрской компании Barnhill Property Limited. В свою очередь вышестоящая кипрская компания и лично В. Жилев гарантируют российским ученым многомиллионные долларовые вливания в обмен на сущий пустяк: патенты должны быть переоформлены... на ЦСМ «Медикор», но уже с кипрским капиталом. «Наука» попросила суетки на обсуждение. Ученые решили: «Парня мы вытащили с того света, обмануть не должен – это раз. 49 процентов акций остается за нами – это два. И патенты переводим все равно на «Медикор» – это три».

Бюрократические вопросы решились скоро: Минздрав легко выдал повторное разрешение на производство и реализацию «Галавита» хорошо известной в профессиональном мире фирме ЗАО ЦСМ «Медикор». То ли случайно, то ли по какой-то особой причине, не заметив, что из юридического названия предприятия исчезли две буквы «НП», обозначающие «научно-производственный». А без этого «НП» «Медикор» (со всеми переданными туда патентами) переставал быть колыбелью научных открытий и творческим пристанищем российской профессуры из ММА им. И.М.Сеченова, а становился собственностью никому не ведомой кипрской компании во главе с бывшим строителем В.М.Жиловым.

Последствия «наука» осознала потом. Когда выяснилось, что кипрские партнеры так и не оплатили переданных в их распоряжение акций НП ЦСМ «Медикор». Они вообще не открыли предусмотренный законодательством РФ специальный счет в российском банке. Юристам не удалось обнаружить и адреса фирмы, прописанной якобы в Лимасоле.

...И 300 космонавтов!

Профессору Абидову пришлось использовать личные контакты, чтобы «Медикор» смогла «выкупить» патент у итальянцев. Первый миллион долларов на эти цели пришел от российского бизнесмена Алишера Усманова, в то время возглавлявшего МАПО-банк. Оцен-

ив масштаб и важность проблемы, он без лишних проволочек перевел на счет требуемую сумму.

Итальянские партнеры оказались на редкость благородными людьми. Оценив первоначально два российских патента в миллион долларов (хотели заработать 400 тысяч), они в конце концов согласились вернуть России ее интеллектуальные ценности за 600 тысяч, как говорят, «оставшись при своих». Впрочем, «вернули» – формулировка не совсем корректная. Один из выкупленных патентов оказался в Швейцарии, в активе новообразованной фирмы «Медикор» (одна буква – и новое юридическое лицо!), второй в «Медикоре», чей 51процент акций принадлежал кипрской компании Barnhill.

Тем временем профессор Абидов читал в Германии лекции о путях коррекции иммунной системы человека в надежде вывести свое детище на международный фармацевтический рынок. Читал, не подозревая, что тем же самым вплотную занялись совсем другие люди, ничего общего с наукой не имеющие.

Уже в конце 1999 года в немецких средствах массовой информации появляются сенсационные материалы об уникальном русском препарате «Галавит». Оказывается, он был синтезирован в закрытой радиологической исследовательской лаборатории в Обнинске, недалеко от Москвы, «совместно иммунологами и международными медиками» по заказу бывшего советского Министерства вооруженных сил для поиска возможностей, «которые позволяют защитить российских космонавтов от появления опухолей вследствие длительного пребывания на орбите и высокой дозой облучения».

бежные специалисты окрестили «Галавит» препаратом «высокой надежды». Вслед за первой десяткой патентов были получены еще 10 авторских свидетельств. Оценочная стоимость интеллектуальной собственности только восьми из двадцати запатентованных работ составила более 70 миллионов долларов!

Правда, эти цифры могли лишь поражать воображение, не обременя банковские счета. Чтобы вывести открытие российских ученых на отечественный и мировой фармацевтический рынки, нужны были вложения: на доводку технологии, создание производственных мощностей, придание продукту товарного вида, рекламу. Государство бюджетной щедростью не отличалось. С недавновидностью чиновников создатели «Галавита» столкнулись еще в 1989 году, когда, проведя клинические испытания препарата, поняли, что обошли японцев и американцев. Чтобы запатентовать открытие, требовалось всего-то 20 тысяч рублей. В огромной стране таких денег не нашлось. Друзья подыскали Абидову и его коллегам итальянскую компанию, торгующую российской нефтью. Она профинансировала доработку «эликсира» на итальянской фармацевтической фирме и эксперименты в швейцарских лабораториях. Патент был получен в Аппенинах. Его обладателем стали итальянские нефтеторговцы, кстати, впоследствии проявившие себя как порядочные люди. За оформление открытия мирового масштаба они выложили 600 тысяч долларов.

Эту историю наверняка знал Валерий Жилев, когда в 1998 году пришел в НП «Центр современной медицины «Медикор», возглав-

Разработчики препарата профессора **М. Абидов** и **А. Хохлов** (вверху). Выработанные под контролем ученых первые 80 килограммов «Галавита» обладали ценными фармакологическими свойствами. Что под этим названием отправлял за рубеж строитель **В. Жиллов** (на нижнем фото), неизвестно

Газеты ФРГ публикуют фотографии «руководителя медицинской службы ВВС и космонавтики нынешнего министерства обороны генерал-майора Виктора Лютова», который заявляет, что иммуномодулятор (галавит) был «успешно опробован на 300 космонавтах и 30 000 онкологических пациентах, в большинстве случаев для поддержки лучевой и химиотерапии».

Авторитетные мнения о русской «чудо-вакцине» высказывают «заместитель директора Центральной правительственной клиники в Кремле» (так в газете), профессор Валерий Ульянов; «руководитель клинического центра иммунологических исследований Московского университета профессор Татьяна Гришина». Кстати, последнюю представляют как... одну из создателей «Галавита».

Надо отдать должное авторам рекламной кампании: они тонко сыграли на сохранившемся у западного обывателя со времен «холодной войны» пиетете перед достижениями советской «закрытой» науки.

Да и как простому немцу довериться в подлинности истории с «30 тысячами онкологических пациентов»? Хотя легенда о «300 космонавтах» должна была бы вызвать некоторые сомнения. Откуда 300?... Если только вместе с женами и детьми...

Впрочем, кое-кто из деловых партнеров «Медикора» высказал недоумение по поводу авторства «Галавита»: при чем здесь Татьяна Гришина, если во всех научных документах в числе создателей препарата фигурирует Муса Абидов?

Сомневающимся успокоил генеральный директор ЦСМ «Медикор» Валерий Жиллов: «Абидов работает в Центре по найму... Права на лекарство, в том числе и на его производство он передал ЦСМ, так что по всем вопросам приобретения товара обращаться «в администрацию».

Новый «папа» «Галавита»

Жиллов почти не лукавил. Профессор Абидов действительно состоял в штате ЦСМ «Медикор». Правда, с момента регистрации новой

компании зарплаты там не получал, дивиденды по его акциям не начислялись.

Теперь о «правах». Осенью 1997 года М.Абидов (с согласия соавторов «Галавита») на безвозмездной основе передал два патента на производство и применение лекарственного препарата «Галавит» ЗАО ЦСМ «Медикор» в лице Генерального директора В.Х.Жилова. Вместе с патентами Жилову отошли: право на товарный знак, договоренности о производстве «химически чистого» продукта на Новочебоксарском заводе «Химпром». Впоследствии противозаконность этой «операции» станет предметом судебной тяжбы: компания с иностранным капиталом не имела права на такие преференции в России.

Но в тот момент маячили «кипрские миллионы»... По всем формальным признакам именно ЦСМ «Медикор» (а фактически предприниматель-строитель В.Жиллов) оказывался хозяином уникального изобретения отечественных ученых, одобренного и признанного международным медицинским сообществом. А дальше как в сказке. Помните, из детства: «У зайца была избушка лубяная, а у лисы ледяная. И попросилась однажды рыжая к зайчишке переночевать...»

19 июля 1999 года на свет появляется приказ Генерального директора ЦСМ «Медикор» В.Х.Жилова о расторжении контрактов с Московским отделением Центра (то есть группой ученых ММА им. Сеченова) и лично г-ном Абидовым М.Т. в связи с невыполнением пунктов Договора о внутрихозяйственном расчете... и Контракта от 11.06.99». Обратите внимание на даты: Договор и Контракт подписаны всего-то полтора месяца назад! Что же успели натворить за 40 дней «доценты с кандидатами», если их помели безжалостной метлой из Центра

(фактически ими же созданного), да еще с требованием в течение месяца освободить служебные кабинеты? Не осуществляли «контроль за поступлением и расходованием денежных средств», нарушали «финансовую дисциплину» – так в приказе. Особенно, видимо, Абидов, не получавший в Центре зарплаты...

В активе жиловского «Медикора» оказался пакет документов на изобретение мирового уровня и 80 килограммов наработанной на Новочебоксарском «Химпроме» по технологиям ученых во главе с профессорами А.Хохловым и М.Абидовым субстанции «Галавита». И Жиллов времени не терял.

Российским лекарством заинтересовалась крупная американская исследовательская компания Cato Research и уважаемая фармацевтическая фирма Brooks Propermut. 4 апреля 2001 года на совещании в Цинциннати, штат Огайо, в присутствии 9 руководителей корпорации о перспективах применения открытия российских ученых говорила профессор Т.Гришина, принятая в Штатах... как создатель уникального лекарственного средства.

В Brooks Propermut решают запустить проект «Галавит» на территории США. Под это создают специальную компанию Wash Pharma, Inc. во главе с неким Марком О. Генри (Mark O. Henri), по некоторым сведениям, не особенно ладящим с уголовным законодательством США. В корпорации начинают подготовку документов для регистрации препарата в FDA – Американской федеральной комиссии по контролю за качеством продуктов питания и лекарственных средств.

Параллельно в штате Делавэр (США) регистрируется еще одна компания с недвусмысленным названием Galavit, Inc., значительный пакет акций которой принадлежит главе Brooks Propermut. Компания намерена выкупить у Medinkor (швейцарской дочке ЦСМ «Медикор» В.Жилова) лицензии с правом производить и продавать «Галавит» в США, Северной и Южной Америке, Австралии, Японии и ЕЭС. Стоимость сделки – 5 миллионов долларов. (Не исключено, что деньги были перечислены на счет продавца.) Овчинка стоит выделки. Кстати, по последним оценкам западных специалистов, цена проекта «Галавит» может составить 10 миллиардов долларов США. И тут возникает досадное «но»...

Немецкий облом

В 2000 году прокуратура Мюнхена возбуждает уголовное дело по фактам серии странных смертей, случившихся в клиниках, где в качестве терапевтического средства применялся «Галавит».

Свое расследование начинают дотошные журналисты германского телевидения. Съёмочная группа отправляется в Москву на поиски «секретных лабораторий». В Институте медико-биологических проблем АМН РФ (работающего «на космос») телевизионщикам прямо сказали – «никакого «Галавита» мы не разрабатывали и никому из космонавтов не вводили!» Не удалось отыскать и следов 30 тысяч чудесно исцеленных страждущих, о которых говорила профессор Т.Гришина. Повезло лишь в московской аптеке, где репортерам продали «Галавит» (иммуномодулятор без рецепта!) примерно за 7 долларов – в 40 раз дешевле, чем в Германии. Дальнейшее расследование привело к еще более поразительным результатам. Независимый лабораторный анализ реализуемого в ФРГ «Галавита» показал, что «волшебный препарат» – не что иное, как обычный фталгидрозид, известный в Германии как люминол, дешевый и доступный химический реактив, по своим кумулятивным способностям воздействия на человеческий организм подчас не уступающий «коктейлю Молотова».

Владелец патента и торговой марки, глава ЦСМ «Медикор» В.Жиллов не смог объяснить метаморфоз, происшедших с предлагаемым им на продажу «лекарством». Ясность внес профессор М.Абидов. По его словам, на первых порах удача сопутствовала В.Жилову потому, что выработанные под контролем ученых те самые, первые 80 килограммов субстанции «Галавита», доставшиеся новым хозяевам «Медикора», обладали фармакологическими качествами, хотя и не являлись лекарством в его окончательной форме. К тому

же, срок годности субстанции истек в 2000 году. Но, судя по всему, г-н Жиллов не извещал об этом зарубежных партнеров. Вот тогда и появились первые жертвы.

Что отправляли за рубеж (из России – в Штаты через Голландию) потом, когда подошел к концу и просроченный полуфабрикат, вообще сказать трудно. Как утверждает профессор М.Абидов, строитель В.Жиллов в силу своей медицинской неграмотности при продаже американцам документов на «Галавит» мог вписать туда неверную химическую формулу.

Г-н О. Генри в письме некоему доктору Невелингу (ЮАР) писал, что «Федеральное управление (видимо, FDA) «Галавит» одобрило, но «Медикор» еще не нашел приемлемого производителя». Неудивительно. После выработки первой партии субстанции создатели препарата, ученые ММА им. И.М.Сеченова, размонтировали оборудование, собранное на Новочебоксарском «Химпроме», планируя усовершенствовать агрегат, обеспечить выход наиболее чистого продукта. Не успели: Жиллов выиграл за «нарушение финансовой дисциплины». Секрет технологии производства настоящего «Галавита» разработчики не передали новому хозяину вместе с патентами и товарным знаком, оставив его за собой. Не такие уж и «лохи от науки».

Узнав о «Галавите» «по-жиловски», производство которого готовились наладить в США, Абидов направил туда предупреждающие телеграммы. Американские компании приостановили продвижение сомнительного препарата на свой рынок, а делом занялось ФБР. О судьбе 5 миллионов долларов, якобы выплаченных американцами Жилову через его швейцарскую компанию «Мединкор», ничего не известно.

Почетный иммунолог

Тем временем в России органы МВД начали искать место нового производства «Галавита». И не нашли. Установили лишь, что где-то в Белгороде расфасовывают некие «составные части», которые получают из Москвы, куда потом и отправляют. Деятельность ЗАО ЦСМ «Медикор» проверяла Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и социального развития, «нарушений действующего законодательства не выявлено» (из письма МВД РФ от 19.02.06).

Так что в отличие от Мюнхенской прокуратуры и ФБР, российские правоохранители сложившейся ситуацией не обеспокоились.

Ученые ММА им. И.М.Сеченова, потеряв «Галавит», вернулись в лаборатории и через год представили на регистрацию новый препарат, обладающий всеми качествами предшественника (не фальшивого), но более совершенный и действенный, «Тамерит». С его помощью помогали реабилитировать пострадавших в результате теракта на Дубровке, применяли «Тамерит» и детские хирурги, проводившие уникальную операцию по разделению сиамских близнецов.

Препарат зарегистрировали. И тут началось! Во все нужные адреса посыпались письма от ЦСМ «Медикор» и его директора Л.Н. Жиловой (супруги строителя, принявшей от мужа бразды правления медицинской конторой). Авторы жалоб настаивали, будто профессор М.Абидов похитил у «Медикора» секретные документы по «Галавиту» – это-де и позволило ему запустить «Тамерит» – и что вообще формулу «Галавита», оказывается, придумал... Валерий Жиллов!

Вы думаете, в Басманном суде, где рассматривается иск г-жи Жиловой, кто-то удивился? Да ничего подобного!

Мало того, патентные органы РФ выдали г-ну Жилову авторское свидетельство на... «Способ коррекции иммунной системы живого организма». Теперь строитель Жиллов с полным юридическим правом может причислять себя к славной когорте выдающихся иммунологов, биологов и клиницистов.

На этом можно было бы и закончить. Вот только еще один «пустячок». Те же самые патентные органы, что причислили г-на Жилова к лику первооткрывателей в области медицины, методично отменяют ими же выданные патенты на открытия ученых ММА им. И.М.Сеченова. На основании писем В.Жилова. Патенты, признанные в Европе и Америке. Формулировка причины отмены поражает воображение: «За отсутствием новизны!» Без комментариев. □

Преждевременный человек

Седьмого мая 1901 года в Петербурге на Варшавском вокзале под поезд бросился человек. Это был 66-летний Алексей Кириллович Алчевский – один из богатейших людей страны, украинский промышленник, владелец угольных месторождений и металлургических заводов, банкир. Перед смертью самоубийца отправил прощальное письмо своим сотрудникам. В нем он просил прощения за совершаемый грех и оставил несколько руководящих указаний по ведению дела

Екатерина МЕЛЕДИНА

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В столицу Алчевский приезжал за помощью – промышленный кризис, пришедший из Европы, больно ударил по любимому его детищу – Донецко-Юрьевскому металлургическому обществу (ДЮМО). Общество задолжало Харьковскому торговому банку, а тот, в свою очередь, – банку земельному. В обоих кредитных учреждениях (где командовал тот же Алчевский) было, что называется, шаром покати. Чтобы поправить дела, Алексей Кириллович надеялся выбить у министерства финансов ссуду под облигационный заем своих предприятий и получить крупный заказ для заводов. Министерство финансов, возглавляемое С.Ю.Витте, в помощи категорически отказало, и миллионер свел счеты с жизнью, положив голову на рельсы, между прочим, собственного – донецко-юрьевского производства.

Вскоре после этого невероятного события министерство финансов все-таки выделило шестимиллионную ссуду металлургическому обществу, но в обоих банках провело тщательное расследование. А в январе 1903 года в Харькове начался суд над членами правления обоих банков. Это дело пресса назвала «Харьковским крахом».

Герои предыдущих банковских процессов, потрясавших Россию в 70–90-е годы, мало вызывали сочувствия у публики. Вероятно, у обывателя возникало лишь чувство завистливого удивления: пожили люди! Банки создавались и разорялись ради приобщения к шикарной жизни – стерлядь в шампанском, яхтенным прогулкам, ночным ресторанным безумствам, французенкам и цыганкам. Ну и поделом им, говорил, позевывая, читатель судебной хроники, пушай теперь на нарах посядят.

С Алчевским совсем другое дело. И обвинение, и защита во время судебного процесса, стоя, естественно, на противоположных позициях, сходились в одном: хищений и злого умысла в харьковском деле не было. Не было и толп несчастных плачущих вкладчиков. Была трагедия. Трагедия сильного и талантливого человека, посвятившего жизнь любимому делу. Когда же это дело оказалось на грани гибели, то и жить ему стало дальше незачем.

Алчевский покончил с собой не потому, что впереди маячили тюрьма да сума. Ему это не грозило, несмотря на кризис и катастрофу с банками. Чужак-богач мог бы спокойным образом и дальше жить по-миллионерски. Часть принадлежавших ему рудников покупали бельгийские компании и давали прекрасные деньги, которых хватало бы и на уплату долгов, и на хлеб с маслом и толстым слоем икры. Однако своему старшему сыну,

готовившему «делку века», Алексей Кириллович ответил удивительной фразой: «Что ты мне предлагаешь? Что ж ты хочешь, чтобы мы купоны резали?» И чем ударить по рукам с предприимчивыми иностранцами, предпочел прыгнуть под колеса поезда. Можете ли вы представить, чтобы сегодня так поступил кто-нибудь из «куршевельской тусовки»?

Петр Первый из Харькова

Алексей Кириллович был настоящий, как теперь говорят, self-made man, то есть сам себя сделавший. В Харькове начинал с маленького чайного магазинчика. Удача пришла к нему не сразу, пришлось пережить и трудные времена. Так, с одним из своих верных соратников Орловым Алчевский познакомился во время описания его, Алчевского, имущества за долг... в 150 рублей! Орлов выкупил будущего магната у судебных приставов, и тот никогда не забывал этого. С тех пор – 30 лет верной мужской дружбы и общее дело.

После чайного магазина Алчевский основал общество взаимного кредита, потом с небольшим перерывом, друг за другом, торговый и земельный банки. Устав земельного банка он пишет вместе с управляющим конторой госбанка, своим старшим другом И.В.Вернадским – отцом великого ученого. Молодому банкиру всего 36 лет, он уверенно движется к цели своей жизни – создать современное, по последнему слову техники, металлургическое предприятие. Отечественное, без иностранного капитала.

А пока что скупает земельные участки возле станции Юрьевка, где не земля, а сплошное черное золото. Местные помещики пытались добывать здесь уголь и руду, но им не хватало ни деловой хватки, ни знаний. Мелкие частники быстро разочаровывались в новом деле. Тогда они обращались за помощью к земельному банку. И вскоре превращались в несостоятельных заемщиков. Говоря по-нашему, у них наступал дефолт.

Тут уже Алексей Кириллович поступал как настоящий капиталист, без сантиментов. Земля в уплату долга переходила к Алчевскому, и на этой земле хозяйничал он.

С крестьянами Алчевский вел себя по-другому. С ними он заключал договор, по которому давал новые наделы желающим продолжить кормиться землей. Тем же, кто готов был «переквалифицироваться» в пролетарию, предлагал работу на шахтах.

Что и говорить, предприятия Алчевского оживили край, где до него царили европейские предприниматели. С ними у него тоже были общие и очень серьезные дела. Но мечтой жизни, повторим, оставался завод, учрежденный без иностранного капитала, ориентированный не только на крупные железнодорожные заказы, но и на частный рынок, на малый, как бы мы сейчас сказали, бизнес. От иностранцев Алексей Кирил-

лович старался перенять достижения прогресса, умение вести дело, опыт и знания. И получалось! У местных жителей была надежная работа, росли рабочие городки с бесплатными больницами и школами. Лучшие профессионалы, лучшее оборудование, кругом сплошное электричество: все было очень современно, по последнему слову стремительного XIX века. А впереди, как Петр I на картине Валентина Серова, шагал энергичный и красивый Алексей Кириллович Алчевский.

Всего за пять лет (с 1885 по 1900 год) Донецкий бассейн во многом благодаря компаниям Алчевского по производству металла легко обскочил старого лидера – Урал с его заводами и месторождениями.

Из банка в банк перетекая...

Чтобы понять, как раскрученный бизнес Алчевского потерпел сокрушительное поражение, надо разобраться в его механике.

«Широкой рукой собирает земельный банк капиталы и столь же широкой рукой ссужает ими торговый банк», – цитата из как всегда блестящей речи Федора Плевако, на этот раз выступавшего в роли гражданского истца, гуляла по статьям судебных хроникеров. Так оно и было.

Николаевскую площадь (сегодня это площадь Конституции) Харькова до сих пор украшает двойное банковское здание, спроектированное специально по заказу Алчевского, – с внутренним переходом, по которому можно перемещаться из одного банка в другой, не выходя на улицу. Точно так же перетекали из одного банка в другой и капиталы.

Общество нуждается в земельных кредитах – к его услугам земельный банк, который по закону мог кредитовать только землевладельцев, и другими операциями ему заниматься не дозволялось. А свободных капиталов у российских земельных банков всегда было достаточно. Эти свободные капиталы не возбранялось хранить в другом банке. Понятно, что тот другой банк, торговый, их не хранил, а пускал в дело. В металлургическое дело Алчевского. Оно, подобно молоху, требовало все новых и новых жертвоприношений. Капиталы в буквальном смысле поглощались бездонными шахтами и пылающими домами. Но и отдача ожидалась несказанная – процветание края, а с ним и всех предприятий Алексея Кирилловича и его верных друзей и сподвижников.

Но промышленный кризис останавливает металлургов. Упрямый Алчевский вопреки здравому капиталистическому смыслу не хочет закрывать производство и выгонять рабочих на улицу. Он продолжает штамповать никому не нужную продукцию и складывать ее во дворах своих заводов.

Специально созданная система перетекающих сосудов, цепь кредитных и промышлен-

Алчевский слыл жестким и властным хозяином. Ни одной операции без его ведома не делалось. Ничьи возражения не принимались, непокорным грозило увольнение...

ных обществ, которые питаются средствами, принадлежащими земельному банку, оказывается бессильной и рушится. Удар приняли и другие российские провинциальные и отдельные банки, имевшие дело с Алчевским.

Харьковский крах был тщательно проанализирован современниками. Помимо вороха статей, авторы которых приняли позицию защиты, выходили и работы научного характера. Так, в 1903 году была опубликована брошюра приват-доцента Московского университета М. Герценштейна, которую специалисты оценили как обвинительное слово, по силе анализа и аргументов значительно превосходящее прокурорские речи. Герценштейн провел интересную аналогию с судебными процессами, проходившими в то же время в Германии. Все сходилось до мелочей – разорились земельные банки, но они дали старт крушению целой системы, где ипотечные операции играли второстепенную, вспомогательную роль. Все подчинилось одному сильному человеку, главному акционеру, создавшему целый конгломерат акционерных обществ, связанных между собой. И там и здесь без взлома кассы и растрат произошло потеря миллионов.

По мнению Герценштейна, Алчевского с его немецким двойником Штернбергом роднило умение распорядиться массой учреждений без всяких затрат, переводить деньги из одного учреждения в другое, везде извлекать пользу и практически овладеть капиталами, многократно превышающими собственные. И там и здесь защита объясняла катастрофу промышленным кризисом. Но никакой кризис, по мнению ученого, не может оправдать злоупотреблений. А они, конечно, были.

Умный Алексей Кириллович умело пользовался прорехами в законодательстве, поэтому придаться к нему было довольно трудно. Этого не сумела сделать даже кредитная канцелярия министерства финансов, которая была в курсе операций харьковских банков. А дыры в законах латали уже после знаменитого процесса.

Злоупотреблений и недостатков в банковской работе была найдена масса. Остановимся на лишь двух самых серьезных пунктах обвинения, которые действительно, как и во время кризиса, так и без него, крайне для кредитных учреждений опасны. Они касаются Харьковского земельного банка.

Первое. Закладывали процентные бумаги запасного капитала. Что это такое? Запасной (сегодня мы бы назвали его страховым) капитал не зря так называется, он используется в

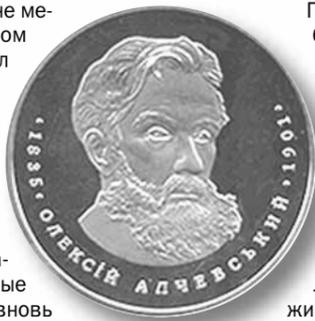
крайних случаях, прямо скажем – фантастических. Например, если вдруг сразу у всех заемщиков возникли проблемы и они не заплатили банку полагающиеся проценты и долги. У земельных банков, как пишет М. Герценштейн, запасной капитал – особый. Сумма выпущенных в обращение закладных не должна превышать более чем в десять раз сумму запасного и складочного (уставного) капитала. Над запасным капиталом нужно трясти, как Кощей над своей смертью, и хранить в заветном «яйце» – государственных ценных бумагах. Тем не менее в Харьковском земельном банке под запасной капитал выпускались процентные бумаги, закладывались, а вырученные деньги поступали в распоряжение предприятий Алчевского.

Второй важнейший пункт обвинения. Закладывали в других банках и продавали закладные листы, представленные в досрочное погашение. Как вновь разъяряет нам г-н Герценштейн, подобная операция подрывает основание, на котором построен кредит в земельном банке. Закладные листы выпускаются только под залог недвижимости и в сумме, не превышающей выданных банком долгосрочных ссуд. Каждая имеет обеспечение. Представленные к погашению бумаги – пустышки. Как выразился прокурор, это «мертвые души» банка, ведь имущество уже выкуплено из залога. Они должны уничтожаться, как уничтожается вексель по оплате долга. Но и из них выжималась монета.

Другие, мягко говоря, «недостатки» в работе банков были помельче и к краху вряд ли могли бы привести. Но и заслугами их тоже не назовешь. Например, банк из года в год переносил безнадежные долги, на возврат которых нельзя было рассчитывать. Это делалось сознательно, чтобы не понизить цену акций и не уменьшать премии управляющим. Другой «недочет»: в торговом банке членам правления и, конечно, Алчевскому был открыт широкий кредит, без оглядки на платежеспособность. Был у Алексея Кирилловича еще и корреспондентский счет, который заводили вообще-то для компаний, причем находящихся в других городах, а вовсе не для частных лиц. Кроме того, суммы из кассы выдавались ему без всяких документов, по первой просьбе возвращались бумаги, служившие обеспечением открытого ему кредита, и эти бумаги он мог вновь заложить в другом банке. И, наконец, вместо того, чтобы платить проценты, заемщики (читай – члены правления банка) отдувались обещаниями – подписывали векселя.

Они еще надеялись попрыгать

Знали или не знали соратники Алчевского о том, что происходило в банке? Защита уверяла, что «соломенные директора», десятки лет проработавшие с Алчевским, не подозревали, над какой пропастью они находятся. Обвинитель, как водится, утверждал обратное. Попробуем сделать выводы сами. Итак, на скамье подсудимых оказались члены правлений обоих банков, и оба правления состояли из одних и тех же лиц.

Практически все подсудимые были пожилыми людьми, сильно за пятьдесят, по 20–30 лет трудившимися рядом с Алчевским. Они имели отличную репутацию и пользовались в городе уважением. Были состоятельны и в банк пошли работать не за деньги. Многие оказались настоящими трудоголиками – каждый день засиживались за работой допоздна, без отдыха и выходных. В зале суда сидели их жены и дети. Кстати, подсудимые были связаны не только деловыми узами, но и семейными – приходились друг другу родственниками, шуринами, кумовьями. И еще деталь. Все они были разорены и, чтобы спасти честное имя, закладывали и продавали уцелевшие дома и имения. Один из подсудимых рассказал, что его семья живет на деньги, которые зарабатывает уроками дочь. Другой признал, что его жизнь закончена. Третий просил суд о снисхождении: мол, «пожалейте старика...»

Товарищи Алчевского находились под гипнозом его магической личности, его великого дела. Из своих друзей он тоже выстроил своеобразную иерархическую пирамиду. Были «старшие» члены правления, которые вместе с Алчевским вершили дела, и «младшие», от которых ничего не зависело.

Алчевский слыл жестким и властным хозяином. В земельном банке он председательствовал со дня основания, в торговом банке он вышел из состава правления, но продолжал им руководить. Ни одной операции без его ведома не делалось, даже пени не начислялось. Его слово – закон, он сам назначает к продаже имения, диктует решения общих собраний, назначает не самых квалифицированных бухгалтеров (чтобы нос не совали куда не следует), отчеты составляются в строгой секретности. Непокорным грозит увольнение, ничьи возражения не принимаются.

И все же соратники магната догадывались об истинном положении дел, но надеялись на то, что Алчевскому удастся невозможное. Вот получит Алексей Кириллович ссуду, мы еще попрыгаем, говорили они между собой.

Среди сотрудников Алчевского следователям все-таки удалось обнаружить настоящего вора. Верней, мелкого ворюшку – помощник бухгалтера признался, что, получая платежи по векселям, оставлял их себе. Пусть семья поживет, «все равно банку один конец» – так рассуждал единственный жулик, чьи проказы харьковские бизнесмены, занятые промышленными проектами, просто не заметили.

Жертва Рябушинских

Биографы Алчевского пишут, что суд был сфабрикован бывшими деловыми партнерами, акционерами земельного банка – братьями Рябушинскими. Более того: чтобы окончательно завладеть банком, они купили суд. Доказать подкуп судей сегодня вряд ли возможно, но существуют показания свидетелей, подтверждающие, что братья-купцы на собрание привезли вагон подставных акционеров и сфальсифицировали голосование. Именно Рябушинские добились уголовного, а не гражданского преследования подсудимых.

И большего позора невозможно было представить. Стариков-членов правления схватили рано утром прямо в постелях, провезли по городу на потеху толпе как матерых уголовников и государственных преступников, после допроса отправили в тюрьму, где они сидели по соседству с местной криминальной «звездой» – разбойником и убийцей, цыганом Сизоненко. Не пускали к ним адвокатов и нотариусов, не давали знакомиться с делом, на жалобы не реагировали.

И у защиты и у прессы имелись серьезные претензии к суду. Они возмущались навязанной «уголовщиной» и обнаружили, что один судья из сословных представителей был неграмотным. В буквальном смысле слова – не умел ни читать, ни писать. Отмечалось, что заседания начались намного раньше планировавшегося срока – не в апреле, а в январе. Как будто судей кто-то подгонял.

Судом были недовольны и те, кто обвинение поддерживал. Например, Герценштейн подчеркивал, что в прениях не выступило ни одного толкового эксперта, только бухгалтеры, да и те – работники Рябушинских. А признанный специалист по банковскому бизнесу, которому предложили стать экспертом, увидев пудовые тома дела, понял, что за короткий срок, ему предоставленный, он их просто не осилит. И отказался, сославшись на возраст и болезнь.

По приговору суда правление в полном составе садится в тюрьму, правда, на не слишком большие сроки, – кому полтора,

кому три года. Но и этого достаточно, чтобы умереть в тюрьме от сердечного приступа, как произошло с заместителем Алчевского.

И все же харьковский процесс не прошел даром. Хотя бы для законодательства. Вскоре после суда были введены дополнительные ограничения в пользовании капиталами земельных банков, запрещены кредиты для директоров и членов правления в коммерческих банках, изменен порядок собрания акционеров, расширены функции ревизионных комиссий.

Алчевский, конечно, ангелом не был. Ангелы не руководят банками и металлургическими предприятиями. Защита и обвинение спорили друг с другом: фантазер он был или новатор? Обе стороны были правы – каждая по своему. Алчевский, пытающийся построить капитализм с человеческим лицом, был бы «преждевременным человеком» даже сегодня.

Тут к его портрету стоит добавить несколько штрихов. В молодости увлекался революционными идеями и даже был на карандаше у полиции. Приобрел у своего друга скульптора Беклемишева бюст Тараса Шевченко и поставил в собственном саду, потому что другого места не было – власти не разрешили. Возводил школы, училища, больницы, библиотеки. Чем мог, помогал любимой жене Кристине Даниловне, бессменному директору женской воскресной школы, талантливой учительнице, автору учебников и прогрессивных методик обучения, известной на Украине не менее знаменитого мужа.

У Алчевских было пятеро детей, и никого, кроме старшего сына, бизнес не увлек. Певец, учитель, композитор, театральный критик, поэтесса – эти занятия им нравились больше, чем добыча угля и литье металла.

Станция Юрьевка теперь называется Алчевском, хотя ей довелось побывать и Коммунарском, и Ворошиловском. В городе стоит памятник Алчевскому, бюст его установлен и в Харькове. А два года назад Национальный банк Украины выпустил памятную монету к его 170-летию.

Бывшие предприятия Алчевского живы и периодически снабжают украинскую прессу информационными поводами. Жизнь у них беспокойная – так, в конце прошлого года металлургический комбинат Алчевска отказался покупать сырье у горнообогатительных предприятий и заключил договор с... Бразилией. Конечно, комбинаты сами виноваты – вздули цены. Вот что получается, когда у предприятий – добывающих и перерабатывающих – разные хозяева. Эх, Алексея Кирилловича на них нет... □

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Э то было во время Столетней войны между Францией и Англией. Тогда многие дворяне французской провинции Бретань выступали за независимость от французской короны. Англия, естественно, поддерживала сепаратистов. В 1343 году один из их предводителей, Оливье де Клиссон, отправился на переговоры в Париж, но там был предательски схвачен, обвинен в измене и обезглавлен.

Когда тело казненного вернули семье, его вдова, Жанна де Бельвиль, позвала двух сыновей – младшему было только семь, – и перед отсеченной головой отца и мужа все трое поклялись мстить предателям-французам.

Сначала Жанна во главе отряда верных слуг нападала на замки своих врагов. Но королевские войска шли за ней по пятам, и тогда Жанна перенесла борьбу на море. По одной версии, она продала все свои драгоценности и на вырученные деньги снарядила три корабля. По другим сведениям, корабли ей предоставила Англия. Во всяком случае, точно известно, что у Жанны было каперское свидетельство английского короля Эдуарда III – разрешение нападать на корабли Франции и ее союзников.

Так началась война ненависти на море, личная война Жанны де Бельвиль. Она сама вела свои корабли на поиски добычи, первой бросалась на abordаж, вела своих пиратов в атаку на прибрежные замки. На французском побережье ее прозвали Клиссонской Львицей. Во всех сражениях сыновья следовали за матерью.

«Флот возмездия в Ла-Манше», как назвала Жанна свою эскадру, несколько лет подряд наносил Франции ощутимый урон. Король Филипп VI послал на борьбу с Жанной несколько лучших своих кораблей, но «флот возмездия» разбил и потопил их. Тогда король выставил против «морской львицы» настоящий военный флот. Корабли мстительной бретонки были захвачены один за другим, а ее флагманское судно окружено. Казалось, спасения нет...

И все-таки Жанне с сыновьями и несколькими матросами удалось сойти в лодку и скрыться. Но беглецов подстерегала смертельная опасность: утлый челн оказался в открытом море. Шесть дней и ночей волны носили лодку, беглецы изнывали от голода и, что еще страшней, от жажды, которая переносится куда тяжелее, чем среди бескрайних вод. Младший сын умер на руках у матери. Его могилой стало море.

Наконец, показался берег. Но не английский, как надеялась Жанна, а все та же Бретань. К счастью, ей удалось укрыться у верных друзей мужа. Власть были уверены, что с Клиссонской Львицей было покончено, и не искали ее.

И все-таки с Жанной-мстительницей было покончено. После тех страшных дней в открытом море, после гибели сына, огонь мести в душе Жанны выгорел, оставив лишь пепел. Через несколько лет она начала появляться на людях – уже как Жанна де Бентли, супруга знатного дворянина Готье де Бентли. А ее старший сын Оливье де Клиссон сделался впоследствии коннетаблем, высшим сановником Франции, великодушным и беспощадным одновременно. Его замок и сегодня один из красивейших в Бретани.

Оборотни в эполетах

Место действия то же – пролив Ла-Манш, только двести лет спустя. Мореходы и купцы теперь не просто молились перед выходом в море, но писали завещания. В водах Ла-Манша появилась беспощадная морская фурия, которая не только грабила и топила захваченные корабли, но и никогда не оставляла живых свидетелей.

Так продолжалось несколько лет. Однажды испанский галеон направлялся к английскому порту Фалмут. Только вошел он в залив, как вдруг появился пиратский корабль и стремительно взял галеон на abordаж. Началась ужасная резня. И только капитану удалось спрятаться от

Кто сказал, что пиратство – не женский промысел и что женщина на корабле приносит несчастье?

Невесты Веселого Роджера

пиратов. Из своего укрытия он видел, что пиратами верховодит молодая красивая женщина. Ночью капитан выбрался из укрытия и вплавь добрался до берега. Под утро он явился прямо к губернатору Фалмута – лорду Джону Каллигрю. Губернатор заверил испанца, что сейчас же примет меры по поимке пиратов. Тут к мужу и гостю присоединилась жена губернатора, леди Элизабет Каллигрю. Испанец чуть не вскрикнул – это была та самая предводительница пиратов! Разумеется, капитан промолчал, но сразу же отправился в Лондон, где и поведал всю правду.

Началось расследование. Оказалось, что Элизабет Каллигрю была дочерью знаменитого пирата Филиппа Волверстоны. Под руководством отца она прошла отличную школу. Ее наклонности не были секретом для мужа-губернатора, он оценил выгоду преступного семейного бизне-

са. Лорд Каллигрю надежно прикрывал подвиги своей отчаянной женушки.

Вскоре супругов судили и приговорили к повешению. Мужа вскоре казнили, а жене по королевскому указу заменили казнь на пожизненное заключение.

Развод по-пиратски

У берегов Ирландии было неспокойно, процветало пиратство. Для многих кланов этот промысел стал основным источником дохода.

Глава влиятельного клана Оуэн О'Мейл скончался в своем замке, оставив сына Адульфа четырнадцати лет и девятнадцатилетнюю дочь Грейс. Старейшины клана уже собирались провозгласить преемником недоросля Адульфа, как вдруг появилась Грейс и сообщила, что у нее не меньше прав стать предводительницей клана,

чем у Адульфа. И верно, она давно ходила в море и сражалась наравне со взрослыми мужчинами. По обычаю, такие споры разрешались поединком. Брат и сестра скрестили мечи (по другим источникам, они сражались на ножах). Победила девушка. Так Грейс О'Мейл стала главой клана.

С тех пор торговым судам не было спасения в этих водах. Легкие баркасы вылетали из укрытий и быстро настигали купцов. Стрелять по ним из пушек было все равно что палить по воробьям. Настигнув добычу, пираты шли на abordаж. Впереди была Грейс с развевающимися волосами и с саблей в руке. Пираты грузили добычу на свои баркасы, а захваченное судно вместе с командой топили.

В остальном Грейс была обыкновенной женщиной: вышла замуж за вождя влиятельного клана, тоже пирата, обзавелась тремя ребятишками, овдовела. Второго муж Грейс тоже был пиратом, его звали Ричард Берк, по прозвищу Железный, потому что он всегда носил под одеждой кольчугу.

Грейс была беременна четвертым ребенком, но все равно выходила на промысел. Ей стало не нравиться, что муж проявляет самостоятельность. Развод по-пиратски выглядел так: Грейс захватила замок мужа, а его самого выгнала вон. И вдобавок взяла себе любовника – пленного испанца.

В это время власти и судовладельцы искали способ разделаться с Грейс. Для этой цели им очень пригодился отвергнутый муж, Ричард Берк. Он прекрасно знал повадки своей жены, места стоянок, подступы к замку. После стремительной операции Грейс была захвачена и отправлена в местную тюрьму. Но она недолго томилась в заточении – пираты отбили пленницу.

Имя Грейс О'Мейл дошло, наконец, до слуха королевы. Елизавета I поступила неожиданным образом: она пригласила Грейс в гости, обещая ей полную неприкосновенность. И Грейс приняла приглашение и отправилась в Лондон. Королева приняла ирландку и предложила то, что предлагала многим морякам: пиратствовать, но не грабить своих и делиться добычей с короной. Соглашались с таким предложением знаменитые капитаны и адмиралы, да еще и благодарили за милость. Но не Грейс О'Мейл! Упрямая ирландка сказала «нет» самой королеве. Елизавета была возмущена, обещание тотчас забыто, и Грейс отправилась в тюрьму.

Полтора года Грейс просидела в тюрьме и наконец дала клятву покончить с пиратством, если ее отпустят на свободу. Но как только она оказалась в родной Ирландии, опять принялась за старое. Правда, годы брали свое, да и власти действовали против пиратов решительнее. Грейс О'Мейл скончалась в своем замке в 1603 году. Развалины этого замка и сейчас показывают туристам, рассказывая о пиратских подвигах «неистойвой Грейс».

Любовь Кровавой Мэри

Считается, что коктейль «кровавая Мэри» – водка с томатным соком – получил свое название в честь знаменитой Мэри Рид. Будто бы она первой стала добавлять в ром густой сок.

Мать Мэри вышла замуж за моряка, он ушел в море и сгинул, а жена скоро родила мальчика. Вскоре вдова нашла утешение с каким-то парнем и в положенный срок родила девочку. А младший мальчик как раз в это время умер. Чтобы избежать позора и не лишиться поддержки родственников, вдова стала одевать Мэри как мальчика. В тринадцать лет Мэри уже служила выездным лакеем. Она становилась смелой и сильной, все больше привыкала к мужскому облику. Нанялась матросом на корабль, добралась до Фландрии, там поступила сначала кадетом в пехотный полк, а затем перевелась в кавалерию. Кавалерист-девица участвовала в нескольких опасных операциях и заслужила уважение солдат и офицеров.

И тут Мэри впервые влюбилась в одного офицера-фламандца, впервые почувствовала себя женщиной. Ее избранник долго не понимал знаков внимания, которые оказывает ему сослуживец. Наконец, Мэри открылась ему, и юноша ответил ей взаимностью. Скоро они вышли в отставку и поженились. Эта история надела

много шума. Офицеры полка буквально осыпали молодых подарками. Мэри с мужем открыли корчму, в которую валом валили военные и штатские, наслышанные об удивительной судьбе хозяев.

Счастье необыкновенной четы было недолгим – муж умер. Скоро был заключен мир, число военных сократилось, корчма терпела убытки. Мэри решила попытаться счастья совсем в другом месте и отправилась на корабле в Вест-Индию. На судно напали пираты, сначала Мэри (разумеется, в мужском платье) была пленником, а затем примкнула к «джентльменам удачи», назвавшись именем Мак. Пираты скоро оценили храбрость и силу нового товарища и впоследствии под присягой свидетельствовали, что никто не был так решительно настроен идти на абордаж и навстречу любой опасности, как «славный парень» Мак.

В конце концов Мэри оказалась на корабле «Дракон» капитана Джона Рекхэма по прозвищу Красавчик. Она и там зарекомендовала себя как самый отважный пират. Капитан даже спросил однажды: «Неужели ты не боишься гибели в бою? А тем более позорной казни?» На что последовал ответ: «Страху не место в сердце пирата. На свете полно негодяев, которые грабят вдов и сирот на вполне законных основаниях. Если бы не страх перед виселицей, они бы занялись нашим делом как наиболее выгодным».

У капитана Рекхэма в молодой друг, который сразу обратил внимание на Мака. Капитан Рекхэм как-то очень болезненно реагировал на симпатию своего приятеля к новичку. Но женское чутье подсказывало Мэри: дело тут нечисто, уж нет ли второй женщины на корабле?

Так и оказалось. Второй женщиной на «Драконе» была Энн Бони, незаконнорожденная дочь плантатора из Каролины. Девушка с юных лет проявила дерзкий нрав, доходящий до необузданной жестокости. Рассказывали, что однажды она рассердилась на служанку и тут же заколола ее кухонным ножом; что она искусила юношу, который повел себя с ней, как ей показалось, слишком смело.

И все-таки Энн считалась завидной невестой, отец уже выбирал ей достойного жениха. Как вдруг девушка без спросу выскочила замуж за простого матроса без гроша в кармане. Отец был так разгневан, что выгнал дочь из дома. Тут и матрос приуныл, ведь он рассчитывал на приданое. Вдвоем с Энн они отплыли на остров Нью-Провиденс, где муж надеялся найти службу.

Там-то Энн Бони и повстречала капитана Рекхэма. Не зря его прозвали Красавчиком, а еще Калико – так называлась полосатая ткань, из которой он всегда заказывал себе штаны. К тому же он вел себя как джентльмен, чем окончательно покорила Энн Бони. Она бросила мужа и последовала за своим капитаном.

Морские законы, а тем более пиратские, очень строги. Одна из главных заповедей гласит: женщине не место на корабле, если только она не пленница. Поэтому Энн переделалась в мужское платье и стала парнем хоть куда! Через некоторое время Энн забеременела, Рекхэм высадил ее на Кубе, где появился на свет ребенок. Через некоторое время молодая мать куда-то пристроила ребенка и вновь присоединилась к своему капитану. Она храбро сражалась и ни в чем не уступала матерым пиратам.

И вот пути Энн Бони и Мэри Рид пересеклись. Энн влюбилась в Мэри, полагая, что перед ней мужчина. Капитан Рекхэм уже собирался перерезать горло своему сопернику, но две женщины быстро разобрались в «комедии ошибок». Пришлось им посвятить в новую тайну и ревнивца Рекхэма. Капитан успокоился и хранил секрет теперь уже двух женщин в мужском обличье.

Но любовь посетила вновь и Мэри Рид. Среди пленных, захваченных пиратами, оказался молодой мужчина, то ли врач, то ли лоцман, то ли простой плотник. Пираты часто принуждали нужных им людей служить в своих экипажах. Этот пленник подчинился, но не скрывал, что служит пиратам через силу. Мэри сразу полюбила его, предложила сначала «мужскую дружбу», а через некоторое время – и женскую любовь. О, как волнует некоторых мужчин женщины-авантюристки! И молодой человек тоже влюбился в Мэри.

Кровавая Мэри Рид убивает на поединке обидчика своего любовника. Вверху: Капитан Рекхэм «Красавчик», на корабле которого под видом мужчин служили две женщины. Английские гравюры XVIII века

Однажды один из пиратов задел возлюбленного Мэри, тот ответил, как подобает мужчине, и завязалась ссора. Пиратский закон запрещает поединки на борту, сводить счеты с оружием в руках разрешается только на берегу. Поединок на саблях назначили на утро. Мэри пришла в ужас, когда узнала об этом. Она понимала, что у ее возлюбленного немного шансов победить отчаянного головореза. В то же время она гордилась своим избранником, бросившим вызов обидчику. Наконец, Мэри нашла выход: она затеяла ссору с этим же пиратом и вызвала его на поединок, притом на час раньше.

Утром в назначенный час скрестились два клинка. Поединок длился недолго, выпад Мэри Рид оказался стремительным и точным – пират был убит.

После этого случая Мэри и ее избранник поклялись, что отныне они – муж и

ной кровью. Даже в последнем бою обе женщины среди немногих оставались на верхней палубе корабля и сопротивлялись, в то время как большинство пиратов укрылись в трюме. Им также ставилась в вину развратная связь с мужчинами. Однако Мэри Рид заявила на суде, что никогда не сожительствовала с мужчиной вне брака. Когда ее спросили, кем же ей приходится ее любовник, она не «опознала» его. Сказала только, что он честный человек и что они собирались вместе начать честную жизнь.

У Энн Бони не нашлось даже таких оправданий. Ей припомнили, что она бросила законного мужа и бежала с пиратом. Перед казнью капитан Рекхэм умолял о свидании с Энн, и такую возможность ему предоставили. Но у подруги не нашлось для капитана иных слов, кроме горьких насмешек: «Если бы вы дрались, как мужчины, вас не повесили бы, как собак!»

В общем, «невест Веселого Роджера» тоже приговорили к повешению. Но выяснилось, что обе «морские дьяволицы» беременны! Казнь была отсрочена до родов. Скорее всего, высшую меру им заменили бы на пожизненное заключение. Но Мэри Рид об этом так и не узнала – она умерла в тюрьме от послеродовой горячки. Окончила свои дни за решеткой и Энн Бони.

Страдающая дьяволица

Совсем короткая история о другой Мэри, тоже кровавой.

В те же годы в другом районе Атлантики орудовала англичанка Мэри Линсдей на пару со своим любовником Эриком Кобхэмом. Эта Мэри не скрывала своего пола. Пиратская парочка во главе команды бригантини нападала на торговые суда у побережья Канады, затем судно с награбленным добром скрывалось в укромных бухтах.

Мэри с Эриком следовали золотому правилу: не оставлять свидетелей. Захваченные корабли они топили вместе с командой. А чтобы свидетели не выплыли, Мэри лично отрубала морякам руки.

Награбив довольно богатств, Эрик и Мэри уехали во Францию, где их никто не знал, купили прекрасное поместье недалеко от Гавра и зажили как добропорядочные господа. Правда, они так и не обвенчались.

Мэри и впрямь словно стала другим человеком. А вот Эрик... Тихая жизнь была не по нутру пирату. Он все чаще пропадал в городе, играл в карты и шатался по борделям. Наконец, он и в поместье завел гарем из молодых француенок.

Мэри просто сходила с ума от ревности, но поделаться ничего не могла. Ей хотелось то отравиться, то утопиться. В конце концов она сделала и то, и другое: приняла яд и бросилась с высокой скалы в море.

Госпожа-Невидимка

Когда с разгулом пиратов в Карибском море, в Атлантике и в Индийском океане было в основном покончено, этот промысел достиг небывалого размаха в Южно-Китайском море. Сколачивали пиратские флоты мужчины, а вот развивали дело часто женщины – вдовы или дочери пиратов.

В начале XIX века пиратский флот покойного мужа возглавила госпожа Цин. Флот составляли сотни джонок – небольших парусных кораблей с пушками на борту. Флот разделялся на три эскадры: Черная эскадра ходила под черными флагами, Красная под красными и Желтая под желтыми. Каждой эскадрой командовал адмирал.

Джонки госпожи Цин нападали на китайские и европейские корабли. Ни в открытом море, ни на рейде в порту от них не было спасения, пиратские десанты атаковали даже прибрежные деревни и города. Благодаря малому водоизмещению джонки легко входили в устья рек, поднимались вверх по течению и грабили крестьян и горожан. Чаще всего пираты посылали ультиматум местным властям с требованием выкупа. Если получали отказ, то начинался штурм. Каждый пират был вооружен двумя саблями, они болтались в ножнах под мышками, и в бою пират ловко орудовал обеими сразу. Китайцы – неважные мореходы и не слишком хорошие воины, но они могут себе позволить брать числом, а не умением. Когда китайские

жена. И эта клятва была для них священна, как церковное венчание.

Это было время усиления борьбы с пиратством. 20 октября 1720 года эскадра губернатора Ямайки окружила шлюп «Дракон», и после короткого боя корабль капитана Рекхэма был захвачен. Вся его команда во главе с капитаном предстала перед судом. Вот тогда-то и раскрылась тайна «кровавой Мэри» и Энн Бони.

С мужчинами суду все было ясно: капитана и его пиратов приговорили к повешению. Только возлюбленного Мэри оправдали, потому что он служил по принуждению и не участвовал в преступлениях.

Энн и Мэри тоже запятали себя невин-

Пиратский корабль будет атаковать торговое судно. Команда сгрудилась на носу, готовая к abordажу

пираты шли на abordаж или на штурм, то, по свидетельству одного английского моряка, «это было похоже на нашествие крыс». Захватив пленных, пираты пытались их, чтобы выведать имущество и назначить соответствующий выкуп. Если население города или экипаж корабля оказывали упорное сопротивление, пираты никого не щадили. В таком случае они должны были отрубать головы всем подряд и приносить их капитанам, получая награду, так сказать, поголовно.

Вся эта мощная пиратская организация работала слаженно и четко. При этом никто, даже адмиралы, не видел своей госпожи, все приказы доставляли ее доверенные люди. Госпожа Цин с самого начала своего правления ввела строгие законы и железную дисциплину, особенно жестоко карались неподчинение и утаивание добычи. В целом законы китайских пиратов походили на законы всех джентльменов удачи. Но «половой вопрос», естественно, был разработан госпожой Цин более глубоко:

«Строжайше запрещено удовлетворять свои желания с пленницами прямо на местах, где они были взяты в плен. Как только пленницы оказываются на борту, необходимо испросить разрешения у боцмана и подождать, пока в трюме будет отведено для этого определенное место. Кроме того, в случае отвращения пленницы, ясно высказанного ею, она имеет право покончить с собой. Любая пленница, грубо изнасилованная вопреки этим правилам, имеет право на денежную компенсацию, а насильник будет наказан смертью».

Конечно, «кодекс госпожи Цин» не мог охватить всего разнообразия пиратской жизни. Например, если оставались невыкупленные пленницы, их могли приобрести по дешевке сами пираты. В таком случае новой «семье» выделялось место на палубе – на предоставленной «жилплощади» супруги могли только сидеть, тесно прижавшись друг к другу, либо один из них мог скорчившись лежать на боку. Впрочем, и в случае «дешевой распродажи» женщина имела право отказать хозяину и покончить с собой. Пленный английский офицер был свидетелем того, как сразу несколько женщин бросились в море и утонули.

Среди пленниц однажды оказалась красавица Мей – жена чиновника, зарезанного накануне пиратами. Она досталась какому-то свирепому пирату, который сразу потащил ее в трюм. Женщина отчаянно

сопротивлялась, бросилась к борту, но пират настиг ее там, ударил со всей силы по лицу так, что кровь потекла изо рта. Тогда Мей обхватила его руками и ногами и с ликующим криком перевалилась за борт, увлекая за собой насильника. Видно, и под водой Мей не ослабила хватки, потому что оба сразу ушли на дно.

Наконец сам император выслал военный флот против пиратов госпожи Цин. Но большие и тяжелые корабли уступали в маневренности легким пиратским джонкам. Императорский флот потерпел поражение. Второй флот также был разбит. Тогда император сменил тактику: он объявил амнистию пиратам и пообещал, так сказать, «подъемные» всем, кто согласится начать мирную жизнь. Адмиралам и капитанам предлагались крупные вознаграждения и служба при дворе и во флоте. Такая политика начала приносить плоды. Третью экспедицию императорского флота против госпожи Цин возглавил уже один из ее бывших адмиралов, Цун Менсин. Он прекрасно знал тактику пиратов и их секретные стоянки. И хотя его миссия не увенчалась полной победой, силы пиратов продолжали таять.

В конце концов с госпожой Цин осталась лишь горстка самых верных пиратов и слуг. Остаток своих дней она промышляла контрабандой, хотя могла бы и вовсе уйти на покой. Награбленных богатств хватило бы на роскошную жизнь и ей, и ее потомкам.

В двадцатых годах прошлого века в тех же водах прославилась «пиратская принцесса» Лай Шо. В переводе ее имя значило «гора богатств». От отца ей достался небольшой флот парусно-моторных джонок, который она удвоила по численности. Ей приписывают разграбление и гибель 28 судов с 1921 по 1929 годы, и это только крупные корабли, не считая плавучей мелочи.

В отличие от других предводительниц пиратов, госпожа Лай Шо участвовала в походах на флагманском судне. Здесь у нее была особая каюта размером чуть больше рояля, но роскошно убранная, и еще возвышенное место на корме, где она восседала на пустом ящике, как на троне. Приказы госпожи Лай Шо сообщала капитану через служанку.

В своем доме госпожа Лай Шо всегда выглядела изысканной и ухоженной, встречала избранных гостей и родственников в белом шелковом платье с пуговицами из зеленого нефрита и в белых, тоже

шелковых, туфлях. Ей было в ту пору около сорока, но волосы ее были совершенно черными, убраны в замысловатую прическу, скрепленную драгоценными булавками. В красивых глазах светился ум, но взгляд был жестким. На борту джонки госпожа Лай Шо и ее служанки передевались в мужскую одежду, а перед боем брали в руки оружие и даже опоясывались пулеметными лентами.

Впрочем, до настоящего боя дело редко доходило. Заметив добычу, пиратская джонка пушечным выстрелом ясно выражала свои намерения. Обреченное судно останавливалось, капитан появлялся перед пиратами, и начинался торг о выкупе. Если же добыча пыталась ускользнуть, ее догоняли, грабили и топили, иногда брали пленными ради выкупа.

В ее каюте была установлена статуэтка морской богини, которой она всегда возносила молитвы. Иногда Лай Шо вдруг отказывалась от намеченного плана, казалось, верного и безопасного, объясняя это тем, что «Дао запретил это делать сегодня». Старшего сына госпожа Лай Шо хотела отправить в Америку: «Пусть торгует рисом с белыми людьми и купит себе «огромный дом» (небоскреб), который я видела на картинке». Пиратский флот решила передать младшему сыну: «Он уже учится ремеслу на одной из джонок и курит трубку, как настоящий мужчина!» Маленькому пирату было пять лет.

Тайны мадам Вонг

Возможно, читатели помнят фильм «Тайны мадам Вонг». Такая женщина, предводительница пиратов, была на самом деле, фильм основан на некоторых фактах ее биографии. Хотя реальность оказывается подчас интереснее вымысла.

Накануне Второй мировой войны китайский чиновник Вонг Кункит начал заниматься пиратством и контрабандой. А в период японской оккупации – еще и шпионажем. После войны он всплыл в Гонконге уже с состоянием в десять миллионов английских фунтов. Женится на танцовщице из ночного клуба, но вскоре пуля конкурентов поставила точку в его карьере.

Вечером к мадам Вонг пришли двое ближайших помощников покойного му-

жа. Оба хотели возглавить преступный синдикат. Мадам сидела перед трюмом и, слушая доводы претендентов, снимала макияж. Потом выдвинула ящик туалетного столика, где среди блестящих безделушек лежали два маленьких браунинга с перламутровыми рукоятками. «Беда в том, что вас двое», – сказала вдова, быстро повернулась и с двух рук пристрелила обоих.

На побережье и в устьях рек теснились сотни джонок, на которых жили, рождались и умирали тысячи китайцев. Там же сосредотачивались притоки и курительного опиума. В этих плавучих городках укрывались пиратские суда и сами пираты. Доносительство здесь каралось беспощадно. Мадам Вонг строила свою империю по законам китайских триад – еще более жестоким, чем законы сицилийской мафии.

Флот мадам Вонг был переоснащен, это были уже не джонки, а моторные катера, и вооружены пираты были скорострельными пушками, американскими винтовками и автоматами. Менялась и тактика нападений. Под видом рыболовецких судов катера постепенно стягивались к намеченной жертве, окружали корабль, затем – стремительный рывок, и пираты шли на abordаж.

Применялся и другой метод: старая парусная джонка, не внушающая подозрений, вдруг оказывалась прямо по курсу большого парохода. Капитан давал команду: «Стоп, машина!» Джонка прижималась к борту парохода, из джонки на палубу карабкались пираты. Откуда ни возьмись появлялись бесчисленные катера – пароход был обречен.

Мадам Вонг первой применила пиратский ракет. В начале 1950-х годов пароходные компании начали получать от нее такие уведомления: «Ваше судно, отплывающее тогда-то, будет атаковано. Перенос рейса вам не поможет. Но, заплатив 25 тысяч гонконгских долларов, вы обеспечите его полную безопасность». Судовладельцы подсчитали, что военный конвой обойдется им дороже, поэтому соглашались платить мадам Вонг.

«Веселая вдова» любила посещать казино Гонконга, Макао и Сингапура, где проигрывала порой баснословные суммы. Полиция имела только словесный портрет мадам Вонг, но искусный макияж делал ее неузнаваемой. Была назначена крупная награда за фотографии мадам Вонг. Через некоторое время в полицию поступил по почте конверт, в нем лежали фотографии двух расчлененных трупов с надписью: «Они пытались сфотографировать мадам Вонг».

Для нее, казалось, нет закрытых дверей – она появлялась, где хотела, и исчезала без следа. Однажды вице-президент Филиппин устроил прием для высокопоставленных гостей и дипломатов в своем загородном особняке. Среди гостей была роскошно одетая женщина, назвавшаяся мадам Сенкаку. Весь вечер она провела за игорным столом, удивляя всех крупными ставками. Проигрывая, она лишь улыбалась. «Так могла бы играть только мадам Вонг!» – заметил хозяин. Незнакомка рассмеялась: «Может, она перед вами?» Шутка всем пришлась по вкусу. Через несколько дней вице-президент получил письмо: «Благодарю за приятно проведенный вечер. Вонг-Сенкаку».

Однажды полиция была близка к разгадке тайны мадам Вонг: кто-то из ее помощников согласился встретиться с детективом. Но в условленном месте детектив нашел незадачливого информатора с отрубленными руками и отрезанным языком. Он был еще жив, но сказать уже ничего не смог.

В 1970-х годах о мадам Вонг почти ничего не было слышно. Одна газета даже написала о ее смерти. На другой день в редакции раздался взрыв: мол, не дожидетесь!

Свой капитал мадам Вонг вложила в рестораны, казино и публичные дома. Вполне возможно, что она жива до сих пор. Ей должно быть за восемьдесят, и она еще способна наслаждаться роскошью и азартом рискованной игры.

Сергей МАКЕЕВ: WWW.SERGEY-MAKEEV.RU,
POST@SERGEY-MAKEEV.RU.

Иллюстрации из архива автора

ИЗ СОБРАНИЯ И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА

ИЗ СОБРАНИЯ И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА

Модистка-декабристка

Новое в известной истории француженки Полин Гебль, отправившейся 180 лет назад в сибирскую ссылку вслед за своим возлюбленным Иваном Анненковым

Валерий ЯРХО

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

История любви Ивана Александровича Анненкова и Полин Гебль, казалось, давно известна. Александр Дюма-отец написал о ней роман «Учитель фехтования», и уже на нашей памяти был снят фильм «Звезда пленительного счастья». Но Дюма, как и подобает романисту, многое придумал и добавил «от себя», а в фильме Владимира Мотыля Ивану Анненкову и его Полине уделено не так много внимания: это лишь одна из сюжетных линий. Так что на самом деле в известной истории много неизвестного.

Милостью Наполеона

Семья Ивана Александровича Анненкова была невероятно богата даже по меркам московского барства. Ванечка рос и воспитывался дома, под надзором иноземных гувернеров и учителей. Достигнув пятнадцати лет,

В фильме Владимира Мотыля образы влюбленных воплотили Эва Шикуньска и Игорь Костолевский

РИА НОВОСТИ

в 1817 году стал посещать лекции в Московском университете. Но курс не закончил и в 1819 году поступил юнкером в Кавалергардский полк. В те поры Иван Анненков стяжал себя славу светского шалопаю, со всем пылом молодости предаваясь пирушкам, интрижкам с красавицами и карточной игре. Казалось, он пропал, когда стал участником дуэли: его вызвал Ланской, приревновавший к нему свою невесту, княжну Урусову. Приняв вызов, Иван Александрович стрелялся и убил соперника. За участие в дуэли со смертельным исходом полагалась смертная казнь. При смягчающих обстоятельствах (все же вызвали его, а не он) Анненкову грозило многолетнее заключение в крепости, в лучшем случае разжалование в солдаты. Но его лишь продержали три месяца на гауптвахте. Причиной такой снисходительности к Анненкову было благоволение императора, которому очень нравилось, как умел танцевать

этот молодой красавец-кавалергард. Когда на балу доходил черед до мазурки, императору специально напоминали об этом, и он, оставив своих партнеров по картам, шел специально полюбоваться на Анненкова, который обычно танцевал мазурку в паре с великой княжной Александрой Федоровной.

Летом 1825 года Анненков был назначен в «полковые ремонтеры» — ему поручили произвести закупку лошадей для Кавалергардского полка. В июне, будучи проездом в Москве, в модном магазине фирмы Дюманси на Кузнецком мосту он увидел служившую там Полин Гебль. Полин к тому времени прожила в России уже около года и достаточно хорошо разбиралась в реалиях местной жизни, чтобы тешить себя иллюзиями относительно перспектив романа с русским дворянином. Московские француженки ей все уши прожужжали о том, что русские дворяне легко вспыхивают, бывают щедры и

милы некоторое время, но потом столь же легко бросают своих избранниц, совершенно не интересуясь, как они живут потом, когда их репутация загублена.

Полин Гебль, или, как писали в ее русском паспорте, Полина Поль, была двумя годами старше Анненкова и неизмеримо опытнее его. У себя на родине ей рано пришлось столкнуться с неприятными сторонами жизни и стать самостоятельным человеком. Отец Полин был офицером императорской армии и после революции попал в тюрьму, из которой чудом вышел живым, с клеймом изгоя. Но во время испанского похода в 1809 году полковник Гебль пропал без вести, и мать Полин в 27 лет осталась вдовой с четырьмя детьми. Лишь благодаря личному участию Наполеона семье полковника Гебль было выслано 12 тысяч франков единовременного пособия и положена пенсия в 2 тысячи франков. Кроме того, Полин и ее сестру приказано было принять в пансион для сирот кавалеров ордена Почетного легиона, а братьев Полин обещано было, как подрастут, отправить в военное училище Сен-Сир.

Относительное благоденствие семейства и учеба сестер в пансионе продолжались недолго — Полин исполнилось пятнадцать, когда империя, созданная Наполеоном, прекратила свое существование, а вместе с ней пропали и пенсия, и пансион, и училище для мальчиков. Полин поступила на службу в парижский коммерческий дом, с которым подписала контракт ее матушка. Условия были весьма жесткими: шесть рабочих дней в неделю, жить надлежало при торговом доме, и даже в воскресенье девушка не имела права отлучиться без разрешения хозяев. Вскоре ей до смерти надоела каторжная жизнь. Она решила уехать куда-нибудь подальше и, узнав, что торговый дом Дюманси набирает работников для большого склада товаров и магазина в Москве, на Кузнецком мосту, Полин подписала новый контракт. В 1824 году под именем Полин Поль она приехала в Россию.

Кавалергарда век недолг

Все попытки ухаживания, предпринятые избалованным женской уступчивостью кавалергардом, были тщетны. Даже когда он обещал жениться, Полин не дрогнула и отбила этот приступ простенькой просьбой: прежде чем пойти под венец, она желала быть представленной его матушке. Полин знала, что Анну Ивановну Анненкову в Москве называют за глаза «королевой Голконды» — за вызывающе роскошный образ жизни и невероятное самодурство. Поручик боялся своей мамаши как огня, и одна мысль о том, чтобы представить ей француженку-продавщицу в качестве невесты, казалась ему самоубийственной. На этом этапе процесс ухаживания застопорился, и они расстались. Как оказалось, ненадолго — встретились в Пензе. Анненков был командирован на тамошнюю ярмарку для «ремонта» — закупки новых лошадей для полка, а Полин была старшей продавщицей в лавке французских товаров, открытой на время ярмарки фирмой Дюманси.

Ухаживания молодого человека наконец нашли отклик в душе француженки, а окончательно их соединила почти детективная история. Дело в том, что «полковые ремонтеры», имевшие на руках большие суммы казенных денег, были одной из главных мишеней шулерских шаек, промышлявших на ярмарках. Как оказалось, вслед за Анненковым на ярмарку выехала компания игроков, которая уже однажды «пощипала» молодого человека в Петербурге, выиграв у него 60 тысяч.

Модные магазины, вроде того, в котором служила Полин, были своего рода светским клубом, а потому до ушей Полин долетели обрывки разговоров игроков. В назначенный для игры вечер Полин зазвала поручика в гости, и шулера зря прождали Ивана Александровича — тот остался у нее на ночь. Это свидание и стало точкой отсчета их отношений.

В Москву Полин и Анненков прибыли только в ноябре. Здесь их и застало известие о кончине императора Александра I, которое, как заметила Полин, озаботило ее друга. Несколько дней кряду в доме у Анненкова сходились молодые офицеры, вели между собой разговоры, из которых Полин поняла, что Иван Александрович состоит членом какого-то тайного общества и внезапная смерть императора почему-то грозит ему бедой. Вскоре поручик засобиравшись в Петербург — 2 декабря он выехал, но в спешке забыл порт-

Декабристы в камере Читинского острога (акварель декабриста Н. Репина): слева Анненков полулежит и читает книгу; за столом Никита Муравьев и Вадковский играют в шахматы. На кровати справа сидит Баратынский

фель, в котором было более 70 тысяч рублей, и с первой станции вернулся за ним. Как потом оказалось, это была последняя возможность обнять любимую на воле. Он уехал в Петербург, а она, будучи уже беременной, осталась в Москве ждать от него вестей. Но вместо писем от Анненкова пришли известия о восстании в Петербурге. О судьбе Ивана Александровича ничего не было известно, и она жила, терзаемая этой неизвестностью.

Приехав в Петербург, Анненков 12 декабря явился на собрание заговорщиков, проходившее в доме князя Оболенского, и, когда речь зашла о вооруженном восстании, резко высказался против. Он пояснил, что солдаты его Кавалергардского полка не расположены к выступлению, а само выступление называл «большой ошибкой, предприятием, обреченным на неудачу». В самый день мятежа, 14 декабря 1825 года, он не был в рядах мятежников. Поручик Анненков явился на площадь со своим полком, занимая место по боевому расписанию, как офицер 5-го эскадрона Кавалергардского полка, и стоял со своими солдатами возле дома Лобановых, на углу Невского проспекта. Когда на Сенатской площади было все кончено, Анненков вместе с полком вернулся в казармы, и еще пять дней его никто не тревожил. Лишь поздним вечером 19 декабря за ним пришли. Командир эскадрона Фитингов доставил его во дворец, и Анненков оказался в комнате, где находилось несколько его товарищей, также участников тайного общества, — их имена называли на допросах те декабристы, которые были арестованы раньше.

Первые сведения о положении Анненкова после восстания привез в Москву знакомый Ивана Александровича, Стремоухов: его брат видел Анненкова в Главном штабе после ареста. Полин готова была немедленно ехать в столицу, чтобы искать его, но для этого не было возможности. Деньги, которые оставил Иван Александрович, были прожиты, и Полин, будучи беременной на последних сроках, принуждена была снова пойти служить к Дюманси.

Не имея возможности ехать сама, она решила направить в Петербург доверенного человека. Перед отъездом гонца Полин послала его в дом матери Анненкова, чтобы спросить, не изволит ли Анна Ивановна чего передать сыну? Но «королева Голконды» была до крайности эгоистична и оберегала себя от всякого беспокойства. Достаточно сказать, что о смерти ее сына Григория, убитого в 1824 году на дуэли, ей рискнули сообщить лишь год спустя, и теперь она ничем не желала знать, что там случилось с ее вторым сыном.

11 апреля у Полин родилась дочь. Роды прошли тяжело, и более месяца роженица не вставала с постели. В довершение бед ее опять настигла крайняя нужда — те, кого она почитала друзьями, отвернулись, служить ей было не по силам, все ценное имущество было заложено, и жила она только из милости стариков-французов Шарпантье, помогавших ей. Да еще из дома Анненковой приходила горничная, то ли из сострадания, то ли по наущению: очень многих в Москве сильно встревожило рождение дочери Ивана Александровича. В сплетении интриг, разворачивавшихся вокруг наследства, появилась новая фигура, и всех Анненковых страшно интересовало: законнорожденное это дитя или нет? Если бы Полин и Анненков были венчаны, то она, как мать его ребенка, по закону могла бы претендовать на седьмую часть имущества, а дочь становилась прямой наследницей и основным претендентом на все, что останется после бабушки. В это время к Полин зачастили родственники Анненковой, и все в один голос советовали крестить дочку в православии. Полин согласилась.

Едва оправившись от болезни, она стала собираться в дорогу. Родственники переполошились пуще прежнего: «Вы можете повредить Ивану Александровичу — вы француженка, а у нас всех французов считают великими. Ему только прибавится беды из-за связи с либералкой». К тому моменту уже ничего не могло ухудшить положение Анненкова. 13 июня 1826 года всем обвиняемым по делу тайного общества были вынесены приговоры, и Иван Александрович был осужден как государственный преступник второго разряда. Решением суда его, лишив дворянства и чинов, приговорили к ссылке в каторжные работы сроком на 12 лет с последующим выходом на поселение.

Во глубину сибирских руд

Гельб не была родственницей Анненкова, а потому на официальное свидание надежды было мало. Но она так надоела чиновникам своею назойливостью, что о ней доложили императору. Николаю приказал оставить француженку в покое.

По подсказке друзей Полин завела знакомство с плац-адъютантом Подушкиным — этот офицер «брал» и за это оказывал услуги, да к тому же его дочь, некрасивая перезрелая девица, влюбилась в одного из арестованных декабристов. Связавшись с Подушкиным, Гельб получила возможность подкармливать Анненкова, как это делали родственники остальных арестантов.

9 декабря 1826 года слуга Анненкова сообщил ей, что барин пытался покончить с собой. По Неве шел сильный лед, и лодочки отказывались везти ее к другому берегу. Почти не говоря по-русски, она вынула из кошелька 25 рублей, и один из перевозчиков, соблазни-

вшись, взялся доставить Полин к крепости. Пробившись сквозь невский ледоход, у ворот главной крепости страны так же, не тратя слов для убеждения, она дала денег часовому. Около полуночи она подошла к дому, в котором размещались офицеры. Она пришла в спальню, разбудила знакомых и стала спрашивать об Иване Александровиче. Ей рассказали, что он пытался повеситься на полотенце, но оно оборвалось. Полин попросила о свидании и, видя колебания офицера, тут же вынула из кошелька сторублевую ассигнацию. Тот отправился за Иваном Александровичем. Придя ночью в тюрьму, офицер свободно вывел из нее Анненкова и доставил в какой-то закулок, на задах офицерских корпусов. Потом офицер отвел Анненкова обратно, а сам вернулся и, выведя Полин из крепости, проводил до квартиры. Полин присела к столу, чтобы написать Анненкову несколько строк, которые взялся передать «прикормленный» офицер, но тут раздался шум, звон колокольчиков и посвист ямщиков. Перепуганный гость Полин бросился на улицу, а когда вернулся, сообщил ей ужасную новость: из крепости отправили куда-то партию арестантов, среди которых был и Анненков.

Утром Полин кинулась к родственнику Ивана Александровича, Николаю Николаевичу Анненкову, состоявшему адъютантом при великом князе Михаиле Павловиче. В этот момент она походила на помешанную — одетая в мужской халат Анненкова, который любила носить дома, приехала во дворец великого князя. Николай Николаевич обещал узнать, куда отправили арестантов. Спустя час он сообщил — их повезли в Сибирь. Сразу от Николая Николаевича Полин отправилась нанять лошадей и поспешила на первую от Петербурга станцию. Каторжников она там не застала, но, посмотрев в почтовую книгу, узнала: Ивана Александровича и его товарищей везет фельдъегерь Желдыбин и направляются они на Омск, Красноярск, Иркутск.

После отъезда каторжников оставаться в Петербурге было незачем, и Полин вернулась в Москву. Она поехала прямо к Анненковой и высказала пожелание следовать за Иваном Александровичем.

Тем временем родня Анненковых с увлечением принялась хлопотать о деньгах, отобранных у Ивана Александровича при аресте: у него изъяли ломбардные билеты на 60 тысяч, которые предназначались им для обеспечения будущности Полин и ее ребенка. Мать писала императору, прося отдать эти деньги ей, а родня обхаживала Полин, прося ее отказаться от них. Деньги уже перешли в руки Анненковых, но они опасались, что Полин заявит претензию. Потом мать объясняла, что эти 60 тысяч нужны ей для покрытия процентов на одном из имений, продав которое она потом намеревалась положить деньги на имя Полин. Но и по прошествии многих лет так и не собралась сделать это.

Мастерица на все руки

Еще несколько жен людей, замешанных в «политическое дело», собирались следовать за своими мужьями, а потому обращались к императрице с просьбой о помощи. Полин, которая никем не доводилась Анненкову, была лишена и этой возможности, а потому весной 1827 года она решилась на отчаянный шаг: узнав, что в мае император будет на маневрах в Вязьме, она собралась ехать туда и просить лично Николая Павловича о разрешении следовать за Анненковым.

Снова в ход были пущены связи французской колонии в Москве и в самой Вязьме, где гостиницу содержал француз. Она встретила с метрдотелем императора, меся Мюллером, который служил еще при Александре. Полин познакомилась с ним на балу французской колонии, еще в тот год, когда приехала в Россию. Она спросила совета у Мюллера, и тот, подумав, рекомендовал начать дело, обратившись к флигель-адъютанту императора князю Лобанову-Ростовскому, так как он любим государем и в большом у него доверии.

Не сразу Полин удалось подойти к князю — целых семь дней она караулила возле дома, а на восьмой день застала его у крыльца, разговаривающего с крестьянами. Когда князь узнал, что Полин готова разделить участь Анненкова, не будучи его супругой, он, по-видимому, был поражен. Он обещал помочь и советовал писать прошение с припиской «в собственные руки его величества». На следующий день с готовым прошением она была у подъезда, когда государь садился в коляску. Полин едва не упала в обморок: император сам подошел к ней и спросил, что ей угодно. Собственно, это был ритуал — император уже объяснил суть просьбы, и его благосклонность вселяла надежду на то, что прошение будет удовлетворено. В этом уверил Полин и метрдотель Мюллер, который вечером пришел ее поздравлять. Однако официального ответа дано пока не было, и она вернулась в Москву, прибыв туда как раз на Троицын день.

Ждать пришлось долго — лишь в ноябре Полин Гельб, или, как ее упорно продолжали величать в деловых бумагах, «Полине Поль», было дано высочайшее дозволение следовать в Сибирь, на Нерчинские заводы. Там отбывал наказание государственный преступник Анненков, который, «будучи спрошен, изъявил желание вступить с означенной Поль в законный брак». Вадковская, крестная мать Ивана Александровича, дала 2 тысячи рублей, ее дочь, Елагина, еще тысячу. Они считали Полин настоящей героиней. А матушка Ивана Александровича, Анна Ивановна, не дала ни копейки. Правда, послала с нею до Иркутска двух своих дворовых, чтобы проводили и помогли.

Деньги пришли к Полин совсем с неожиданной стороны. Спустя неделю после указа о

разрешении ей следовать в Нерчинские заводы Полин вызвал к себе московский обер-полицмейстер Шульгин. В канцелярии ей выдали все необходимые документы для проезда и проживания, и лично обер-полицмейстер вынес ей три тысячи рублей сторублевыми ассигнациями. Он подал деньги вместе с бумагой, сплошь исписанной цифрами, и пояснил, что деньги на дорогу и обзаведение жалует государь император Николай Павлович из личных сумм, а на бумаге выписаны номера сторублевок, выдаваемых ей. При этом, усмехнувшись, Шульгин прибавил: «Государь, вероятно, не очень доверяет своей полиции».

Провожать Полин пришло множество народу, но, как все ни старались поддержать ее, она была сама не своя: в Москве оставалась дочь. Везти ее в Сибирь было безумием. Рыдающую Полин усадили в карету. В ночь на 23 декабря 1827 года она выехала из Москвы. В легоньких повозках эта женщина проделала трудный и длинный путь через всю Сибирь и добралась в Читу лишь 5 марта 1828 года – подгадав точно ко дню рождения Ивана Александровича.

В Сибирь Полин приняла православие и стала зваться Полиной Егоровной, а после того, как их повенчали в читинской церкви, уже во всех бумагах писалась Полиной Егоровной Анненковой. Перед венчанием жениха и шаферов – таких же каторжан Свистунова и Муравьева – расковали, а по завершении церемонии снова заковали. Новобрачный пробыл с супругой не более получаса у нее на квартире, а на длительное, двухчасовое свидание его привели только на другой день. Так они стали жить-поживать.

Полина Егоровна очень скоро стала весьма популярна среди жен декабристов – сказалась выучка. Она умела стирать, шопать, шить, отлично готовила. Так что, несмотря на то, что они с Иваном Александровичем были беднее остальных, жилось ему гораздо лучше, чем всем прочим. Достаточно сказать, что казенной пищи Анненков не кушал – ему присылала еду Полина Егоровна. Деятельная француженка завела корову, разбила огород. Русские дворянки старались как могли, но за Полиной им было не угнаться. Она первая во всей Чите устроила у себя в доме настоящую кухонную плиту, и дамы сходились к ней брать уроки кулинарии – учились варить суп, печь пироги, делать жаркое. Но воспитание сказывалось, они брезговали брать в руки сырое мясо или ощипывать еще теплую курицу.

В том же, 1828 году Полине Егоровне удалось добиться возвращения тех 60 тысяч рублей, которые были отобраны при аресте у Ан-

ненкова. Кроме того, она дала дочери фамилию мужа. Для этого ей снова пришлось писать императору, и Николай Павлович был снисходителен. «По наведенной справке оказалось, что при аресте Анненкова у него было отобрано ломбардных билетов на 60 тысяч рублей, 8310 рублей ассигнациями и 2 рубля 50 копеек серебром. Из них по долговым обязательствам было уплачено 6823 рубля, а оставшиеся после осуждения Анненкова деньги были препровождены его матери» – этот рапорт был получен Николаем на борту корабля «Париж», стоявшего на рейде порта Варна, и там же была наложена резолюция от 11 сентября 1828 года: «Справедливо. Спросить у матери Анненкова, согласна ли она возратить жене его 60 тыс. рублей и желает ли, чтобы дочь их, прижитая до осуждения, носила имя Анненковой».

На деньги, отобранные при аресте, как и на все имущество Анненкова, претендовали родственники. Всем спорам положил конец указ императора: «Чтобы найденные в имуществе преступника Анненкова 60 тысяч рублей были истребованы обратно от наследников и отданы жене его, Полине Анненковой. Прижитой же с нею преступником Анненковым дочери позволить носить фамилию Анненкова, не предоставляя ей, впрочем, никаких других прав по рождению, в том числе и права наследования». После этого указа в Симбирск, где жил кузен Ивана Александровича Н. Н. Анненков, прибравший к рукам те 60 тысяч, был послан жандармский полковник, который и истребовал с него всю сумму в наличных деньгах. Изъятая сумма была отвезена в Петербург и сдана в канцелярию государя. Оттуда деньги отправили в Читу, где их получил генерал Лепарский и лично привез Полине Егоровне. Эти 60 тысяч отправили обратно в Москву, где их поместили в банк, а в Сибирь высылали проценты, на которые Анненковы и прожили весь свой долгий срок каторги и последовавшей ссылки.

Предводительница дворянства

Тут надо уточнить, что для сосланных в Сибирь по «политическому делу» все было не так уж страшно. В записках декабриста М. А. Бестужева, отбывавшего наказание вместе с Анненковым, остались довольно занятные описания этой каторги: «От лязны получали мы по 3 копейки ассигнациями и на 2 копейки муки. По положению варить и печь должны были мы сами, но когда мы прибыли в Читу, кухни еще не выстроили, а потому кушанье варили

на подяре у горного начальника Читы Смолянинова, на дочери которого потом женился Завалишин». То есть питание арестантов до приезда к ним жен находилось в руках милейшей Фелицаты Осиповны Смоляниновой – сводной тетки Анненкова и покровительницы арестантов. Что касается самих работ: «В Чите нас водили на земляную работу – но это была только приятная прогулка – мы выходили с книгами в руках и располагались в тени для чтения. Охотники равняли дорогу. На Петровском заводе, куда нас перевели из Читы три года спустя, для работ была устроена мельница с ручными жерновами, на которой, ежели нам было угодно, то мололи, для моциона». От «близкого общения» ссыльных с женами еще в Чите, к немалому смущению начальства, стали один за другим родиться дети. Полина Егоровна родила дочь Аннушку.

Перевод на Петровский завод расстроил декабристов и их близких – все-таки они уже обжились в Чите, завели кое-какое хозяйство, которое пришлось бросить. Да к тому же климат местности, в которой был устроен Петровский завод, был много хуже читинского, а потому все тужили об этом переезде, но, как оказалось, напрасно. На новом месте все обустроилось, а так как завод был еще дальше от начальства, чем читинский острог, то постепенно, легальными и тайными усилиями, жизнь арестантов была облегчена. Постепенно им позволили иметь книги, писать, читать. Полина Егоровна Анненкова была неистощима на выдумки и, по общему признанию, умела «устраивать самые разные дела». Эта дама обладала чрезвычайными пробивными способностями, а главное, затвердила урок жизни в России: дав денег, можно добиться чего угодно. На жизнь она смотрела со здоровым цинизмом, и потому к ней обращались за помощью в таких делах, с которыми к кому-то не подойдешь. Именно она взялась решить проблему мужского одиночества каторжников. Эту тему как-то не принято затрагивать, но следует признать, что после того, как к нескольким каторжникам приехали жены, остальные оказались в незавидном положении. Личная жизнь товарищей протекала практически у них на глазах, а оттого переносить одиночество молодым, полным сил людям было труднее. Анненкова нашла выход: она наняла здоровую девку, подкупила водовоза, доставлявшего воду в острог, дала денег часовым у ворот, и ту девку в пустой бочке вечером ввезли в острог. Утром героическую утешительницу вывезли в той же бочке. Впоследствии подобный

трюк удалось повторить несколько раз в полной тайне. Потом начальство все же прознало об утехах арестантов, однако шума поднимать никто не стал – видимо, командование расценило, что так будет проще: одной проблемой меньше, пусть себе.

Иван Александрович отбыл на каторге десять лет и был выпущен на поселение. Потом ему разрешили поступить в статскую службу, они с Полиной Егоровной осели в Тобольске, зажили скромно, душа в душу. За те тридцать лет, что они прожили в Сибири, Полина Анненкова-Гельб родила мужу много детей, из которых выжило шестеро. Дети получили приличное образование, дочери достаточно удачно вышли замуж. Анненковы уже в 1850-х годах вернулись из ссылки, а так как жить в столичных городах им было запрещено, то поселились в Нижнем Новгороде, где Иван Александрович несколько раз был избираем предводителем уездного дворянства и служил при губернаторе Муравьеве, также бывшем декабристе. Имущество, оставшееся от матери, им пришлось добывать путем судебной тяжбы, ибо родственники сумели-таки оформить опеку над частью наследства Анненковой, которая под старость лет разорилась совершенно. Ивану Александровичу удалось отстоять выплату 100 тысяч рублей для себя и такой же суммы для старшей дочери, а кроме того, ему перешли несколько имений.

Любопытно, но «декабрист» Анненков как барин проявил себя расчетливым и жестким хозяином, не давшим крестьянам никакой поправки в отношении недоимок, поборов и прочего. Он строго взыскивал с нерадивых старост, а в письмах к старшему сыну наставлял его применять самые решительные меры для ликвидации крестьянской задолженности и рекомендовал «особенно не церемониться в выборе средств».

Полина умерла первой, в сентябре 1876 года, но вместе с ее смертью кончилась жизнь и для Ивана Александровича: повредившись рассудком, он гнал прочь людей, приехавших выразить сочувствие, чужил в церкви при отпевании. Впав в безумие, он прожил на попечении детей чуть больше года, после чего и сам в январе 1878 года покинул этот мир. Похоронили их рядом, на кладбище нижегородского Крестовоздвиженского монастыря. В советское время прах обоих был перенесен на Бугровское кладбище. Внуки Анненковых после революции покинули страну и осели в эмиграции, опубликовав за границей воспоминания о бабушке и дедушке. □

ИГРОТЕКА

Complex table with multiple columns and rows, containing names, dates, and various annotations. Includes a vertical label 'ПРОФИЛИ' on the left side.

Аквариум

У. ЛИНК, Р. ЛЕВИНСОН

Рисунок Юлии ГУКОВОЙ

Джимми стоял в холле отеля «Пасифик» и смотрел на нескончаемый поток машин,двигающийся по Уилшайрскому бульвару на запад. Время от времени кто-то нажимал на газ, и мимо отеля на большой скорости пролетали огромные лимузины с откидным верхом и гоночные модели, за рулем которых сидели загорелые мужчины со скучающими выражениями на лицах. Стемнело, ветер с океана пах солью.

Джимми задумчиво следил за широкой рекой машин, текущей по бульвару. Живут же люди, думал он! Поужинать лобстером в каком-нибудь ресторане на берегу, потом расстелить на песке одеяло и пару часов поваляться на нем с женой и детьми. Классная жизнь, что и говорить! С океана дует освежающий ветерок, карманы набиты хрустящими долларами.

Джимми отвернулся от стеклянных дверей и оглядел пустой холл. Несмотря на раннее время, только девять часов, в гостинице уже никого не было. Наверное, постояльцы после ужина завалились спать, решил он. А что им еще остается делать, только есть и спать! Он опять повернулся к улице и посмотрел на свое отражение в темном стекле. На него смотрел высокий мужчина лет пятидесяти пяти с суровым лицом и начавшими редеть седыми волосами. В фуражке и синей форме швейцара, которые сидели на нем как влитые, Джимми был похож на летчика или моряка.

Негромко напевая, Джимми опять посмотрел на машины. Шла первая неделя его работы ночным швейцаром в отеле «Пасифик». Платили немного, но это было лучше, чем случайные заработки или работа лифтером в дешевых мебелирашках. Он увидел объявление в газете и позвонил по указанному номеру. Мистеру Кингу, управляющему «Пасифика», срочно требовался швейцар. Прежний, молодой парень, неожиданно исчез, и Кинг решил на этот раз взять человека постарше.

В теплых сумерках по Уилшайру тек нескончаемый поток машин. Джимми грустно смотрел на бульвар. Ему всегда не везло. Он считал себя жертвой стечения неудачных обстоятельств. Сейчас, на шестом десятке, ему уже не на что было надеяться. У него не было ни жены, ни друзей, ни денег. Только социальное обеспечение и однокомнатная каморка в доме без лифта в Санта-Монике. Не стоит жаловаться, подумал он, ведь жизнь могла сложиться и хуже.

Джимми подошел к стеклянной стене и посмотрел на внутренний двор. Маленький островок зелени с бассейном с трех сторон окружали квартиры. В фиолетовом свете тускло зеленели кусты, бассейн освещался снизу.

Кто-то стоял нагнувшись над маленьким овальным прудом с рыбками, расположенным рядом с бассейном. Кому могло прийти в голову разглядывать карасей в такой час, удивился он. Может, кто-то выпил лишнего и теперь не может добраться до дому?

Джимми тихо открыл дверь и вышел во двор. Подойдя ближе к бассейну, понял, что это женщина. Она низко нагнулась над водой и что-то тихо бормотала. В одной руке держала маленький круглый аквариум с карасями, а вторую опустила в воду и водила по ней сачком.

– Извините, мэм... – негромко произнес Джимми.

Женщина резко повернулась и испуган-

но воскликнула:

– Кто здесь?

Она смотрела на него через толстые очки. На вид лет шестьдесят пять, подумал он, строгое лицо, седые волосы.

– Кто вы? – спросила она.

– Новый швейцар, мэм. Могу я поинтересоваться, что вы делаете?

– Ловлю своих рыбок, – женщина показала на аквариум, в котором плавали три рыбки.

– Простите, мэм, – вежливо извинился Джимми, – но эти рыбки принадлежат мистеру Кингу. Он не обрадуется, когда узнают, что жильцы ловят его карасей.

– Наверное, мне лучше все объяснить, – улыбнулась седая женщина. – Это мои караси. Я обычно выпускаю их к рыбкам мистера Кинга, когда уезжаю в Сан-Франциско навестить сестру. Мы заключили с мистером Кингом соглашение. Он каждый день кормит своих рыбок. Когда я уезжаю, то выпускаю в пруд и своих карасей, чтобы он кормил и их.

– Вот оно что, – протянул Джимми. – Я этого не знал. – Он дотронулся до козырька фуражки. – Извините за беспокойство, мэм.

– Ничего страшного. Я понимаю, что вы приняли меня за воровку. Час назад я вернулась из Сан-Франциско и хотела выловить карасей, прежде чем станет холодно.

– Я и не знал, что они боятся холода, мэм.

– Ну, честно говоря, они не так уж и бо-

ятся холода. Просто мне нравится носить-ся с ними.

Джимми прислонился к стенке пруда и достал трубку.

– У меня у самого когда-то были маленькие рыбки, – вздохнул он, – но они сдохли. Как-то пришел домой с работы, а они плавают брюшком вверх. Наверное, не хватило кислорода.

– Какой ужас! – воскликнула женщина. – Нужно было обязательно опустить в аквариум водоросли. Они питают воду кислородом. – Она подозрительно посмотрела на Джимми и строго осведомилась: – А вы каждый день их кормили?

– Каждый день, мэм... Вы правы. Они умерли, наверное, из-за отсутствия водорослей.

Старуха торжественно кивнула, потом взяла сачок и попрощалась:

– Мне пора кормить их. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – простился Джимми. – Извините, что напугал вас.

Она улыбнулась, засемила по дворику, крепко прижимая к груди аквариум, и скрылась в здании.

Джимми закурил трубку и подумал: милая старуха. Наверное, живет одна и ухаживает за карасями, чтобы хоть как-то скрасить одиночество. Он вспомнил стариков, которые прогуливались с кошками и собаками. С годами люди все больше нуждаются в друзьях.

В окне последнего этажа загорелся свет. Старуха прошла мимо окна со своим драгоценным аквариумом. Джимми со вздохом уселся на каменную стенку пруда. Может, и мне следует завести несколько маленьких рыбок, подумал он. Хотя немного оживят скучную квартиру.

Когда свет в окне погас, Джимми вернулся в холл. Он выбил пепел из трубки в пепельницу и вернулся к стеклянным дверям, чтобы посмотреть, как машины движутся в сторону океана.

Прошло несколько недель. Время от времени Джимми видел хозяйку карасей. Иногда, вечерами, она сидела у пруда и наблюдала за рыбками, подставляя лицо освежающему ветерку с океана. Джимми выходил к ней, закуривал трубку, и они несколько минут болтали в синих сумерках. Примерно в одно и то же время старуха уходила кормить карасей.

Порой она надолго исчезала. Мистер Кинг объяснил, что она навещает свою сестру в Сан-Франциско и всегда выпускает в пруд своих рыбок. Они у нее крупнее остальных и всегда держатся особняком, как аристократы.

Однажды вечером Джимми увидел, как она в поношенном черном пальто устало вошла в холл с улицы.

– Что-нибудь случилось, мэм? – вежливо поинтересовался Джимми, заметивший, что она чем-то раздражена.

– Немного разозлилась на себя. Отправилась аж в Северный Голливуд за кормом, а магазин по пятницам работает до шести.

– Продержитесь выходные без корма?

– Да, – женщина устало кивнула. – Корма хватит на несколько дней.

– Вы, должно быть, хорошо их кормите, – похвалил ее Джимми. – У ваших рыбок цветущий вид.

Старуха снова рассеянно кивнула. Джимми заметил, что она его не слушает. Она пристально смотрела на темную улицу.

– Джимми, – неожиданно обратилась она к нему, – я скоро опять уеду к сестре. Недавно все газеты писали о серии краж на Уилшайре. Украли много ценных вещей, причем даже из гостиниц.

– Не думаю, что в «Пасифик» могут забраться воры, – попытался успокоить ее швейцар.

– Мне тоже кажется, что я напрасно беспокоюсь, но все равно боязно, что кто-то в мое отсутствие может забраться в квартиру.

– Ну и что они украдут, мэм? – рассмеялся Джимми. – Несколько серебряных карасей? Невелика потеря! Всегда можно купить новых.

– У меня есть что красть, – покачала она головой. – Мой покойный муж был состоятельным человеком и оставил после себя кое-какие драгоценности, серебро. У меня даже есть оригинал Сезанна. Вы единственный человек, который знает об этом, кроме моей сестры.

– Но ведь вы наверняка застраховали их.

– В том-то и беда, что не застраховала. Все никак руки не доходили.

Джимми аккуратно набил трубку табаком.

– Ценные вещи следует страховать, мэм. Не хочу пугать вас. Шансы, что вас обворуют, невысоки, но сами знаете, в жизни все может случиться.

– Но ведь прежде чем застраховать ценности, их следует сначала оценить. Это мне больше всего и не нравится. Не хочу, чтобы какой-то незнакомый человек рылся в моих вещах. Лучше, думаю, защитить их по-другому...

Старуха задумалась на несколько секунд, потом двинулась к двери, ведущей во внутренний двор. Перед тем как выйти, остановилась и оглянулась.

– Джимми, не окажете мне услугу? Можете, пригляните за моей квартирой, когда я уеду к сестре? Нужно только проверять по вечерам, заперта ли дверь. Буду вам очень признательна.

– Не беспокойтесь, мэм. Я с удовольствием посижу за вашей квартирой в ваше отсутствие.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Спокойной ночи, Джимми.

– Спокойной ночи.

Она медленно прошла дворик и скрылась в здании. Через минуту в фиолетовых сумерках загорелся желтый квадратик ее окна.

Джимми курил трубку, не сводя взгляда с окна. Где-то в глубине его сознания возникла и обрела форму мысль, которая ему очень не нравилась. Он пытался отвлечься, но неприятная мысль не оставляла его в покое. Драгоценности и дорогая картина в квартире старухи... Ни охраны, ни страховки. Приходи и бери!

Джимми рассердился на себя и отвел взгляд от окна. Через минуту он поднял голову и увидел, что в окне по-прежнему горит манящий свет. Незастрахованные драгоценности. Картина французского художника, которая стоит тысячи долларов. Джимми крепко сжал зубами трубку.

Наконец в окне погас свет. Ветерок зашелестел в кустах, по стенам дома заскользили высокие тени. Забраться в ее квартиру элементарно, подумал Джимми. Нужно только дождаться, когда она снова отправится в гости к сестре. Это легко узнать, потому что она всегда выпускает рыбок в пруд. После того как она уедет во Фриско, ничего не стоит подняться к ней в квартиру и спокойно открыть дверь ключом, который дал ему на всякий случай мистер Кинг. Этот ключ подходил ко всем замкам в отеле.

Джимми улыбнулся. И почему сначала эта идея показалась ему отвратительной? Конечно, он ограбит старуху, убежит с ее серебром и драгоценностями и бесценной картиной! Джимми расхохотался и вернулся к стеклянным дверям, которые выходили на Уиллсайрский бульвар.

Машины нескончаемым потоком текли к океану. Интересно, подумал он, сколько понадобится драгоценностей для того, чтобы купить новый лимузин с откидным верхом? У него закружилась голова от астрономических цифр, и он прислонился к двери. Сейчас машины казались ему похожими на карасей, которые переливались в сумерках и плыли в темном ручье.

В следующий понедельник Джимми проснулся поздно. Он позавтракал, но вместо того, чтобы вернуться домой и, как обычно, подремать перед работой, сел на автобус и отправился через Беверли-Хиллз по бульвару Уиллсайр. День выдался пасмурный и душный. Когда дребезжащий автобус проехал мимо стеклянного фасада «Пасифика», Джимми встал и вышел на следующей остановке.

Внутренний дворик гостиницы в послеобеденной дымке потерял яркие цвета. Кусты лишились сочной зелени и стали бледными и невзрачными. Джимми обошел бассейн и приблизился к рыбному пруду. Из квартиры на первом этаже вышла горничная и крикнула:

– Привет, Джимми!

Джимми помахал в ответ. Вода в пруду была неподвижна, только на глубине скользили маленькие тени. Старухины караси, как всегда, держались особняком. Ее окно было закрыто шторами. Наверное, уехала сегодня утром во Фриско, подумал он, и вернется в конце недели. Джимми задумчиво провел пальцами по теплой воде.

Он поднялся на последний этаж и позвонил в дверь квартиры. Потом громко постучал, но ответом ему была тишина.

И тут в голове Джимми промелькнула страшная мысль. Ему стало ясно, что он действительно собирается ограбить квартиру старухи. Впервые в жизни у него появился шанс осуществить желания. Средство для этого лежало в каких-то нескольких футах за закрытой дверью. Через минуту у него родился простой и надежный план. Он с улыбкой спустился во двор и вышел на бульвар.

Джимми вернулся домой на автобусе и до пяти часов отдыхал. Потом спустился в аптеку на углу, позвонил в «Пасифик» и сообщил, что плохо себя чувствует.

– Черт побери! – рассердился мистер Кинг. – Мог бы сообщить и раньше. Где сейчас искать тебе замену?

– Я все прекрасно понимаю, но колики начались совсем недавно.

– Ладно, Джимми, – раздраженно пробурчал управляющий, – постараюсь кем-нибудь тебя заменить на завтрашнюю ночь. Сегодня уже никого не найти.

– Мне жаль, мистер Кинг.

– Ладно, как-нибудь выкрутимся. Поскорее выздоравливай.

Джимми повесил трубку. Теперь нужно было решить еще одну проблему – найти машину. Не мог же он ехать на автобусе с картиной под мышкой! Придется взять машину напрокат хотя бы на сегодняшний вечер.

Джимми поужинал в маленькой закуской и отправился в ближайший гараж. Подписав необходимые документы и дав задаток, он сел в машину с откидным верхом. Машина была шикарной, но выбор был оправдан, если учесть, что ехать придется по Уиллсайру. Джимми выехал на бульвар, когда начали сгущаться теплые сумерки и небо над океаном посветлело. Сидя в дорогой машине с опущенным верхом и двигаясь в потоке таких же элегантных автомобилей, он ощущал себя членом всемирного братства. Джимми разогнался до восьмидесяти, но быстро взял себя в руки и сбросил скорость до разрешенного предела – шестидесяти миль в час. Сегодня не тот вечер, когда стоит рисковать встречей с полицией. Если его задержат за превышение скорости, о краже можно будет забыть.

В начале двенадцатого Джимми проехал мимо ярко освещенного пустого холла «Пасифика» и остановился за углом. Дверь была заперта. Он обошел здание и

вошел во двор. Ни в одном окне не горел свет. Круглый диск луны отражался в воде пруда. Главное – не бояться, подумал он. Если меня кто-то увидит, скажу, что старуха просила проверить ее квартиру.

Джимми тихо поднялся по лестнице. На последнем этаже остановился и прислушался. В доме царил тишина. Он не услышал даже звуков работающего телевизора. Джимми тихо подошел к двери и на всякий случай позвонил. Как он и думал, дверь никто не открыл. Джимми вставил в замок отмычку, слегка нажал и вновь прислушался. Не услышав подозрительных звуков, взялся за ручку и медленно открыл дверь.

Сначала у Джимми мелькнула мысль, что он перепутал квартиры. В гостиной не было мебели, в лунном свете слабо поблескивали огромные стеклянные ящики. Джимми удивленно пожал плечами, закрыл за собой дверь и огляделся по сторонам.

Сотни глазок-бусинок пристально изучали незваного гостя из-за стеклянных стенок. Вдоль стен тянулись несколько рядов аквариумов, в которых плавали разноцветные тропические рыбки. Джимми никогда не доводилось видеть столько разных рыб. Почти все они были маленькие, с мощными челюстями и острыми зубами.

Глаза Джимми широко раскрылись от удивления. Здесь нет ни дорогой картины французского художника, ни столового серебра, только кровать и несколько сотен рыбок. Зачем старуха придумала эту историю о Сезанне, серебре и драгоценностях? И тут его осенило. Ладони рук покрылись холодной испариной. Джимми неожиданно вспомнил парня, который работал в «Пасифике» до него. Кажется, он тоже позвонил мистеру Кингу, предупредил, что не может выйти на работу, и с тех пор как в воду канул.

У Джимми подкосились ноги, и он прислонился к одному из аквариумов. Похоже, старуха все тщательно спланировала. Разговоры у пруда, «поездки» в Сан-Франциско к несуществующей на самом деле сестре, выдуманная драгоценность и дорогая картина... Он посмотрел на рыбок, мирно плавающих в подогретой воде, и решил, что вид у них упитанный. Джимми вспомнил невероятные истории о прожорливых рыбешках с острыми зубами, которые называются пираньями.

За спиной у Джимми тихо скрипнула дверь...

Перевел с английского Сергей МАНУКОВ

СУДОКУ ПЛЮС ЭРУДИЦИЯ

ПРАВИЛА ИГРЫ Поле 9x9 клеток должно быть заполнено числами от 1 до 9 так, чтобы в каждой горизонтали, вертикали, длинной диагонали и в каждом блоке 3x3 (поле делится на 9 блоков) присутствовали цифры от 1 до 9. Начальное игровое поле задается с определенным набором чисел, после чего, используя логические рассуждения, игрок заполняет числами всю головоломку.
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОДСКАЗКИ В указанных трех вертикалях встречаются последовательности цифр, образующие загаданные годы!

НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ I	НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II	НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ ЦАРИЦЫ СОФИИ
3		4
	8	
	4	1
	3	7
4		
	2	5
	9	5
2	3	9
	4	5

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ из №2/2007г.

5	1	7	3	6	8	9	4	2
8	2	4	1	9	7	5	3	6
9	3	6	4	2	5	1	8	7
7	8	5	9	1	4	6	2	3
4	9	3	2	8	6	7	1	5
2	6	1	7	5	3	8	9	4
1	7	9	5	3	2	4	6	8
3	5	8	6	4	1	2	7	9
6	4	2	8	7	9	3	5	1

ДИСТРИБЬЮТОРАМИ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ ЯВЛЯЮТСЯ:

ЗАО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-УКРАИНА»
Директор ВЛАДИМИРОВ
АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ Киев, тел. 205 4314

ТОО «МИР ПРЕСС» Казахстан, Узбекистан, Киргизия
Директор ТУРГУНБАЕВА
РАУШАН Амантаевна 050009, г. Алматы,
пр. Гагарина, 135; тел. 79 9578, 79 2253

ООО «ФЕНСТЕР» – Литва, Латвия
Ген. директор КОЗЛОВ Андрей Викторович
Рига, тел. 923 6205

УП «ДИП-ПРЕСС» – Белоруссия
Ген. директор КОЗЛОВСКИЙ
Владимир Михайлович
Минск, тел. 222 8508

ООО «ПЛАНЕТА» – Грузия, Армения, Азербайджан
Ген. директор ЧАНЧАЛАШВИЛИ
МЕРАБ Шалвович Тбилиси, тел. 93 3873

ООО АГЕНТСТВО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
«СЕВЕРО-ЗАПАД» – Эстония
Ген. директор РОГИНСКИЙ Михаил
Борисович Таллинн, тел. +7 372 53461584

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
Издание
Юлиана Семенова
и Артема Боровика

Президент группы компаний
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
Вероника БОРОВИК-ХИЛЬЧЕВСКАЯ

Главный редактор
Галина СИДОРОВА
Заместитель главного редактора
Леонид ВЕЛЕХОВ
Арт-директор
Федор РАДЛОВ

ОБОЗРЕВАТЕЛИ:
Таисия БЕЛОУСОВА
Иосиф ГАЛЬПЕРИН
Лариса КИСЛИНСКАЯ

РЕДАКЦИЯ:
Сергей КОНДРАТЬЕВ
Наталья КУЧИНА
Наталья МЕЛЬНИКОВА
Алла ПАНТЕЛЕЕВА
Арина ОРЛОВА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Лев АННИНСКИЙ
Александр БЕНЕНСОН
Карл Арне БЛОМ (Швеция)
Даниил ГРАНИН
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
Эндрю ДЖЕННИНГС (Великобритания)
Василий ЛИВАНОВ
Дмитрий ЛИХАНОВ
Виктор ЛУПАН (Франция)
Михаил ЛЮБИМОВ
Филипп НАЙТЛИ (Великобритания)
Лариса РЕШЕТНИКОВА
Мартин Круз СМИТ (США)
Александр СТРУЕВ
Пако Игнасио ТАЙБО II (Мексика)
Эдуард ТОПОЛЬ (США)

Учредитель: ЗАО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-МЕДИА»

Генеральный директор
Виктор БОГОМОЛОВ
Руководитель юридической службы
Марина КОРШИКОВА

ДИРЕКЦИЯ ПО PR И РЕКЛАМЕ:
Анна КАПКИНА – директор
Юлия АСМОЛОВА
Олеся ПАВЕЛКО
Евгений ТУРКУЛЕЦ
Маргарита ФИНКЕЛЬ
(495)544-30-35, 544-30-36

Директор по распространению
Наталья ГЕРАСИМОВА (495) 544-30-15
E-MAIL: GNA@TOPSECRET.CNT.RU

Производственный отдел: (495) 544-30-18

Почтовый адрес учредителя, издателя и редакции
121099, Москва, Смоленская пл., 13/21,
п/о № 99, А/я 255
E-MAIL: TOPSEC@TOPSECRET.CNT.RU / TOPSEC@DOL.RU
Телефон: (495) 544-30-37 Факс: (495) 544-30-37

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение
№ 0110804 от 30.12.1998 г.
Подписной индекс 32209

Интернет-версия газеты: WWW.SOVSEKRETN.RU
Фонд Артема Боровика: WWW.FONDARTEM.RU

Номер подписан в печать 20.02.2007 г.
Читательская аудитория 2 млн. 300 тыс.
Цена свободная
Газета печатается в городах:
Алма-Ата, Киев, Минск, Рига, Тарту, Тбилиси

Редакция не имеет возможности рецензировать
и возвращать не заказанные ею рукописи
и иллюстрации. Перепечатка материалов,
их использование в любой форме, в т.ч.
в электронных СМИ, возможна только
с разрешения редакции.
Ссылка на «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» обязательна.
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламы.
Точки зрения редакции и авторов не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-МЕДИА», 2007

Отпечатано в ГУП «Издательский дом «Красная
Звезда» Министерства обороны РФ,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 38
Тираж 285 000 экз. Заказ № 368

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16